

Научный электронный журнал «Сфера науки»

2026. Том 1. №5.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №5

Май 2026 г.

Краснодар, 2026

Содержание

Административное право	5
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	5
Касимова Азалия Руслановна	
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕГИОНАЛЬНЫХ ОПЕРАТОРОВ ПО ОБРАЩЕНИЮ С ТВЁРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ	17
Крейс Даниил Андреевич	17
Гражданское право	25
ГОЛОС КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: КОЛЛИЗИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	25
Кириллова Виолетта Витальевна	
ГУДВИЛЛ И ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ	33
Кузина Ольга Александровна	
ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА С УЧАСТНИКАМИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ	49
Палаткина Вероника Николаевна Суханькова Арина Федоровна	
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКИХ ПРАВ	61
Пятачкова Александра Сергеевна Путилова Анастасия Юрьевна	
ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРА ПОДРЯДА НА ВЫПОЛНЕНИЕ ПРОЕКТНЫХ И ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ РАБОТ	72
Степанец Александр Павлович Гребенюк Анна Евгеньевна	
СООТНОШЕНИЕ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ВЗЫСКАНИЯ УБЫТКОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ДОЧЕРНЕГО ОБЩЕСТВА	80
Тушева Анастасия Игоревна	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ	90
Чаткин Сергей Викторович Иванов Иван Дмитриевич	

Гражданско-процессуальное право	98
ЧАСТНЫЕ И ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПОИСК БАЛАНСА В УСЛОВИЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ	98
Меленцов Артём Романович	
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	105
Тальшева Елизавета Андреевна	
Международное право	112
СПОРТИВНОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА И ОТРАСЛЕВАЯ ПРАКТИКА	112
Пятачкова Александра Сергеевна	
Путилова Анастасия Юрьевна	
Трудовое право	124
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ИНОСТРАННЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	124
Хасанова Азалия Ильнуровна	
Каримова Лиана Фанисовна	
Уголовное право	130
ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ИЛИ РАЗВИТИЕ «ПРЕСТУПНОГО СОСТОЯНИЯ»?	130
Шимоткин Дмитрий Александрович	
Медов Константин Дмитриевич	
ОТГРАНИЧЕНИЕ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	138
Павлова Валерия Антоновна	
Распопова Виктория Олеговна	
СНИЖЕНИЕ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДО 12 ЛЕТ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АКСЕЛЕРАЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ	149
Саперова Елена Викторовна	
Сарыглар Долгармаа Эресовна	
Уголовно-процессуальное право	162

ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ: ДОСТИЖЕНИЕ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ИЛИ ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО УКЛОНА?	162
Байбикова Вероника Альбертовна	
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ	174
Гапонова Александра Валерьевна	
Финансовое право	183
ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫМ СПОСОБАМ МОШЕННИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	183
Каскова Валерия Ивановна	

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Касимова Азалия Руслановна,

студентка 2 курса

ФГБОУ ВО ВятГУ,

г. Киров, Россия,

azaliya.ksmv@mail.ru

Научный руководитель:

Кирилловых Андрей Александрович,

доцент кафедры конституционного, административного права

и правового обеспечения государственной службы

Вятского государственного университета,

кандидат юридических наук, доцент,

ФГБОУ ВО ВятГУ,

г. Киров, Россия,

kirilovykh2014@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматривается становление и развитие органов государственного управления в России. В статье проводится различие между государственным и публичным управлением. Исторические этапы развития государственного управления анализируются с точки зрения степени приближения к современной модели публичного управления.

Ключевые слова: государственное управление, государственное управление в России, механизм государственного управления, понятие государственного

управления, понятие публичного управления, формирование публичного управления, этапы развития органов государственного управления.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MECHANISM OF PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA: STRUCTURAL AND SUBSTANTIVE ASPECTS

Kasimova Azaliya Ruslanovna,

second year student

FGBOU VO VyatGU,

the city of Kirov, Russia,

azaliya.ksmv@mail.ru

Scientific supervisor:

Kirillovykh Andrey Alexandrovich,

associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative Law

and Legal Support of Civil Service

at Vyatka State University,

candidate of Legal Sciences, associate Professor,

FGBOU VO VyatGU,

the city of Kirov, Russia,

kirillovykh2014@yandex.ru

Abstract: this article examines the formation and development of government bodies in Russia. It distinguishes between state and public administration. The historical stages of public administration development are analyzed in terms of their degree of approximation to the modern public administration model.

Keywords: public administration, public administration in Russia, mechanism of public administration, concept of public administration, concept of public administration, formation of public administration, stages of development of government bodies.

Создание и становление органов государственного и публичного управления в России – это исторически продолжительный процесс, который главным образом связан с трансформированием общества и вызван социально-экономическими причинами.

В основу периодизации развития государственного управления положен историко-государственный подход, предполагающий выделение этапов в соответствии со сменой исторических форм государства и государственного устройства. История формирования и развития органов государственного управления включает в себя несколько стадий.

Рассматривая первую стадию, можно выделить лишь становление органов государственного управления в общих чертах. «Русская Правда» в качестве правового кодекса периода древнерусского государства фиксирует развитие княжеского домена и дворцово-вотчинной системы управления. «Князья по согласованию с вече поручают агентам вотчинного управления выполнение государственных исполнительных и судебных функций» [1, с. 24]. Великим князьям принадлежала вся полнота государственной власти, в том числе и сфера государственного управления. Орудием или органом осуществления такой княжеской власти была дружина, состоявшая из служилых бояр и княжеских слуг. Можно предположить, что данный механизм закладывает основы системы государственного управления в России.

Центральное управление XVII в. продолжало развиваться в форме приказной системы. Н. С. Байкалов, рассматривая приказы специального управления, находившихся под контролем царя или Думы, называет посольский, который являлся исполнительным органом царя и Думы [1, с. 76].

Второй стадией становления государственного управления является период Российской империи. Сложная структура приказов не отвечала требованиям новой модели государственного управления, основанной на четком разделении отраслевой компетенции, которую стремился установить Петр I, поэтому он осуществил реорганизацию органов центрального управления. В XVIII веке Петр I заменил приказную систему коллегиальной. Было создано 11

коллегий, функциями которых было осуществление регулирования общественных отношений в сфере государственной власти. В 1802 году Александр I заменил систему коллегий на министерскую. Было создано 8 министерств. Некоторые из них совпадают по наименованию с современными, например, Министерство внутренних дел, Министерство юстиции. «Законодательство начала XIX в. к административным органам с полномочиями в исполнительной сфере отнесло министерства и Комитет министров, другие государственные органы...» [2, с. 74].

В 1811 г. при участии М. М. Сперанского был издан закон «Общее учреждение министерств». Он завершил оформление министерской системы управления в России. Министрам вверялись распорядительно-исполнительные полномочия при их подчинении императору. Аппарат министерств подразделялся на департаменты и канцелярии, которые возглавляли директора. Введение указанного закона знаменовало новую нормативную основу министерской системы управления с разделенными исполнительными функциями системы органов власти.

К концу XIX века в России сложился ряд министерств: Министерство финансов, Министерство императорского двора и уделов, Министерство земледелия и государственных имуществ, Министерство духовных дел и народного просвещения, Министерство почт и телеграфов (в 1881 году окончательно вошедшее в состав Министерства внутренних дел), Министерство путей сообщения [8]. К 1917 году общее количество министерств и главных управлений на правах министерств в Российской империи составляло 13.

Если посмотреть на имперский период с точки зрения того, что такое государственное управление, можно сказать: в это время сложилась система министерств, действовавшая на основе единоначалия. Функционирование такой системы можно рассматривать как пример государственного управления: отсутствуют элементы публичного управления и сам принцип публичности.

Третий этап развития связан с историей органов власти, имевших исполнительно-распорядительные полномочия в советской России (в составе

Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР)). После Февральской революции 1917 г. власть получило Временное правительство. Анализируя государственное управление в советский период применительно к российскому опыту, необходимо обратиться к Конституциям СССР 1924, 1936 и 1977 годов.

Что касается органов государственного управления по Конституции 1924 года, то отличительным признаком этого нормативно-правового акта является то, что в его тексте нет упоминания о министерствах. Здесь их функции исполняют народные комиссариаты, которые впоследствии были переименованы в Министерства СССР законом от 15 марта 1946 года [3]. Насчитывается 10 народных комиссариатов, руководящих отдельными отраслями государственного управления. По Конституции СССР 1924 года они подразделялись на 2 типа: общесоюзные и объединенные. К первому относились наркоматы, которые образовывались только в Союзе. Таких наркоматов в тот период было пять: по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов. В свою очередь, объединенными народными комиссариатами СССР являются такие народные комиссариаты, как Высший Совет Народного Хозяйства, продовольствия, труда, финансов и рабоче-крестьянской инспекции [5].

Согласно Конституции 1936 года органами государственного управления с исполнительно-распорядительными полномочиями по-прежнему являлись народные комиссариаты СССР. В 1946 году народные комиссариаты (далее — наркоматы) всех уровней были преобразованы в одноимённые министерства. Это преобразование было осуществлено на основании закона «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик — в Советы Министров союзных и автономных республик». Конституция 1936 года подразделяет наркомы на общесоюзные и союзно-республиканские. Их количество по сравнению с первым основным законом увеличилось в 6 раз: 31 нарком являлся общесоюзным, другие 31 – союзно-республиканскими [6].

Увеличение количества министерств связано с разграничением деятельности промышленных и машиностроительных отраслей. Также отличием положений Конституции 1936 года от Конституции 1924 года является появление возможности создания Государственных комитетов, специальных комитетов и Главных управлений при Совете Министров СССР по делам хозяйственного, культурного и оборонного строительства.

Далее хронологически следует Конституция 1977 года. В государстве продолжают существовать министерства, государственные комитеты и другие подведомственные Совету министров органы. Общесоюзные и союзно-республиканские министерства и государственные комитеты СССР «несут ответственность за состояние и развитие порученных им сфер управления» [7]. Ранее положения об ответственности за их деятельность не упоминались в тексте Конституции. «Перечень министерств и государственных комитетов СССР определяются Законом о Совете Министров СССР» [7], что указано в Конституции 1977 года. На этом этапе количество министерств сократилось почти вдвое, а количество государственных комитетов увеличилось.

Рассмотрение третьего этапа показывает, что органы государственного управления как часть государственной власти закрепились в российском государстве и будут развиваться по мере необходимости реализации властных полномочий в соответствующих сферах. Рассмотрев предшествующие принятые в СССР Конституции, мы видим предпосылки для формирования системы и структуры публичного управления в современности. Анализ Конституций 1924, 1936 и 1977 годов показывает, что формальное развитие системы наркоматов и министерств не привело к появлению публичных механизмов управления. Увеличение числа ведомств и появление в тексте Основного закона 1977 года положения об «ответственности» министерств ничего не меняли в главном: управление оставалось закрытым, функционировало на основе подотчётности исключительно вышестоящим органам. Властные распоряжения принимались без общественного участия, а сведения о них не публиковались.

Соответственно, четвертой и заключительной стадией эволюции управленческих институтов является период современной России. На современном этапе Конституция РФ, принятая в 1993 году, закрепила разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную [4]. В 2004 году административная реформа сформировала трёхуровневую систему органов исполнительной власти федерального уровня: министерства, службы и агентства. Структура и система органов исполнительной власти в Российской Федерации (далее – РФ) за последние десятилетия неоднократно менялась. Это происходило с целью повышения эффективности и качества организации управления государством путем создания новых федеральных органов исполнительной власти, передачи их полномочий иным федеральным ведомствам, их переименования для однозначного определения управленческой компетенции, а также их сферы деятельности. Именно на современном этапе впервые в российской истории появляются элементы публичного управления: законодательно закреплена открытость информации о деятельности органов власти, обязательность публичных отчётов, механизмы обратной связи с гражданами, общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов, а также возможность участия граждан в принятии управленческих решений. Однако, как следует из приведённого выше обзора, эти новшества накладываются на многолетнюю традицию закрытого государственного управления.

Для более глубокого изучения данного вопроса необходимо разграничить понятия государственного и публичного управления. Пункт 2 статьи 3 Федерального закона Российской Федерации от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» закрепляет следующее понятие: «государственное управление – деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» [11]. Ю. Н. Стариков приводит более объемное определение: государственное управление как целенаправленная организующая,

подзаконная, исполнительно-распорядительная и регулирующая деятельность системы органов государственной исполнительной власти, реализующих функции государственного управления на основе и во исполнение законов в различных отраслях и сферах социально-культурного, хозяйственного и административно-политического строительства [10, с. 32]. Публичное управление – более широкая концепция, включающая открытость, обратную связь и участие граждан. По определению Дж. М. Пфиффинера и Р. Пристюса, «публичное управление – это управление организацией и направлением человеческих и материальных ресурсов для достижения желаемых целей» [12]. Рассматривая публичное управление в качестве родового понятия по отношению к государственному управлению, И. В. Поникин дает более распространенное разъяснение: публичное управление включает в себя механизмы совершенствования внутренней координации, управление человеческими, финансовыми и материальными ресурсами и коммуникационными и информационными системами, а также управление, связанное с предоставлением публичных услуг [9].

Конституционная реформа 2020 года внесла существенные изменения в понимание публичного управления в России. В соответствии с поправками 2020 года статья 71 Конституции РФ относит к ведению Российской Федерации вопросы организации публичной власти [4]. Реформа закрепила принцип единства системы публичной власти, что указано в части 2 статьи 80 Конституции РФ. Также, после вступления в законную силу новых норм, Президент РФ получил полномочия по формированию Государственного Совета в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти [4].

Проведенный анализ определений, закрепленных в законодательстве и научной литературе, позволяет сделать следующий вывод: понятие «публичное управление» действительно охватывает более широкую сферу общественных отношений и более широкий субъектный состав по сравнению с понятием «государственное управление». Если государственное управление

ограничивается деятельностью органов государственной власти по реализации полномочий в социально-экономической и административно-политической сферах, то публичное управление включает не только собственно государственно-властные процессы, но и механизмы координации, управление человеческими, финансовыми и материальными ресурсами, информационными системами, а также организацию предоставления публичных услуг. Таким образом, категория «публичное управление» выступает родовой по отношению к «государственному управлению», совмещая в себе как властные, так и организационно-управленческие аспекты деятельности, выходящие за пределы деятельности государственных органов, а также институтов местного самоуправления. В свою очередь, итогом конституционной реформы 2020 года стало закрепление понятия «публичная власть» непосредственно в тексте Конституции РФ.

Делая вывод об историческом аспекте рассмотрения органов государственного управления, можно сказать, что этот путь начался ещё до того, как понятие государственного управления получило официальное закрепление в законодательстве. Наличие и становление государственной власти упоминалось в «Русской правде», где государственное управление осуществляли князья и их дружины с помощью приказов специального управления. В период Российской империи продолжилось развитие имперских центральных учреждений. Система коллегий Петра I и министерская система Александра I внесли существенный вклад в закрепление системы органов государственного управления. Это же относится и к закону «Общее учреждение министерств», созданному при участии М. М. Сперанского. Именно на этапе Советского государства впервые получила конституционное закрепление структура институтов власти – в Конституциях 1924, 1936 и 1977 годов.

Проведённый исторический анализ развития института государственного управления в России позволяет сделать следующий вывод. Эволюция органов государственного управления в России прошла несколько крупных этапов, на каждом из которых формировались определённые организационные формы и

принципы работы управленческих структур. При этом на протяжении всей истории российской государственности доминировало именно государственное управление: закрытое, с отчётностью перед вышестоящими инстанциями, а не перед обществом. Современный этап развития государственного управления отличается тем, что в его рамках впервые в практику деятельности органов власти внедряются элементы публичного управления. В этом смысле изучение истории государственного управления в России необходимо, так как оно показывает, как происходит процесс реформирования государственного устройства и общества. Это позволяет сделать вывод о том, что становление и развитие публичного управления – это достаточно сложный и долгий процесс, требующий активного участия в процессах реформирования и совершенствования институтов публичного управления как общества, так и государства.

Библиографический список использованных источников

1. Байкалов Н. С. История государственного управления в России: учебное пособие / Н. С. Байкалов. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2010. – 282 с.
2. Дахина А. А. Основные этапы развития системы органов исполнительной власти в Российской империи XIX - начала XX вв // Теория и практика общественного развития. 2015. №15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-razvitiya-sistemy-organov-ispolnitelnoy-vlasti-v-rossiyskoj-imperii-xix-nachala-xx-vv>
3. Закон СССР от 15.03.1946 о преобразовании Совнаркомов в Совмины. — Текст: электронный // Wikisource: [сайт]. — URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_СССР_от_15.03.1946_о_преобразовании_Совнаркомов_в_Совмины
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского

- голосования 1 июля 2020 г. – URL:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ – Текст: электронный.
5. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (1924) [Электронный ресурс] / подгот. текста д-ром ист. наук А. Г. Голиковым. – Электрон. текст. дан. – Москва: Исторический фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/EText/cnst1924.htm>
6. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (1936) [Электронный ресурс] / подгот. текста д-ром ист. наук А. Г. Голиковым. – Электрон. текст. дан. – Москва: Исторический фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/EText/cnst1936.htm>
7. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (1977) [Электронный ресурс] / подгот. текста д-ром ист. наук А. Г. Голиковым. – Электрон. текст. дан. – Москва: Исторический фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, [200-?]. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/EText/cnst1977.htm>
8. Министерская система в Российской империи. — Текст: электронный // idd.mid.ru: [сайт]. — URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/chronicle-of-service/ministerskaya-sistema-v-rossiyskoj-imperii/
9. Понкин И. В. Понятия «управление» и «публичное управление» в общей теории публичного управления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://ebox.nbu.bg/pa2015/16_Igor%20Ponkin_RUSIA.pdf
10. Старилов Ю. Н. Государственное управление как вид государственной деятельности и область действия административного права // Общее административное право: учебник: в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова. — 2-е изд. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. — Ч. 1. — С. 760.
11. Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации" (последняя редакция) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

12. Pfiffner J.M., Presthus R. Public Administration. – New York: The Ronald Press Co., 1960

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА
РЕГИОНАЛЬНЫХ ОПЕРАТОРОВ ПО ОБРАЩЕНИЮ С ТВЁРДЫМИ
КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ**

Крейс Даниил Андреевич,

Аспирант 2 курса

Новосибирский государственный университет,

г. Новосибирск, Россия,

kpeuc@internet.ru

Аннотация: в статье анализируется институт региональных операторов по обращению с твёрдыми коммунальными отходами, описываются проблемы, вытекающие из дуалистического статуса региональных операторов, а также предлагаются меры по совершенствованию законодательства Российской Федерации в сфере отходов производства и потребления.

Ключевые слова: монополия, правовой статус, региональные операторы, твёрдые коммунальные отходы.

**PROBLEMS OF THE LEGAL STATUS OF REGIONAL OPERATORS FOR
MUNICIPAL SOLID WASTE MANAGEMENT**

Kreis Daniel Andreevich,

second-year postgraduate student

Novosibirsk State University,

the city of Novosibirsk, Russia,

kpeuc@internet.ru

Abstract: the article analyzes the legal status of regional operators for municipal solid

waste management, examines the existing problems arising from the dual nature of their legal status and proposes measures aimed at improving the legislation of the Russian Federation in the field of production and consumption waste management.

Keywords: monopoly, legal status, regional operators, municipal solid waste.

В 2014 году в России в связи с принятием Федерального закона № 458-ФЗ началась реформа в сфере обращения с твёрдыми коммунальными отходами (в дальнейшем также – ТКО, отходы). Реформа ознаменовала собой окончательный переход государства от диспозитивного метода регулирования соответствующих общественных отношений в пользу императивного.

В рамках реформы практически все субъекты Российской Федерации были поделены на территориальные зоны, в каждой из которых начали осуществлять свою деятельность региональные операторы по обращению с ТКО (в дальнейшем также – региональные операторы).

По своему статусу региональные операторы де-факто выступают в роли субъектов естественной монополии в сфере обращения с ТКО в пределах закреплённой за ними территориальной зоны. Однако к такому выводу, если проанализировать выбранную законодателем модель регулирования деятельности региональных операторов, можно прийти не сразу.

В нашем привычном понимании, когда речь заходит о субъектах естественной монополии, мы представляем себе организации (предприятия), выполняющие публично значимые функции и признанные субъектами естественной монополии на основании распорядительного акта органа власти.

Например, в сфере топливно-энергетического комплекса уже более 20 лет субъектом естественной монополии выступает ОАО «РЖД» (приказ Федеральной энергетической комиссии от 24 декабря 2003 года № 108-э/16), а в сфере захоронения радиоактивных отходов – ФГУП «НО РАО» (приказ Федеральной службы по тарифам от 3 октября 2014 года № 1611-р). Иным (независимым) участникам доступ на соответствующие рынки ограничен.

Монополистский же статус региональных операторов обусловлен отнюдь

не ограничительными мерами: потребители по-прежнему вправе осуществлять вывоз ТКО при содействии независимых (частных) исполнителей, не вступая в прямые договорные отношения с региональными операторами.

Между тем уклонение потребителей, находящихся в зоне деятельности региональных операторов, от заключения прямых договоров с региональными операторами приведёт к тому, что к потребителям будут применяться условия публичного (типового) договора (утверждён постановлением Правительства Российской Федерации от 7 марта 2025 года № 293 «О порядке обращения с твёрдыми коммунальными отходами») [5], предусматривающие начисление платы за услуги не по реальным объёмам образуемых отходов, а по нормативу их накопления, который, как правило, является чрезмерно завышенным.

Соответственно, заключение договора с частными исполнителями лишено экономического смысла – это приведёт лишь к необходимости двойной оплаты: и частному исполнителю (который хотя и реально оказывает услуги, однако правопорядок этого не признаёт), и региональному оператору.

Из изложенного следует, что действующее правовое регулирование, используя механизм публичного (типового) договора, административно-экономическим методом понуждает потребителей заключать договоры именно с региональными операторами, по сути, ставя их в один ряд с субъектами естественной монополии, однако официально не признавая их таковыми.

Дуалистический характер правового статуса региональных операторов, в свою очередь, является, по нашему убеждению, ключевой проблемой, которая заметно замедляет темп экологической реформы в России.

Так, исходя из высокой общественной значимости деятельности региональных операторов, в том числе принимая во внимание их роль в реализации права граждан на благоприятную окружающую среду (статья 42 Конституции Российской Федерации), законодатель установил особый порядок конкурсного отбора региональных операторов, предъявил повышенные требования к их работе, предусмотрел отдельную систему контроля и закрепил специальные основания для досрочного прекращения статуса, то есть, по сути,

установил для региональных операторов практически те же правила, что и для субъектов естественной монополии.

Более этого, законодатель предусмотрел государственное регулирование тарифов на услуги по обращению с ТКО: стоимость услуг устанавливается не региональными операторами, а органами власти субъектов Российской Федерации (пункт 3 Правил регулирования тарифов в сфере обращения с ТКО, утверждённых постановлением Правительства Российской Федерации от 30 мая 2016 года № 484) [6].

Сходные тарифные правила, к слову, применяются к субъектам естественной монополии (абзац четвёртый пункта 1 статьи 11 Федерального закона от 17 августа 1995 года № 147-ФЗ «О естественных монополиях») [4].

Между тем отличительной особенностью субъектов естественной монополии является участие публично-правовых образований и их органов в принятии управленческих решений: это позволяет, в частности, снизить коррупционную составляющую в их деятельности.

Например, сто процентов акций названного ранее ОАО «РЖД» принадлежат Российской Федерации, а ФГУП «НО РАО», также упомянутое выше, и вовсе является федеральным государственным предприятием. То же самое касается и ПАО «Транснефть», являющееся монополистом в сфере транспортировки нефтепродуктов по трубопроводам.

В свою очередь, региональные операторы по обращению с ТКО, хотя и выполняют публично значимые функции, тем не менее в большинстве своём являются негосударственными компаниями, доли в их уставном капитале (их акции) принадлежат, в основном, частным предпринимателям.

На практике это создаёт предпосылки к возникновению коррупциогенных факторов: например, когда отдельные представители органов публичной власти либо аффилированного с ними бизнеса прямо либо опосредованно оказываются держателями долей в уставном капитале (акционерами) юридических лиц – региональных операторов.

По нашему мнению, действующее законодательство не позволяет

исключить риск возникновения факторов подобного рода.

Кроме того, механизм государственного регулирования тарифов, по которым оказывают услуги частные компании – региональные операторы, как показывает практика, также демонстрирует недостаточную проработанность.

В качестве примера можно взять региональных операторов, расположенных в пределах Сибирского федерального округа.

Так, первый новосибирский региональный оператор (ООО «Экология-Новосибирск») уже несколько лет находится в банкротстве (дело № А45-35287/2021 Арбитражного суда Новосибирской области), в отношении хакасского регионального оператора – ООО «АЭРОСИТИ-2000» возбуждено аналогичное дело (дело № А40-187423/2025 Арбитражного суда города Москвы), в отношении томского регионального оператора (ООО «ТРЭЖ») – подано заявление о банкротстве (дело № А67-4411/2026 Арбитражного суда Томской области), омский региональный оператор (ООО «Магнит») завершил 2025 год с убытками, а красноярский оператор (ООО «РК») в настоящее время находится в стадии ликвидации.

Что показательно, после прекращения работы самых первых региональных операторов в субъектах Российской Федерации наметилась тенденция по наделению этим статусом уже не частных компаний, а государственных.

К примеру, в Новосибирской области после банкротства ООО «Экология-Новосибирск» статус регионального оператора приобрело АО «САХ», принадлежащее государству. То же самое касается и Республики Хакасии – в ней региональным оператором является подконтрольное республиканскому министерству имущественных и земельных отношений АО «ЭКОПАРК». В Красноярском крае один из двух региональных операторов также является государственной компанией (АО «Автоспецбаза»).

Данная тенденция характерна не только для Сибирского федерального округа, но и для многих других регионов. В частности, в Санкт-Петербурге региональным оператором является АО «Невский экологический оператор», принадлежащее государству, в Республике Крым – АО «Крымэкоресурсы» (тоже

государственное), в Приморском крае – КГУП «ПЭО», в Республике Дагестан – МБУ «Благоустройство г. Махачкалы».

По нашему мнению, тенденции подобного рода являются правильными, учитывающими негативный опыт прошлых лет.

Между тем эти тенденции трудно назвать повсеместными, поскольку во многих субъектах Российской Федерации функции региональных операторов по-прежнему осуществляют компании, не имеющие даже минимального государственного участия: в Кемеровской области – Кузбассе это частные ООО «ЭкоТек» и ООО «Чистый Город Кемерово», в Алтайском крае – ООО «ЭКОСОЮЗ», в Республике Алтай – ООО «Единый оператор», в Ставропольском крае – ООО «Эко-Сити».

На примере Сибирского федерального округа можно сделать вывод о том, что отход от рыночных начал и переход к государственному участию в деятельности региональных операторов происходят, как правило, после того, как прежде выбранный региональный оператор оказывается в банкротстве.

Проблема состоит в том, что банкротство регионального оператора может сопровождаться развалом экологической инфраструктуры, нарушением прав и законных интересов работников и кредиторов регионального оператора, а также иными негативными последствиями. Опыт частной инициативы может оказаться болезненным.

Поэтому, на наш взгляд, для обеспечения прозрачности механизма деятельности региональных операторов представляется необходимым установить обязательную минимальную долю корпоративного участия публично-правовых образований (органов публичной власти) в деятельности юридических лиц, наделённых статусом регионального оператора, либо ограничить осуществление такой деятельности для частных юридических лиц.

Суммируя изложенное, мы приходим к выводу, что правовой статус региональных операторов является двойственным. С одной стороны, региональные операторы, как правило, являются частными компаниями и действуют по законам рынка, с другой стороны, они выполняют публично

значимые функции, а потому подпадают под особые ограничения – в том числе в вопросах ценообразования. При этом практика последних лет показала, что подобного рода смешение рыночного и государственного методов регулирования не всегда является эффективным. На наш взгляд, для того, чтобы решить данную проблему, необходимо установить обязательную минимальную долю публично-правовых образований (органов власти) в уставном капитале региональных операторов (минимальный пакет акций) либо запретить осуществление такой деятельности частным организациям.

Библиографический список использованных источников

1. Измайлов Р. Р. Проблемы правового регулирования отношений по обращению с твёрдыми коммунальными отходами // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 1. – С. 147–150.
2. Конституция РФ: прин. всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. 01.07.2020 в ходе общероссийского голосования) // СПС «КонсультантПлюс». – Электронные данные. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.05.2026).
3. Об отходах производства и потребления: Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2026) // СЗ РФ. – 1998. – № 26. – Ст. 3009.
4. О естественных монополиях: Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2026) // СЗ РФ. – 1995. – № 34. – Ст. 3426.
5. О порядке обращения с твёрдыми коммунальными отходами: постановление Правительства РФ от 07.03.2025 № 293 (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.03.2026) // СЗ РФ. – 2025. – № 11. – 1165.
6. О ценообразовании в области обращения с твёрдыми коммунальными отходами: постановление Правительства РФ от 30.05.2016 № 484 (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.11.2025) // СЗ РФ. – 2016. – № 23. – Ст. 3331.
7. Правила проведения уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации конкурсного отбора региональных операторов

по обращению с твёрдыми коммунальными отходами: утв. постановлением
Правительства РФ от 05.09.2016 № 881 (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.12.2021)
// СЗ РФ. – 2016. – № 37. – Ст. 5501.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347

ГОЛОС КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: КОЛЛИЗИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Кириллова Виолетта Витальевна,

студент 2 курса

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации,

г. Москва, Россия,

vkirillova-24@ranepa.ru

Аннотация: В статье исследуется правовая природа голоса человека в контексте гражданского права Российской Федерации. Выявляется фундаментальная коллизия между пониманием голоса как нематериального блага, защищаемого нормами о личных неимущественных правах, и голоса как объекта интеллектуальной собственности в форме исполнения или фонограммы. Анализируются действующие нормы Гражданского кодекса РФ, правовые позиции Конституционного Суда РФ, а также законодательные инициативы последних лет. Особое внимание уделено вызовам, связанным с развитием технологий искусственного интеллекта и синтезирования речи (дипфейки). На основе проведенного анализа формулируются предложения по преодолению выявленной коллизии и совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: голос, гражданское право, дипфейки, интеллектуальная собственность, исполнение, нематериальное благо, синтезирование речи, фонограмма.

VOICE AS AN OBJECT OF CIVIL LAW: THE CONFLICT BETWEEN A NON-MATERIAL BENEFIT AND INTELLECTUAL PROPERTY

Kirillova Violetta Vitalievna,

2nd-year student

Russian Presidential Academy of National Economy

and Public Administration (RANEPА),

Moscow, Russia,

vkirillova-24@ranepa.ru

Annotation: The article examines the legal nature of the human voice in the context of the civil law of the Russian Federation. It identifies a fundamental conflict between the understanding of the voice as a non-material benefit protected by personal non-property rights, and the voice as an object of intellectual property in the form of a performance or a phonogram. The author analyzes the current provisions of the Civil Code of the Russian Federation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as recent legislative initiatives. Special attention is paid to the challenges associated with the development of artificial intelligence technologies and speech synthesis (deepfakes). Based on the analysis, proposals are formulated to overcome the identified conflict and improve law enforcement practice.

Keywords: voice, civil law, deepfakes, intellectual property, performance, non-material benefit, speech synthesis, phonogram.

Цифровая эпоха порождает уникальные правовые феномены, бросающие вызов классическим цивилистическим конструкциям. Одним из таких феноменов выступает человеческий голос, который в современном обороте все чаще приобретает черты самостоятельного объекта экономических отношений, отчуждаемого и используемого в коммерческих целях. Актуальность темы обусловлена экспоненциальным ростом технологий синтезирования речи и

распространением дипфейков — цифровых имитаций голосов реальных людей, создаваемых искусственным интеллектом.

Законодательные инициативы последних лет свидетельствуют о потребности в правовом регулировании данной сферы. Осенью 2024 года в Государственную Думу был внесен законопроект № 718834-8, предусматривающий дополнение Гражданского кодекса РФ статьей 152.3 «Охрана голоса гражданина». [8] Параллельно в Совете Федерации прозвучало предложение о полном запрете создания и распространения дипфейков. [2] Однако Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства не поддержал указанные инициативы в представленном виде, указав на отсутствие необходимости введения отдельной статьи и наличие достаточных механизмов защиты в действующем законодательстве.

Целью данного исследования является анализ правовой природы голоса и выявление коллизии между его пониманием как нематериального блага и как объекта интеллектуальной собственности.

Для достижения указанной цели решаются следующие задачи:

- 1) определить место голоса в системе объектов гражданских прав по действующему законодательству РФ;
- 2) выявить основные доктринальные подходы к охране голоса и их отражение в правоприменительной практике;
- 3) проанализировать влияние технологического прогресса на правовой режим голоса;
- 4) предложить пути преодоления выявленной коллизии.

Действующее гражданское законодательство Российской Федерации не содержит специальной нормы, посвященной охране голоса как самостоятельного объекта. Вместе с тем, как следует из буквального толкования пункта 1 статьи 150 Гражданского кодекса РФ, перечень нематериальных благ, принадлежащих гражданину и подлежащих защите, является открытым. Данная позиция неоднократно подтверждалась Конституционным Судом РФ, который в

своих определениях указывал, что голос относится к числу нематериальных благ, неотделимых от личности и подлежащих правовой защите [5].

Правоприменительная практика исходит из возможности защиты голоса на основе общих положений главы 8 ГК РФ о нематериальных благах. Суды при рассмотрении споров, связанных с несанкционированным использованием голоса гражданина, обращаются к общим положениям о защите нематериальных благ, используя такие способы защиты, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права.

Отсутствие специальной нормы порождает правовую неопределенность относительно объема правомочий гражданина по распоряжению своим голосом, пределов допустимого использования голоса третьими лицами, а также способов защиты нарушенного права. Как справедливо отмечается в заключениях экспертов, остается неясным, по каким характеристикам (тембр, высота тона, продолжительность произнесения звуков и т.д.) следует индивидуализировать голос и определять его принадлежность гражданину [4].

Параллельно с пониманием голоса как нематериального блага на практике нередко возникает вопрос о применении к записям голоса институтов интеллектуальной собственности, а именно категорий исполнения и фонограммы [4].

Интересы актеров дубляжа, певцов, театральных актеров, чей голос является узнаваемым, в ряде случаев могут быть защищены с использованием положений главы 71 ГК РФ о правах, смежных с авторскими. Согласно пункту 1 статьи 1315 ГК РФ, исполнитель наделяется исключительным правом на созданное им исполнение и правом на его неприкосновенность, которые препятствуют свободному воспроизведению, распространению и изменению такого исполнения [7, с. 283–293]. В свою очередь, запись голоса гражданина может защищаться как фонограмма, однако данный механизм не обеспечивает полноценной защиты интересов обладателя голоса, поскольку в силу статьи 1324 ГК РФ исключительное право на фонограмму принадлежит её изготовителю, то

есть лицу, организовавшему запись, а не носителю голоса. Более того, коммерческое использование голоса не может быть защищено механизмами интеллектуальной собственности, так как голос прямо не поименован в закрытом перечне охраняемых объектов, содержащемся в статье 1225 ГК РФ.

Российское законодательство в настоящее время не предусматривает возможности отчуждения голоса как самостоятельного нематериального блага. Нематериальные блага неотчуждаемы и непередаваемы иным способом в силу прямого указания пункта 1 статьи 150 ГК РФ. Таким образом, договор об отчуждении права на голос будет ничтожен как противоречащий существу законодательного регулирования. Вместе с тем гражданин имеет право распорядиться записью своего голоса в рамках договора об отчуждении исключительного права на исполнение или фонограмму.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта порождает принципиально новые правовые проблемы, связанные с возможностью создания синтезированного голоса, неотличимого от голоса реального человека. Современные технологии синтеза речи позволяют имитировать голос гражданина и могут быть использованы в ущерб такому гражданину.

Осознавая масштаб угрозы, законодатель предпринимает попытки реагирования на технологические вызовы.

В Совете Федерации прозвучала инициатива о полном запрете создания и распространения дипфейков — синтетических аудиовизуальных материалов, имитирующих образ и голос граждан без их согласия, с установлением административной и уголовной ответственности в зависимости от последствий и целей использования [2]. Параллельно депутаты Госдумы заявили, что готовят законопроекты, которые позволят привлекать к ответственности создателей и распространителей дипфейков. Особенно речь идет о случаях, когда они затрагивают честь и достоинство человека или содержат сведения, способные опорочить конкретный субъект [6].

Однако Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства выразил обеспокоенность тем, что такие

изменения могут излишне ограничить права граждан на использование голосовых данных [3]. По мере того как технологии будут развиваться, голосовые записи, вероятно, понадобятся в самых разных сферах — от медицины и образования до услуг. Если же ввести чрезмерно жесткие запреты, это может негативно сказаться на инновациях и развитии гражданского общества.

В научных работах предлагается комплексный подход к охране голоса в условиях развития искусственного интеллекта, который включает использование следующих правовых институтов: нематериальные блага, персональные данные, институт авторского права и смежных прав. Отдельное внимание стоит уделить проблеме синтезированного голоса: подлежит ли он охране по правилам о нематериальных благах либо должен рассматриваться как самостоятельный результат интеллектуальной деятельности?

Представляется, что синтезированный голос, будучи цифровым продуктом, созданным с применением технологий машинного обучения, в большей степени тяготеет к сфере интеллектуальной собственности, нежели к личным неимущественным правам. Вместе с тем его создание и использование не должны осуществляться в ущерб правам и законным интересам обладателя оригинального голоса. Сбалансированный подход требует установления разрешительного режима использования синтезированного голоса с обязательным получением согласия обладателя оригинального голоса и маркировкой синтезированного контента.

Проведенный анализ дает ясно понять, что голос человека представляет собой уникальный правовой феномен, находящийся на стыке личных неимущественных прав и интеллектуальной собственности. Действующее законодательство, относя голос к открытому перечню нематериальных благ, предоставляет базовые механизмы защиты, однако не дает четких ориентиров для вовлечения голоса в экономический оборот.

Разрешение коллизии возможно по двум направлениям. Первое — дифференциация правовых режимов: личное неимущественное право на голос неотчуждаемо и защищается главой 8 ГК РФ, а коммерческое использование

опосредуется механизмами интеллектуальной собственности (исполнение, фонограмма). Второе — применение по аналогии норм статьи 152.1 ГК РФ об охране изображения, что уже воспринято практикой и нуждается в закреплении разъяснениями высших судов.

Введение в ГК РФ специальной статьи об охране голоса является преждевременным и может создать риски ограничительного толкования открытого перечня нематериальных благ. Более эффективным представляется развитие правоприменительной практики и разъяснений высших судебных инстанций по вопросам применения действующих норм к отношениям по использованию голоса.

Технологические вызовы (дипфейки, синтезирование речи) требуют не полного запрета, а разрешительного режима: согласие обладателя голоса и обязательная маркировка синтезированного контента.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку конкретных критериев разграничения правомерного и неправомерного использования синтезированного голоса, а также на определение баланса между защитой личных неимущественных прав граждан и потребностями технологического прогресса.

Библиографический список использованных источников

1. Иванов Д.А. Охрана голоса: проблемные решения и нерешенные проблемы / Д.А. Иванов // Intellectual Property Solution. — 2025. — 8 марта. — URL: <https://ips-bureau.com/media/ohrana-golosa-problemnye-resheniya-i-nereshennye-problemy/> (дата обращения: 20.04.2026).
2. Карякин С. Сенатор от Крыма Сергей Карякин предложил законопроект о запрете «дипфейков» / С. Карякин // Государственный Совет Республики Крым : официальный сайт. — 2025. — 9 октября. — URL: http://crimea.gov.ru/news/08_10_2025_5 (дата обращения: 20.04.2026).
3. Крашенинников П.В. Совет при президенте РФ по кодификации отметил излишние ограничения прав граждан в законопроекте о «дипфейках» / П.В.

- Крашенинников // Ассоциация юристов России : официальный сайт. — 2024. — 25 октября. — URL: <https://alrf.ru/news/sovet-pri-prezidente-rf-po-kodifikatsii-otmetil-izlishnie-ogranicheniya-prav-grazhdan-v-zakonoproekt/> (дата обращения: 20.04.2026).
4. Озолина И. Комментарий к поправкам в Гражданский кодекс РФ об охране голоса / И. Озолина // Адвокатская газета. — 2024. — 19 сентября. — URL: <https://azalesov.com/news/commentary-by-irina-ozolina-for-the-attorney-s-newspaper-on-the-amendments-to-the-civil-code-of-the-russian-federation> (дата обращения: 20.04.2026).
5. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2023 года № 2850-О, от 27 декабря 2023 года № 3428-О, от 18 июля 2024 года № 1943-О и др.
6. Ткачев А.О. Ткачев анонсировал появление законов, которые позволят привлекать к ответственности создателей и распространителей дипфейков / А.О. Ткачев // Дума ТВ : официальный сайт. — 2025. — 19 февраля. — URL: <https://migration.dumatv.ru/news/tkachev-anonsiroval-poyavlenie-zakonov--kotorie-pozvolyat-privlekat-k-otvetstvennosti-sozdatelei-i-rasprostranitelei-dipfeikov> (дата обращения: 20.04.2026).
7. Чернякова М.Д. Правовая охрана голоса в условиях развития искусственного интеллекта / М.Д. Чернякова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2024. — № 2(44). — С. 283–293.
8. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» : принято на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 25 октября 2024 г. № 246/1-2024 // ГАРАНТ : справочно-правовая система. — URL: <https://base.garant.ru/410982128/> (дата обращения: 20.04.2026).

ГУДВИЛЛ И ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Кузина Ольга Александровна,
студентка 2 курса магистратуры
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет» (ПГНИУ),
г. Пермь, Россия,
kuzinao504@gmail.com

Аннотация: в статье анализируется правовой институт деловой репутации в действующем российском законодательстве, доктрине и зарубежной практике. Автором предлагается предпринять дальнейшие шаги в области правового регулирования деловой репутации в российском праве не только как нематериального блага, но и как экономически ценного актива.

Ключевые слова: бизнес, гудвилл, деловая репутация, комплексная категория, нематериальное благо, оборотоспособность, правовая дефиниция, экономически ценный актив.

GOODWILL AND BUSINESS REPUTATION. THE COMPARISON OF CONCEPTS

Kuzina Olga Alexandrovna
second-year master's student
Perm State University (PSU),
The city of Perm, Russia,
kuzinao504@gmail.com

Abstract: The article analyzes the legal concept of business reputation in current Russian legislation, doctrine, and international judicial cases. The author proposes further steps in the legal regulation of business reputation in Russian law, not only as an intangible asset but also as an economically valuable one.

Keywords: business, goodwill, business reputation, complex category, intangible asset, marketability, legal definition, economically valuable asset.

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года в ст. 21 закрепляет охрану достоинства личности [6], а ст. 23 декларирует право каждого на защиту своей чести и доброго имени [6]. Данные права относятся к категории личных неимущественных прав, а также к категории нематериальных благ (для целей настоящей статьи указанные категории будут использованы как синонимы). Правовое регулирование нематериальных благ, в частности, их защиты закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее, ГК РФ). Причем по гражданскому законодательству регулирование осуществляется именно с точки зрения защиты таких нематериальных благ, поскольку они не просто абстрактно существуют, а корреспондируют обязанностям неопределенного круга лиц соблюдать эти права, не нарушать их и не посягать на них. В литературе понятие нематериальное благо определяется следующим образом: это неразрывно связанные с личностью носителя, непередаваемые и неотчуждаемые духовные ценности внеэкономического характера, которые направлены на всестороннее обеспечение существования личности и вокруг которых складывается поведение субъектов гражданского права [4]. Таким образом, личные неимущественные права и нематериальные блага по гражданскому законодательству являются неотъемлемыми, непередаваемыми и неотчуждаемыми, относящимися к духовным ценностям. Соответственно, при посягательстве на нематериальные блага страдает личность, а не имущественный интерес. В соответствии со ст. 150 ГК РФ к нематериальным благам относятся жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация,

неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемые и непередаваемые иным способом [1]. Ст. 152 ГК РФ среди способов защиты нематериальных благ таких как требование опровержения сведений порочащих честь, достоинство и деловую репутацию закрепляет также компенсацию морального вреда, причем уточняет, что правила о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица [1]. Отсюда можно заключить, что среди иных нематериальных благ деловая репутация имеет свои особенности. Может возникнуть вопрос: если нематериальные блага неразрывно связаны с личностью лица, если они неотчуждаемы и непередаваемы, имеют внеэкономический характер, относятся к духовным ценностям, то почему деловая репутация как нематериальное благо может возникнуть у юридического лица? При этом при прочтении указанной нормы у правоприменителя едва ли возникнет диссонанс. Отсюда можно заключить, что деловая репутация является особым нематериальным благом, которое может быть как у физического, так и у юридического лица. ГК РФ допускает право защиты юридическим лицом только деловой репутации, но не чести или достоинства, поскольку данные категории к юридическому лицу неприменимы. Аргументировать такой подход можно исходя из теории фикции юридического лица (основоположники и последователи: Папа Иннокентий IV, Ф.К. Савиньи): поскольку юридическое лицо не является одушевленным лицом, а скорее правовой конструкцией, созданной для коллективного участия субъектов в гражданско-правовых отношениях, то и такие категории как честь и достоинство к юридическому лицу неприменимы. Такое объяснение кажется очевидным. Вместе с тем, например, Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. закреплял право гражданина или организации на судебную защиту чести и достоинства. При этом законодатель не делал каких-либо различий, указывая на

возможность как физического лица (гражданина), так и юридического лица (организации) защитить честь или достоинство. В дальнейшем ст. 7 ГК РСФСР 1964 г. дополнилась положением о взыскании гражданином компенсации морального вреда при распространении сведений, порочащих честь и достоинство. В связи с такой неоднозначностью представляется важным разграничить понятия честь, достоинство, деловая репутация.

Прежде всего стоит отметить, что легально закрепленных понятий таких категорий как честь, достоинство, деловая репутация нет. Можно предположить, что острая необходимость в их законодательном закреплении отсутствует, поскольку такие понятия не являются исключительно правовыми терминами, и у обычного человека не возникает трудностей в их трактовке. Кроме того, создание правового понятия является достаточно непростым с точки зрения юридической техники и может накладывать определенные ограничения, а также создавать сложности при правоприменении. Однако в целях разграничения таких понятий рассмотрим определения, предложенные в юридической литературе. А.П. Сергеев разграничивал понятия честь, достоинство и деловая репутация следующим образом: «под честью понимается социальная оценка качеств и способностей конкретной личности, под достоинством — самооценка своих качеств и способностей, а под репутацией сложившееся о лице мнение, основанное на оценке общественно значимых его качеств, в том числе профессиональных (в последнем случае принято говорить о деловой репутации)» [2]. Е. А. Суханов определял деловую репутацию гражданина как общественную оценку исключительно его профессиональных качеств, в том числе как индивидуального предпринимателя или лица иной профессии (рабочие, инженеры, педагоги, врачи, лица творческих профессий и т.п.) [3]. В отличие от понятия «деловая репутация» понятие «честь» определяется как общественная оценка социально значимых и моральных качеств, присущих гражданину, а под достоинством - самооценка гражданином этих качеств [3]. Е.А. Толмачева определяла деловую репутацию как «нематериальное благо физического или юридического лица, представляющего собой социальную

оценку его деловых и сопряженных с деловыми качеств, основанную на имеющихся или ожидаемых сведениях о качестве производимых данным лицом товаров, работ и услуг, а также процессных особенностях их производства» [15].

На основании приведенных дефиниций можно заключить, что честь, достоинство, деловая репутация разграничиваются следующим образом: честь – это общественная оценка социально-значимых качеств физического лица, достоинство в отличие от чести является самооценкой своих качеств, а деловая репутация – это сложившееся, приобретенное мнение о качествах, достоинствах, связанных с осуществлением профессиональной деятельности. То есть достоинство связано с оценкой лицом своих качеств, в отличие от чести и деловой репутации она не привязана в первую очередь к общественному мнению, честь связана с общественной оценкой моральных и социально-значимых качеств, а деловая репутация связана с общественной оценкой профессиональной деятельности и деловых качеств физического или юридического лица. При этом некоторые исследователи в качестве особенной черты называют ее сформированность на основе имеющихся сведений. То есть репутация, в частности, положительная не возникает сама по себе, а формируется на основе общественного мнения. Существует позиция, что существуют разные виды репутации: репутация лица и физического и юридического в целом (может быть как положительной, так и отрицательной), репутация как доброе имя (обозначение именно положительной репутации), также служебная репутация (например, у государственных служащих), деловая репутация или профессиональная репутация гражданина, связанная с осуществлением им профессиональной деятельности и с проявлением его профессиональных качеств, а также деловая репутация бизнеса, связанная с осуществлением организацией предпринимательской деятельности (сюда можно отнести, например, грамотный менеджмент, доверие потребителей, сотрудничество с контрагентами и другие примеры). Например, некоторыми исследователями предлагается ввести в законодательство понятие репутация, а затем уточнять его при правоприменении. Как отмечает М. А. Рожкова: «надо было ввести в ГК

общее понятие «репутация», и его содержание формировалось бы с учетом толкований, даваемых в судебной практике. Наш законодатель поступил по-другому — ввел в закон изначально более узкий по содержанию термин (деловая репутация), а теперь идут попытки расширить его содержание, нередко предлагается его толкование как репутации вообще, что не очень соответствует норме закона» [13]. С одной стороны, такое предложение сформировано на основе анализа сложившейся судебной практики и можно было бы согласиться с данным мнением. С другой стороны, при закреплении только понятия репутация без уточняющего критерия «деловая» может привести к новой сложности разграничения такой репутации с понятием честь или, например, доброго имени. Все же с точки зрения стабильности гражданского оборота понятие деловая репутация, а не просто репутация представляется удачным, так как оно указывает именно на необходимость защиты профессиональных качеств лица. В целях более полного и всестороннего изучения правового института деловой репутации такая классификация заслуживает внимания, однако введение таких категорий в гражданский оборот представляется излишним.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в российском праве сложился подход, в силу которого деловая репутация является нематериальным благом, неотчуждаемым, непередаваемым, имеет внеэкономический характер и связано с духовными ценностями. Деловую репутацию можно определить как нематериальное благо физического или юридического лица, представляющее сформированную общественную оценку о профессиональных качествах такого лица. Вместе с тем определение понятия «деловая репутация», как только нематериальное благо не является исчерпывающим. В доктрине встречается мнение о том, что деловая репутация может выступать как ценный актив бизнеса, поскольку положительная деловая репутация влияет на деятельность юридического лица: на прибыль, отношения с контрагентами, появление новых клиентов. Как подчеркнул Верховный суд Российской Федерации в Постановлении Пленума № 3 от 24.02.2005 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и

юридических лиц»: «право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является их конституционным правом, а деловая репутация юридических лиц - одним из условий их успешной деятельности» [9]. Вместе с тем целостное законодательное закрепление деловой репутации как экономически ценного актива в российском праве отсутствует, а определенные предложения в пользу такого подхода можно найти на уровне научных исследований и в отдельных положениях гражданского законодательства. Так, например, в ст. 1027 ГК РФ договор коммерческой концессии наряду с правом использования исключительных прав предусматривает использование деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя в определенном объеме [2]. В данном случае деловая репутация передается автоматически и является предметом договора, поскольку все права передаются в комплексе. Как указал Конституционный суд в Постановлении от 08.07.2025 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1033 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «ТАРКЕТТ РУС»: «Договор коммерческой концессии представляет собой правовую форму одной из применяемых в экономическом обороте моделей организации предпринимательской деятельности, отличающуюся своеобразием состава соответствующих прав и обязанностей и их распределения между участниками соответствующих отношений... При этом один из характерных отличительных (существенных) признаков указанной договорной модели состоит в предоставлении правообладателем пользователю права на использование не отдельных, а именно комплекса исключительных прав, принадлежащих правообладателю, в предпринимательской деятельности пользователя. Кроме того, поскольку результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в процессе их использования обычно ассоциируются у приобретателей соответствующих товаров (работ, услуг) с определенными стандартами качества, способностью удовлетворить те или иные потребности (включая личные бытовые) - причем для формирования и **поддержания положительного имиджа (деловой репутации)** производителя таких товаров

(работ, услуг), тем более в условиях конкуренции, и, как следствие, для повышения их оборотоспособности могут потребоваться значительные затраты, - правообладатель при передаче комплекса исключительных прав иному лицу заинтересован в установлении определенного контроля за деятельностью последнего или оказании на нее существенного влияния» [10]. В приведенном Постановлении Конституционный суд РФ указал, что деловая репутация или «положительный имидж» способствуют повышению оборотоспособности компании. Так, например, Г.Ю. Мордохов отмечает, что именно за счет проверенной рынком «деловой репутации» основного бизнеса, появляется положительная репутация у лиц, приобретающих средства индивидуализации, которые рассчитывают привлечь клиентов основного бизнеса в результате того, что продукция или услуги, которые будет производить или оказывать новый субъект предпринимательской деятельности, будут автоматически ассоциироваться в глазах потребителей с уже зарекомендовавшим себя на рынке бизнесом [8]. Кроме того, в соответствии со ст. 1042 ГК РФ деловая репутация может вноситься в качестве вкладов в товарищество наряду с деньгами, иным имуществом, профессиональными и иными знаниями, навыками и умениями [2].

Таким образом, законодателю не чуждо понимание деловой репутации как экономически ценного актива, о чем свидетельствуют отдельные нормы гражданского законодательства, вместе с тем целостное закрепление такой категории отсутствует. В определенном смысле это обусловлено самой правовой природой деловой репутации: она существует не отдельно, а лишь в комплексе с иными правами, соответственно экономически оценить деловую репутацию как вещь или имущественное право достаточно затруднительно. Вместе с тем все-таки существует необходимость дальнейшего развития законодательного регулирования по пути признания деловой репутации не только нематериальным благом, но и экономически ценным активом. Как указывает М.А. Рожкова: «сложность для компаний и индивидуальных предпринимателей состоит в том, что общие положения ГК стабильно относят деловую репутацию к нематериальным благам даже несмотря на то, что впоследствии ГК отступает

от этой позиции: в частности, в последующих частях кодекса репутация признается имущественным активом, который может быть внесен в уставный капитал. На мой взгляд, в этом контексте явно назрела потребность изменения общих положений ГК» [13]. Такой подход отражает советское наследие гражданского законодательства, однако не учитывает реалии современного бизнеса. Для комплексного анализа правового института деловой репутации обратимся к зарубежным правовым порядкам.

При исследовании деловой репутации в доктрине можно найти также такое понятие как гудвилл, которое не встречается в ГК РФ, однако достаточно часто используется учеными. Например, изучая сущность рассматриваемой категории, голландский исследователь В. Сакулин заключил: «...гудвилл — нематериальный актив, который включает в себя доброе имя и (или) репутацию равным образом, как качество обслуживания клиентов или техническую эффективность». Другой голландский правовед Т. Кохен подчеркнул, что гудвилл, охватывая связанную с товарным знаком репутацию, может распространяться также на характеристики (в том числе технические) самого продукта, производителя. В немецкой судебной практике понятие «гудвилл» употребляется, как правило, для обозначения представлений покупателей о качестве предлагаемых предпринимателями товаров (услуг) и иных положительных характеристиках бизнеса [14]. Из указанных определений можно сделать вывод, что понятие гудвилл характеризует бизнес и его экономическую составляющую, отношения с клиентами и имеет не так много общего с нематериальными благами, которые закреплены в российском гражданском законодательстве. В странах общего права используется понятие гудвилл (goodwill), добрая воля (при этом в исследованиях гудвилл не переводится именно как деловая репутация, а используется понятие гудвилл ввиду того, что эти понятия не тождественны), в странах континентального права используются категории Achallandage (Франция), Unternehmensmehrwert (Германия) и avviamento (Италия) [14]. Анализируя сущность гудвилл в зарубежных правовых порядках, М.А. Рожкова выделяет два подхода к его

пониманию: бихевиористско-психологический подход (с позиции которого гудвилл рассматривается как влияние бизнеса на потребительский выбор и общественное признание бизнеса) и оценка гудвилл с точки зрения его содержания, в рамках которого гудвилл раскрывается через его составные элементы: грамотный менеджмент и профессионализм, отличные отношения в трудовом коллективе, клиентелла (прочные связи с клиентами и контрагентами), удачное месторасположение бизнеса, знание новых технологий, наличие прав на товарные знаки и созданные бренды, иные составляющие [14], в том числе деловая репутация. Рассмотрим также определение понятия гудвилл в странах общего права, поскольку именно в этих странах формировалось и разрабатывалось данное понятие. В решении по делу *CIT v. B.C. Srinivasa Setty* гудвилл был определен как «все относимые к бизнесу показатели: личность собственников, природа и характер бизнеса, репутация, месторасположение, влияние на современный рынок и социально-экономический климат» [5]. Применительно к определению понятия гудвилл можно также привести дело *Mark Reynolds v Caroline Stanbury* (2021), в котором Высокий суд Англии и Уэльса сделал выводы о том, что гудвилл физического лица и индивидуального предпринимателя (*personal goodwill*) при продаже бизнеса не имеет высокой ценности, поскольку такой гудвилл относится только к физическому лицу, то есть ценности его профессиональных качеств и не может высоко оцениваться при продаже бизнеса. В судебном акте суд указал: «гудвилл — это выгода и преимущество, которые дает хорошая репутация, связи и узнаваемость компании. Это притягательная сила, которая привлекает клиентов. Личная деловая репутация — это репутация, которой обладает конкретное лицо. Она обусловлена его личными качествами и характеристиками, такими как особые способности, физические данные, доброе имя и репутация» [16].

Таким образом, можно прийти к выводу, что в судебной практике стран общего права, а также в научных исследованиях сформировалась позиция, что гудвилл представляет собой нематериальный экономически ценный актив, который положительно сказывается на деятельности бизнеса и повышает

привлекательность компании среди конкурентов. При этом гудвилл не отождествляется с деловой репутацией, а скорее соотносится с последней как общее и частное, деловая репутация — это важный и неотъемлемый элемент гудвилл, но он не является единственным. Гудвилл вбирает в себя понятие деловая репутация и воспринимается западными правовыми порядками шире, чем отечественным. В США, например, действует стандарт ASC 350 (Intangibles — Goodwill and Other) при продаже бизнеса, а также 48 CFR § 31.205-49 при заключении федеральных контрактов. В соответствии с последним гудвилл определяется как неидентифицируемый нематериальный актив, который возникает при использовании метода учета приобретения при объединении бизнеса, когда цена, уплаченная приобретающей компанией, превышает сумму стоимости идентифицируемых отдельных приобретенных активов за вычетом принятых обязательств, рассчитанную по их справедливой стоимости. Превышение обычно называют деловой репутацией [17]. Данное описание характеризует гудвилл с точки зрения экономического подхода и бухгалтерского учета. Однако и российскому праву не чуждо понятие гудвилл как экономическая категория. Например, в Международном стандарте финансовой отчетности (IFRS) 18 «Представление и раскрытие информации в финансовой отчетности», введенном в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 14.01.2026 № 3н содержится понятие гудвилл среди активов, в отношении которых организация должна представлять в отчете о финансовом положении соответствующие строки. То есть гудвилл среди активов учитывается отдельной строкой [7]. Вместе с тем понятие гудвилл в данном стандарте не раскрыто.

Таким образом, гудвилл существует и в российском законодательстве, пусть только в одном акте, однако характеризуется как бухгалтерский термин, а не правовой. То есть российский законодатель все же признает понятие гудвилл с точки зрения экономического подхода, о чем свидетельствует его закрепление в Международном стандарте финансовой отчетности. Как было отмечено выше понятие гудвилл не равно понятию деловая репутация, однако последнее

является составляющим элементом гудвилла, а соответственно имеет экономическую ценность. В законодательстве есть единичные вкрапления понятия деловая репутация с точки зрения экономического подхода в ст. 1027 ГК РФ и 1042 ГК РФ, однако такие упоминания являются единичными. По мнению исследователей, нет никаких объективных препятствий для признания гудвилл имуществом и в отечественном гражданском праве. В то же время необходимо учитывать, что гудвилл является *нематериальным активом* (подобно входящей в его состав репутации), вследствие чего недопустимы попытки подвести его под понятие «вещи» и распространить на него положения о праве собственности. Будучи нематериальным активом, гудвилл в силу естественных свойств не допускает его перехода от одного лица к другому — переходить могут только субъективные гражданские права на него [14].

Подведем итоги. Российское правовое регулирование подходит к правовому институту деловой репутации с позиции признания его нематериальным благом, которое подлежит защите наряду с честью и достоинством (ст. ст. 150,152 ГК РФ). Вместе с тем из анализа приведенных понятий можно сделать вывод, что деловая репутация имеет свои особенности, потому что может возникать не только у физического, но и у юридического лица. Соответственно, определение деловой репутации лишь только с позиции нематериального блага не является исчерпывающим, однако такой подход отражает советское наследие в области регулирования нематериальных благ. В доктрине существуют разные понятия деловой репутации, однако такие дефиниции сводятся к определению деловой репутации как нематериального блага, связанного с приобретенной общественной оценкой профессиональных качеств личности или производственных качеств и характеристик юридического лица. В дальнейшем при принятии следующих частей ГК РФ законодатель закрепил возможность передачи деловой репутации наряду с передачей исключительных прав по договору коммерческой концессии (ст. 1027 ГК РФ), а также возможность вклада деловой репутации по договору простого товарищества (ст. 1042 ГК РФ). Признавая передачу деловой репутации по

договору, законодатель подтвердил его экономическую ценность. Однако отдельного и целостного правового регулирования деловой репутации с позиции экономической ценности такой правовой институт не получил. При обращении к зарубежным правовым порядкам, а также российской доктрине в области исследования деловой репутации был найден такой правовой феномен как гудвилл, который представляет собой комплексную экономическую категорию, связанную с привлекательностью бизнеса и состоящую из грамотного менеджмента, клиентеллы (прочные связи с клиентами и контрагентами), удачного месторасположения бизнеса, знания новых технологий, наличие прав на товарные знаки и созданные бренды, иных составляющих в том числе положительной деловой репутации. Иными словами, деловая репутация и гудвилл соотносятся как частное и общее. Данный термин применяется судами общего права при рассмотрении споров, связанных с предпринимательской деятельностью. Понятие гудвилл было найдено в Международном стандарте финансовой отчетности (IFRS) 18 «Представление и раскрытие информации в финансовой отчетности», введенном в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 14.01.2026 № 3н с [7], вместе с тем само понятие гудвилл там не раскрыто, а лишь упомянуто.

Таким образом, можно солидаризироваться с мнением исследователей о дальнейшей разработке правовых положений законодательства либо правоприменительной практики с позиции признания деловой репутации не только нематериальным благом, но и экономически ценным активом. Деловая репутация является особой категорией, которая представляет свою экономическую ценность в комплексе, неотрывно от других активов и естественно, закреплять деловую репутацию как вещь или имущественное право неправильно. Вместе с тем, можно предложить, во-первых, укрепить позицию относительно влияния деловой репутации на оборотоспособность компании, например, в судебной практике. Во-вторых, раскрыть понятие гудвилл, поскольку оно хоть и является скорее бухгалтерским термином, а не правовым, однако все же определение такой категории при оценке бизнеса, представляется, поможет

юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям оценить ущерб и репутационные издержки, тем самым лучше защитить свои права. Например, гудвилл можно определить следующим образом – это комплексный экономически ценный актив, подлежащий оценке при продаже бизнеса и состоящий из профессионализма сотрудников, менеджмента компании, комплекса исключительных прав, деловой репутации компании. Причем при введении понятия гудвилл, предлагается трактовать его в совокупности со смыслом, придаваемым законодателем в ст. 1027 ГК РФ. Ранее в п. 43 Приказа Минфина России от 27.12.2007 № 153н в ред. от 16.05.2016 «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2007)» содержались указания об оценке деловой репутации: «Положительную деловую репутацию следует рассматривать как надбавку к цене, уплачиваемую покупателем в ожидании будущих экономических выгод в связи с приобретенными неидентифицируемыми активами, и учитывать в качестве отдельного инвентарного объекта. Отрицательную деловую репутацию следует рассматривать как скидку с цены, предоставляемую покупателю в связи с отсутствием факторов наличия стабильных покупателей, репутации качества, навыков маркетинга и сбыта, деловых связей, опыта управления, уровня квалификации персонала и т.п. [11]». Однако в настоящее время данный приказ отменен Приказом Минфина России от 30.05.2022 № 86н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы». Новый приказ лишь указывает, что гудвилл, созданный собственными силами организации, не признается активом в бухгалтерском учете организации [12]. Отсюда, можно предположить, что гудвилл скорее подлежит оценке только при продаже бизнеса, но не оценивается отдельно.

Таким образом, можно сделать вывод о дальнейшей проработке понятия гудвилл в российском законодательстве, а также деловой репутации с позиции экономически ценного актива бизнеса.

Библиографический список использованных источников

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ в ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025// «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ в ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025// «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, № 5, ст. 410.
3. Гражданское право: учебник: в 4 т. Отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Статут, 2019. Т. 2. 464 с.
4. Гражданское право: учебник, под ред. А.П. Сергеева. В 3 т. Т. 1. 2-е издание. Москва: Проспект, 2020. 1040 с.
5. Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / М. А. Рожкова, М. Е. Глазкова, Д. В. Афанасьев, А. С. Ворожевич; под ред. М. А. Рожковой. — М.: Статут, 2015. — 270 с.
6. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>.
7. «Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 18 «Представление и раскрытие информации в финансовой отчетности». Введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 14.01.2026 № 3н в ред. от 14.01.2026// Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
8. Мордохов Г.Ю. Способы защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... кандидата юридических наук: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. М., 2017. 184 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 в ред. от 09.12.2025 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»// «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 4, 2005.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.07.2025 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1033 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «ТАРКЕТТ РУС»// Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
11. Приказ Минфина России от 27.12.2007 № 153н в ред. от 16.05.2016 «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету "Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2007)». Зарегистрировано в Минюсте России 23.01.2008 № 10975. Документ утратил силу с 1 января 2024 года в связи с изданием Приказа Минфина России от 30.05.2022 № 86н.// «Российская газета», № 22, 02.02.2008.
12. Приказ Минфина России от 30.05.2022 № 86н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы». Зарегистрировано в Минюсте России 28.06.2022 № 69031// Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
13. Рожкова М.А. Деловую репутацию надо включать в число имущественных активов (интервью номера) // Закон. 2024. № 1. С. 8-14.
14. Рожкова М. А. Правовая сущность гудвилл / М. А. Рожкова, А. С. Ворожеевич // Закон. 2015. № 1. С. 126-133.
15. Толмачева Е. А. Об определении деловой репутации в Российской Федерации // Адвокатская практика. – 2022. – № 3. – С. 20-23.
16. Mark Reynolds (Liquidator of CSB 123 Limited) v Caroline Stanbury [2021] EWHC 2506 (Ch). URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2021/2506.html>.
17. 48 CFR § 31.205-49 - Goodwill. Cornell law school. Legal information institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/48/31.205-49>.

**ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
БРАКА С УЧАСТНИКАМИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ**

Палаткина Вероника Николаевна,

Студент 3 курса,
Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Владимирский филиал,
г. Владимир, Россия,
palatkina.ver@gmail.com

Суханькова Арина Фёдоровна,

Студент 3 курса,
Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Владимирский филиал,
г. Владимир, Россия,
arinasuhankova@mail.ru

Научный руководитель:

Лачина Елена Анатольевна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
канд. юрид. наук, доцент,
г. Владимир, Россия,
lena-lachina@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется проблема фиктивных браков с участниками специальной военной операции (СВО), заключаемых для получения

государственных выплат. На основе Семейного кодекса РФ и Гражданского кодекса РФ раскрываются сложности доказывания отсутствия намерения создать семью. Рассматриваются факторы роста явления: значительный размер компенсаций, уязвимость военнослужащих и пробелы в регулировании. Приводятся примеры судебной практики (Брянская, Орловская области), где браки признаны фиктивными из-за отсутствия совместного проживания, краткосрочности знакомства и неосведомленности родственников. Анализируются законодательные инициативы: признание выплат личным имуществом, проект специального состава мошенничества (ст. 159.7 УК РФ), закон № 317-ФЗ о фактических супругах. Формулируются предложения: введение «отложенной» регистрации брака, расширение круга лиц, имеющих право на иск (включая родителей погибшего), создание межведомственного реестра. Делается вывод о необходимости баланса между защитой прав настоящих семей и свободой брачного выбора, ключевая роль при этом отводится правоприменительной практике.

Ключевые слова: мошенничество, недействительность брака, неосновательное обогащение, семейное законодательство, социальные выплаты, специальная военная операция, судебная практика, участник боевых действий, фактический брак, фиктивный брак.

THE PROBLEM OF LEGAL REGULATION OF MARRIAGE WITH PARTICIPANTS OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Palatkina Veronika Nikolaevna,

3rd year student,

Russian Academy

of National Economy and Public Administration

under the President of the Russian Federation,

Vladimir branch,

The city of Vladimir, Russia,

palatkina.ver@gmail.com

Sukhankova Arina Fedorovna,

3rd year student,

Russian Academy

of National Economy and Public Administration

under the President of the Russian Federation,

Vladimir branch,

The city of Vladimir, Russia,

arinasuhankova@mail.ru

Supervisor:

Elena Anatolyevna Lachina,

Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines,

Candidate of Law, Associate Professor,

The city of Vladimir, Russia,

[lena-lachina@mail.ru](mailto:lana-lachina@mail.ru)

Abstract: The article analyzes the problem of sham marriages with participants of the Special Military Operation (SVO), concluded for the purpose of obtaining state benefits. Based on the Family Code of the Russian Federation and Civil Code of the Russian Federation, the difficulties of proving the absence of intent to start a family are revealed. The article examines the factors contributing to the growth of this phenomenon: the significant size of compensation payments, the vulnerability of military personnel, and gaps in legal regulation. Examples of judicial practice (Bryansk and Oryol regions) are provided, where marriages were declared invalid due to lack of cohabitation, short duration of acquaintance, and unawareness of relatives. Legislative initiatives are analyzed: recognition of payments as personal property, a draft special fraud offense (Article 159.7 of the Criminal Code of the Russian Federation), and Federal Law No. 317-FZ on de facto spouses. Proposals are formulated: introducing a «cooling-off» period for marriage registration, expanding the circle of persons entitled to file a lawsuit (including parents of the deceased), and creating an interdepartmental

register. The conclusion is drawn about the need for a balance between protecting the rights of genuine families and freedom of marital choice, with key role assigned to law enforcement practice.

Keywords: combatant, common-law marriage, family law, fraud, invalidity of marriage, judicial practice, sham marriage, social benefits, special military operation, unjust enrichment.

Специальная военная операция (СВО) стала не только серьезным геополитическим вызовом, но и фактором, выявившим целый ряд юридических проблем, связанных с семейным и социальным законодательством. Практика выявила потребность в правовом регулировании новых реалий, в которых институт брака начинает использоваться не для целей его классического понимания - создания семьи, а для получения доступа к значительным материальным благам, предоставляемым государством участникам боевых действий и членам их семей.

Одной из наиболее острых проблем появление фиктивных браков, заключаемых непосредственно перед отправкой военнослужащих в зону СВО. Наибольшую опасность представляет действия лиц, целенаправленно вступающих в фиктивные браки с военнослужащими с целью получения компенсаций, положенных после их гибели. Общественный резонанс этой проблемы настолько высок, что в Государственной Думе на постоянной основе идет обсуждение законодательных мер по борьбе с этим явлением [5].

Причины проблемы обусловлены комплексом социально-экономических и правовых факторов. Значительный объём единовременных и регулярных выплат участникам СВО и членам их семей (повышенное денежное довольствие, страховые компенсации, жилищные субсидии и иные социальные льготы) создаёт выраженный коррупциогенный фактор. Согласно данным следственных органов и судебной практики, мошеннические действия в этой сфере позволяют извлекать крупные суммы. Так, прокуратура Уссурийска выявила случай, когда пара успела незаконно оформить и получить социальные выплаты на общую

сумму 15 миллионов рублей, а также попыталась оформить квартиру стоимостью свыше 2,8 миллиона рублей [14]. В другом случае суд в Петербурге обязал многодетную мать вернуть государству 8,2 миллиона рублей, полученных за фиктивный брак с погибшим ветераном СВО [2].

Вторым фактором является стрессовое и уязвимое состояние самих военнослужащих перед отправкой в зону боевых действий. В состоянии временного снижения когнитивного контроля и психоэмоциональной устойчивости военнослужащие становятся уязвимы для манипуляций с целью фиктивного брака, не осознавая в полной мере его правовых и моральных последствий. Следственные органы Ярославской области установили, что мошенники целенаправленно искали одиноких мужчин, готовящихся отправиться на службу, и убеждали их заключить подставной брак для последующего хищения единовременных выплат [10].

Пробелы в правовом регулировании и недостаточная строгость ответственности создавали у потенциальных правонарушителей представление о низкой вероятности наступления ответственности. До недавнего времени данные схемы квалифицировались как мошенничество, что ограничивало возможности эффективного пресечения.

Судебная практика выработала критерии доказывания фиктивности брака: союз заключён незадолго до отправки военного на место службы, его единственная цель материальное обогащение. Суды исследуют отсутствие совместного проживания и хозяйства, незнание родственников о браке, отсутствие общения, наличие у «супруги» других отношений, оформление доверенностей сразу после регистрации, кратковременность знакомства (вплоть до нескольких часов), неучастие супруги в проводах, посещениях госпиталя или похоронах.

Так, Красногорский районный суд Брянской области, удовлетворяя иск прокуратуры, установил, что Елена Соколова зарегистрировала брак с Сергеем Хандожко на следующий день после заключения им контракта с Министерством обороны. При этом совместного хозяйства супруги не вели, на проводах

Соколова не присутствовала, а свидетели подтвердили, что женщина продолжала проживать с отцом своих детей [4].

Аналогичным образом Ливенский районный суд Орловской области признал фиктивным брак, заключенный за сутки до подписания контракта, приняв во внимание, что в тот же день супруга получила доверенность с правом распоряжения всеми денежными вкладами мужа [1].

Прокурорская практика по данной категории дел становится все более активной. Только за последний год появились десятки аналогичных решений: прокуратура Севского района Брянской области добилась признания брака недействительным по обращению сестры погибшего участника СВО [12]; прокуратура Тюльганского района Оренбургской области - по обращению матери скончавшегося военнослужащего [11]; прокуратура Омутнинского района Кировской области установила фиктивность брака, заключенного за день до отправки в зону СВО [3].

В Госдуму был внесен ряд законопроектов, направленных на решение проблемы.

Первой мерой стало внесение законопроекта о признании денежных средств, полученных супругом в связи с участием в СВО, его личным имуществом, не подлежащим разделу при расторжении брака. Сами авторы поправок ссылаются на участвовавшие случаи: браки с участниками СВО заключают из корысти, чтобы получить доступ к крупным выплатам, а потом поделить их при разводе. Проект, по их замыслу, должен убрать саму экономическую выгоду от фиктивных супружеских союзов [9].

Другое предложение уже жёстче. Депутаты ЛДПР выступили с инициативой дополнить УК РФ специальным составом (статья 159.7). Речь идёт об ответственности за мошенничество при получении государственной или муниципальной социальной поддержки, но только в тех случаях, когда право на неё возникло из фиктивного брака. Санкции в проекте серьёзные: лишение свободы до 10–15 лет плюс штраф до трёх миллионов рублей [8].

Однако в экспертной среде к этой идее отнеслись по-разному. В официальном отзыве Правительства РФ был сформулирован вывод о том, что затронутый вопрос уже в полной мере урегулирован действующим законодательством, поскольку соответствующие деяния охватываются признаками состава мошенничества, предусмотренного статьей 159 Уголовного кодекса РФ [13].

Тем не менее, нельзя не признать, что общественный запрос на ужесточение наказания существует и он оправдан.

Важным шагом стало также принятие Федерального закона от 31 июля 2025 года № 317-ФЗ [7], который предоставил право на получение социальных выплат фактическим (гражданским) женам погибших участников СВО при соблюдении строгих условий: совместное проживание не менее трех лет, ведение общего хозяйства на момент заключения контракта и наличие общего несовершеннолетнего ребенка.

Примечательной особенностью рассматриваемого закона, ориентированного на защиту фактических семейных отношений, является то, что он также создаёт дополнительные правовые гарантии одновременно с основной функцией. В частности, женщина, находящаяся в фактических брачных отношениях с военнослужащим и имеющая от него совместного ребенка, приобретает легальный механизм реализации права на получение выплат без необходимости ускоренного оформления формального брака.

Также в мае 2025 года в Государственную думу был внесен законопроект, согласно которому денежные выплаты, полученные гражданином в связи с участием в СВО, являются его личной собственностью и не подлежат разделу при разводе [6]. Эта мера направлена на минимизацию экономической заинтересованности в заключении фиктивных браков.

Несмотря на наличие правовых механизмов и положительную динамику судебной практики, проблем в сфере правоприменения остается достаточно.

Действующее нормативно-правовое регулирование наделяет правом на обращение в суд с требованием о признании брака недействительным исключительно добросовестного супруга либо прокурора. Представляется целесообразным внести изменение в п. 2 ст. 28 Семейного кодекса РФ, дополнив перечень лиц, имеющих право требовать признания брака недействительным (при фиктивности), следующими субъектами: родители, совершеннолетние дети, полнородные братья и сёстры погибшего (умершего) военнослужащего; командир воинской части (по месту службы участника СВО) - при наличии данных, указывающих на фиктивность.

Предлагается создание межведомственного реестра лиц, в отношении которых имеются вступившие в силу решения суда о признании брака фиктивным. Реестр ведётся Росфинмониторингом совместно с Пенсионным и Социальным фондом РФ с целью: автоматического приостановления выплат при повторных попытках регистрации аналогичного брака с другим военнослужащим; направления сведений в органы прокуратуры для оперативного реагирования без вынесения отдельного судебного акта в каждом случае.

Включение в реестр влечёт презумпцию фиктивности при последующем браке с участником СВО, заключённом в течение 5 лет.

Вплоть до настоящего времени действия лиц, вступающих в фиктивный брак с корыстной целью, квалифицируются по статье 159 Уголовного кодекса РФ (мошенничество), что не в полной мере позволяет учесть специфику данного деяния. Вопреки позиции Правительства РФ о достаточности общей нормы ст. 159 УК РФ, целесообразно установить в Уголовном кодексе отдельный состав с санкцией до 10 лет лишения свободы (обоснование: повышенная общественная опасность, так как объектом посягательства выступают не только средства бюджета, но и жизнь и здоровье военнослужащего, находящегося в уязвимом состоянии). При этом диспозиция должна чётко указывать на ситуацию, когда

право на меры соцподдержки возникает именно из брака, заведомо для виновного заключённого без намерения создать семью.

Не следует исключать и гипотетически противоположную ситуацию, при которой добросовестная супруга, заключившая брак с военнослужащим непосредственно перед его направлением к месту службы (отправкой), подвергается попыткам со стороны родственников последнего объявить данный брак фиктивным, преследующим при этом корыстные цели. В этой связи закон должен обеспечивать сбалансированную охрану интересов всех участников соответствующих правоотношений. Предлагается внести в ст. 30 СК РФ (последствия недействительности брака) абзац следующего содержания: «Признание брака фиктивным не лишает добросовестную супругу права на страховые выплаты и наследство, если она докажет, что на момент заключения брака имела намерение создать семью, а фиктивность была инициирована исключительно другой стороной или третьими лицами в ущерб её воле». Это предотвратит злоупотребления со стороны родственников погибшего, пытающихся объявить фиктивным добросовестный брак.

Обращение к анализу аналогичных проблем в зарубежных правовых системах показывает, что фиктивные браки с военнослужащими - явление, известное многим государствам, особенно в периоды вооружённых конфликтов. Однако специфика российского случая заключается в сочетании значительного объема социальных гарантий с отсутствием эффективных превентивных механизмов.

Целесообразно введение обязательной «отложенной» регистрации брака для лиц, заключающих контракт с Министерством обороны. Предлагается дополнить Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» положением, согласно которому при регистрации брака с гражданином, подписавшим контракт о прохождении военной службы в зоне СВО (в течение 30 дней до или после подписания), регистрация производится условно и вступает в силу не ранее чем через 30 календарных дней после фактического начала совместного проживания либо после рождения общего ребёнка. До наступления указанных

условий правовой режим имущества и право на социальные выплаты, связанные с гибелью военнослужащего, не возникают.

Требуется унификация подходов к доказыванию фиктивности брака. Верховный Суд РФ должен выпустить обобщение судебной практики по данной категории дел, что способствовало бы формированию единообразных правовых позиций.

Развитие института фактических брачных отношений, начатое Федеральным законом № 317-ФЗ, должно быть продолжено: необходимо четкое законодательное закрепление критериев, при которых суд может признать фактические брачные отношения без соблюдения трехлетнего срока совместного проживания.

У проблемы фиктивных браков есть и аксиологическая сторона. Она бьёт по правосознанию граждан и по доверию к институтам государственной поддержки. Слабое место механизмов соцзащиты в том, что они позволяют использовать институт брака и семьи для необоснованного получения материальных выгод. Перед правовой системой встаёт непростой вопрос: как защитить интересы военнослужащих и их настоящих семей, но при этом не ущемить конституционную свободу брачного выбора? Нужен разумный баланс, а не запреты сами по себе.

Проблема фиктивных браков требует комплекса мер – от законодательного ужесточения ответственности до процессуальных новелл (реестр, отложенная регистрация) и разъяснений Верховного суда, при сохранении баланса между защитой интересов государства и добросовестных супругов.

Библиографический список используемых источников

1. Адвокат доказал фиктивность брака пропавшего военнослужащего, заключенного за сутки до ухода на СВО // Адвокатская газета. – 2026. – 16 янв. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat--dokazal--fiktivnost--braka-->

propavshego--voennosluzhashchego--zaklyuchennogo--za--sutki--do--ukhoda--na--svo/ (дата обращения: 04.05.2026).

2. А жена – то – ненастоящая: Суд забрал у многодетной матери 8,2 млн рублей за фиктивный брак с погибшим бойцом СВО // Комсомольская правда в Санкт-Петербурге. – 2026. – 16 янв. –

URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27749/5196916/> (дата обращения: 04.05.2026).

3. Брак с участником СВО из Кировской области признали фиктивным // НТА-Приволжье. – Нижний Новгород, 2026. – 6 апр. – URL: https://nta-pfo.ru/news/society/2026/news_736500/ (дата обращения: 04.05.2026).

4. Брянский суд признал фиктивным брак, заключенный перед уходом жениха на войну. «Жена», жившая с другим, получила деньги за гибель «мужа» // The Insider. – URL: <https://theins.ru/news/283545> (дата обращения: 04.05.2026).

5. В Госдуме обсудили усиление защиты семей участников СВО от мошеннических схем «черных вдов» // Парламентская газета. – 2025. – 8 дек. – URL: <https://moscow.ldpr.ru/event/v--gosdume--obsudili--usilenie--zashchity--semey--uchastnikov--svo--ot--moshennicheskikh--skhem--chernykh--vdov/> (дата обращения: 04.05.2026).

6. Выплаты участникам СВО исключат из общего имущества супругов при разводе // Гарант.ру. – 2025. – 13 мая. – URL: <https://www.garant.ru/news/1815143/> (дата обращения: 04.05.2026).

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 317-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 31. – Ст. 4671.

8. Проект федерального закона № 1092186-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части установления ответственности за мошенничество при получении мер социальной поддержки) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1092186--8> (дата обращения: 04.05.2026).

9. Проект федерального закона № 914897-8 «О внесении изменения в статью 36 Семейного кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/914897--8> (дата обращения: 04.05.2026).

10. Россиянина женили и отправили на СВО // Московский комсомолец. – 2026. – 4 мая. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2026/05/04/rossiyanina--zhenili--i--otpravili--na--svo.html> (дата обращения: 04.05.2026).

11. Суд поддержал позицию прокуратуры Тюльганского района о признании брака фиктивным с участником специальной военной операции // Администрация Чапаевского сельсовета Тюльганского района Оренбургской области. – 2026. – Март. – URL: <https://chapaу56.ru/2026/03/9440/> (дата обращения: 04.05.2026).

12. Судом удовлетворены требования прокуратуры Севского района о признании брака с участником СВО фиктивным // Прокуратура Брянской области: официальный сайт. – 2026. – 29 апр. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_32/massmedia/news/regional/e8480088/ (дата обращения: 04.05.2026).

13. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

14. Фиктивный брак ради льгот: в Уссурийске раскрыта схема хищения выплат погибшего бойца СВО // PrimaMedia. – 2026. – 29 янв. – URL: <https://primamedia.ru/news/2380096/> (дата обращения: 04.05.2026).

УДК 34

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКИХ ПРАВ

Пятчкова Александра Сергеевна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО ТвГУ,

г. Тверь, Россия,

sasha.pyatachkova@yandex.ru

Путилова Анастасия Юрьевна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО ТвГУ,

г. Тверь, Россия,

ayputilova@outlook.com

Аннотация: авторы исследуют различные позиции ученых в отношении понятия «произведения» в том числе и литературных произведений, а также определяют его признаки. На основе анализа ГК РФ и судебной практики определяются проблемы, связанные с охраной литературных произведений в российском авторском праве, которые нашли отражение в правоприменительной практике.

Ключевые слова: авторское право, искусственный интеллект, литературное произведение, объект авторских прав, охраноспособность, судебная практика, творческий характер.

LITERARY WORKS AS AN OBJECT OF COPYRIGHT

Pyatachkova Alexandra Sergeevna,

3rd-year student

Tver State University,
Tver, Russia,

sasha.pyatachkova@yandex.ru

Putilova Anastasia Yuryevna,

3rd-year student

Tver State University,

Tver, Russia,

ayputilova@outlook.com

Abstract: The authors examine various positions of scholars regarding the concept of a «work», including literary works, and also define its features. Based on the analysis of the Civil Code of the Russian Federation and judicial practice, the problems related to the protection of literary works in Russian copyright law, which are reflected in law enforcement practice, are identified.

Keywords: artificial intelligence, copyright, creative character, judicial practice, literary work, object of copyright, protectability.

Важно, что в системе объектов авторских прав, закрепленной в ст. 1259 Гражданского кодекса РФ, литературные произведения традиционно занимают центральное место. Однако, несмотря на кажущуюся очевидность, легальное определение понятия «литературное произведение» в законе отсутствует, что создает проблемы и трудности в практике. В науке под литературным произведением понимается результат творческой деятельности автора, выраженный в объективной форме с помощью языковых средств и предназначенный для удовлетворения духовных, эстетических или информационных потребностей [8].

Как отмечает А.П. Сергеев, «произведение является базовой категорией авторского права» [12, с. 32]. В.И. Серебровский определял произведение как «совокупность идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой

деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения» [11, с. 32]. А.И. Иванчак дополняет, что произведение должно рассматриваться независимо от его достоинств и назначения, а также от способа его выражения [6, с. 20]. При этом Е.А. Суханов отмечает, что литературные произведения могут быть художественного, научного, учебного и другого характера [13]. В этой связи представляется необходимым продолжить разработку классификации, посвященной литературным произведениям, которая будет носить как научный, так и практический характер.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, как справедливо отмечает Л.А. Новоселова, «жизнь меняется на наших глазах: привычные «вечные» ценности уходят на второй план... мир переживает революцию информационную, когда интеллектуальный труд становится основной производительной силой» [8, с. 13]. Литературные произведения, перемещаясь в цифровую среду, утрачивают традиционную форму, что требует переосмысления подходов к их охране. Во-вторых, развитие технологий искусственного интеллекта, способного генерировать тексты, ставит под сомнение фундаментальный принцип авторского права — наличие творческого вклада человека-автора. В-третьих, массовое распространение контрафакта в сети «Интернет» и появление новых форм литературного труда (копирайтинг, блогинг) диктуют необходимость уточнения критериев охраноспособности объектов и границ исключительных прав.

Проблематика правовой охраны литературных произведений исследовалась многими поколениями цивилистов. Как указывает Г.Ф. Шершеневич, специфика авторского права состоит в том, что закон, предоставляя автору «исключительное право распространения своего сочинения», дает ему одному возможность пользоваться извлекаемой из этого материальной выгодой, что представляет собой одну из немногих монополий,

которые «не могут возбудить общественного недовольствия ввиду безусловной их необходимости и справедливости» [14, с. 332–334].

Современная российская теория исключительных прав была сформулирована профессором В.А. Дозорцевым, который рассматривал их как «ослабленные абсолютные» в силу наличия системы ограничений (по срокам, территории, свободному использованию), направленных на баланс интересов правообладателей и общества [4, с. 38–39]. Е.А. Суханов относит литературные произведения к результатам художественного творчества, подчеркивая, что их правовой режим существенно отличается от режима промышленной собственности [13, с. 703].

Видные представители уральской цивилистической школы, такие как О.Г. Алексеева, М.В. Бандо, Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, в своих работах заложили основы учения об обязательствах, что имеет прямое отношение к договорным формам распоряжения исключительными правами на литературные произведения (издательские договоры, договор авторского заказа и т.д.) [3].

Первоначальным субъектом авторского права является автор — физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение (ст. 1257 ГК РФ) [2]. Закон устанавливает презумпцию авторства: лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения, считается его автором, пока не доказано иное. Автору принадлежат личные неимущественные права (право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения) и исключительное право на использование произведения.

Как отмечает Л.А. Новоселова, «личные неимущественные права неразрывно связаны с личностью автора и неотчуждаемы» [8, с. 108]. К числу «иных» интеллектуальных прав относится, например, право следования в отношении авторских рукописей (ст. 1293 ГК РФ) [2]. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ (Постановление № 10 от 23.04.2019), авторы литературных и музыкальных произведений пользуются правом следования в отношении перепродажи авторских рукописей (автографов) [7].

Особую актуальность сегодня приобретает вопрос об охране литературных произведений, размещенных в сети «Интернет». Ошибочно полагать, что все опубликованное в сети является общественным достоянием. Копирование, переработка и иное использование таких объектов без согласия правообладателя по общему правилу запрещены [5].

Важной новеллой гражданского законодательства стало появление норм об ответственности информационных посредников (ст. 1253.1 ГК РФ) [2]. Как отмечается в учебнике под ред. Л.А. Новоселовой, «основным методом защиты от такого рода нарушений стал установленный законом порядок ограничения доступа к информационным ресурсам, посредством которых осуществляется распространение объектов с нарушением интеллектуальных прав» [8, с. 32-33].

Отдельного внимания заслуживает проблема создания текстов с использованием нейросетей и искусственного интеллекта. Действующее законодательство исходит из того, что автором может быть только человек. Результат деятельности искусственного интеллекта сам по себе не порождает авторских прав. Однако, как справедливо указывается в литературе, технологии могут выступать в качестве инструмента или помощника писателя. В этом случае творческий вклад человека (постановка задачи, редактирование, отбор материала) является необходимым условием для признания результата объектом авторских прав. В случае, если лицо, использовавшее искусственный интеллект для генерации текста, впоследствии представило этот текст как результат собственного творчества, могут возникнуть сложности с доказыванием творческого характера и, соответственно, с предоставлением правовой охраны.

В России сложилась судебная практика по защите авторских прав на литературные произведения [1]. Важнейшим источником правоприменительной практики в рассматриваемой сфере является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [7]. Данный документ был принят в целях обеспечения правильного и единообразного разрешения судами

споров об охране и о защите интеллектуальных прав. Верховный суд РФ, руководствуясь статьей 126 Конституции РФ, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации», дал масштабные разъяснения по применению части четвертой ГК РФ.

В Постановлении Пленума № 10 подчеркивается, что правовое регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ. К числу таких договоров, в частности, относятся Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года (вступила в силу для РФ 13 марта 1995 года) и Всемирная конвенция об авторском праве от 6 сентября 1952 года (вступила в силу для РФ 9 марта 1995 года) [7].

Одним из наиболее показательных дел последнего времени является спор, рассмотренный Московским городским судом в 2024 году (дело № 3-0493/2024) [10]. Истец Земсков А.В. обратился с иском к ООО «ВебСайтСофт» о защите исключительных прав на литературные произведения «Термопот Endeaver Altea-2075» и «Умная колонка Яндекс Станция с Алисой». Истец создал указанные произведения, содержащие описание опыта практического использования устройств и рекомендации пользователям, и разместил их на своей личной странице в социальной сети «ВКонтакте». Ответчик незаконно использовал эти произведения на принадлежащем ему сайте otzovik.com без согласия автора.

Ключевое правовое значение этого дела заключается в том, что суд признал, что короткие тексты (посты) в социальных сетях при наличии творческого характера и объективной формы (письменной, электронной) являются охраняемыми литературными произведениями по смыслу ст. 1259 ГК РФ [2]. Данное решение фактически стало важным прецедентом, где суд прямо признал контент социальных сетей объектом авторского права [10].

Данное решение Московского городского суда фактически признало, что в цифровую эпоху авторское право защищает не только многотомные романы, но и любой творческий контент, размещённый в социальных сетях. Ключевым критерием охраны становится не объём или престижность площадки публикации, а сам факт приложения автором интеллектуальных усилий.

Вопрос о наличии творческого вклада автора и разграничении самостоятельного создания произведения от его неправомерной переработки является одним из центральных в доктрине авторского права. Классик отечественной цивилистики Г.Ф. Шершеневич еще в конце XIX века подчеркивал, что авторское право охраняет именно результат творческой деятельности, а не механическое воспроизведение или простое заимствование [14, с. 334]. Современные исследователи, в частности А.П. Сергеев, также отмечают, что произведение приобретает охраноспособность лишь при условии его оригинальности и творческого характера [12, с. 98]. В эпоху цифровых технологий, когда техническая возможность копирования и видоизменения объектов достигает небывалых масштабов, проблема доказывания самостоятельности творческого труда становится особенно актуальной, в том числе для литературных произведений, где споры о плагиате и неправомерной переработке текстов встречаются все чаще.

Значимым прецедентом, разъясняющим подходы судебной системы к оценке творческого характера произведения, стало Постановление Суда по интеллектуальным правам от 1 ноября 2023 г. по делу № А40-152920/2022 [9]. Хотя фабула дела касалась разработки логотипа в рамках муниципального контракта, правовые позиции, сформулированные судом кассационной инстанции, носят универсальный характер и в полной мере применимы к спорам о создании и переработке литературных произведений.

Суть дела состояла в том, что индивидуальный предприниматель Шевченко М.В. заключила с Администрацией муниципального округа Ломоносовский контракт на разработку оригинального логотипа. После

исполнения контракта и оплаты услуг заказчиком было обнаружено, что переданный логотип имеет 90-процентное сходство с логотипом американского университета Vanderbilt University. Суд первой инстанции, с которым согласились апелляция и кассация, признал, что ответчик не создал самостоятельного творческого произведения, а осуществил техническую переработку чужого объекта, что является существенным нарушением условий контракта. Ключевое значение для развития теории и практики авторского права имеет следующая правовая аргументация Суда по интеллектуальным правам.

Суд кассационной инстанции четко разграничил вопрос о нарушении исключительных прав на товарный знак (который в данном случае на территории РФ не охранялся) и вопрос о наличии творческого характера деятельности исполнителя. Суд указал, что доводы ответчика об отсутствии нарушения прав на товарный знак не имеют отношения к предмету спора, поскольку «вопрос заключается не в том, нарушает ли разработанный логотип исключительное право на товарный знак... а в том, носила ли деятельность Шевченко М.В. по созданию логотипа творческий характер» [9].

Данный вывод является принципиальным для всех категорий объектов авторского права, включая литературные произведения: сама по себе оригинальность или узнаваемость результата не гарантирует его правомерность, если он создан путем нетворческого заимствования.

Суд подробно изложил методологию оценки параллельного творчества и заимствования. Со ссылкой на пункт 95 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 года № 10 [7], напомнив, что «создание похожего (например, в силу того что двумя авторами использовалась одна и та же исходная информация), но творчески самостоятельного произведения не является нарушением исключительного права автора более раннего произведения». Иными словами, закон допускает возможность независимого создания сходных результатов творческой деятельности. Однако в таком случае ключевое значение приобретает стандарт доказывания «баланс вероятностей».

Суд пояснил: «Вероятность самостоятельного создания такого же логотипа существует... но степень этой вероятности зависит в том числе от объема совпадения. Чем больше объем совпадений, тем менее вероятно параллельное творчество и более вероятно знание лица, позднее создающего логотип, о ранее существовавшем логотипе». В рассматриваемом деле совпадение дизайна составило 90%, что исключило возможность случайного параллельного творчества. Применительно к литературным произведениям этот подход означает, что при обнаружении значительных текстуальных совпадений (дословных или с незначительными изменениями) бремя доказывания самостоятельности создания переходит на лицо, чье произведение создано позднее. Суд акцентировал внимание на том, что при оценке творческого характера суд вправе учитывать не только прямые доказательства заимствования, но и косвенные доказательства, включая сравнительный анализ композиции, стиля, расположения элементов и иных особенностей произведения. Для литературных произведений это означает, что судебная экспертиза или иные формы доказывания могут основываться на выявлении совпадений в структуре повествования, уникальных речевых оборотах, последовательности изложения идей, которые в совокупности свидетельствуют о переработке, а не о самостоятельном творчестве.

Таким образом, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.11.2023 г. по делу № А40-152920/2022 [9], несмотря на «нелитературный» предмет спора, вносит существенный вклад в формирование единообразной судебной практики по делам о защите авторских прав на произведения науки, литературы и искусства. Оно подтверждает, что критерий творческого характера является базовым для предоставления правовой охраны, а высокая степень сходства двух произведений при отсутствии доказательств общего источника информации или независимого создания презюмирует заимствование. Данная позиция в полной мере согласуется с учением классиков российской

цивилистики и должна учитываться как правоприменителями, так и авторами при создании и использовании литературных произведений в цифровой среде.

С учетом изложенного под литературным произведением как объекта авторских прав следует понимать «сложное нематериальное образование» [13], тем самым разделяем позиции Б.М. Гонгало, В.А. Дозорцева, В.И. Серебровского и др. Для произведения литературы характерны признаки, сформулированные в п.3 ст. 1259 ГК РФ [2], и особо следует выделить признак оригинальности, который нашел свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [7].

Анализ судебной практики по защите авторских прав показал, что суды признают охраноспособность за литературными произведениями, созданными с помощью искусственного интеллекта, только при наличии творческого вклада человека, рассматривая нейросеть как некий технический инструмент.

Библиографический список использованных источников

1. Верховный Суд РФ обобщил практику по делам о нарушении авторских и смежных прав в интернете. – Текст: электронный // Адвокатская газета. – 2024. – 29 мая. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-obobshchil-praktiku-po-delam-o-narushenii-avtorskikh-i-smezhnykh-prav-v-internete/> (дата обращения: 19.04.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.
3. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2018. – Т. 2. – 560 с.
4. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей / В.А. Дозорцев. – М.: Статут, 2003. – 416 с.

5. Гаврилов Э.П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть четвертая / Э.П. Гаврилов, О.А. Городов, С.П. Гришаев и др. – М.: Проспект, 2009. – 896 с.
6. Иванчак А.И. Гражданское право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / А.И. Иванчак. – М.: Статут, 2014. – 386 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – 6 мая.
8. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: учебник / под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – 512 с.
9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 1 ноября 2023 г. № С01-1939/2023 по делу № А40-152920/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
10. Решение Московского городского суда от 13.08.2024 по делу № 3-0493/2024 // Московский городской суд: официальный сайт. – URL: <https://mosgorsud.ru> (дата обращения: 21.04.2026).
11. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права / В.И. Серебровский. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 284 с.
12. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник / А.П. Сергеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, 2004. – 752 с.
13. Суханов Е.А. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – 958 с.
14. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – Тула: Автограф, 2001. – 720 с.

УДК 347.4

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРА ПОДРЯДА НА ВЫПОЛНЕНИЕ ПРОЕКТНЫХ И ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ РАБОТ

Степанец Александр Павлович,

студент 3 курса
ФГБОУ ВО СГЮА,
г. Саратов, Россия,
sasa301108@yandex.ru

Гребенюк Анна Евгеньевна,

студентка 3 курса
ФГБОУ ВО СГЮА,
г. Саратов, Россия,
grebenuka564@gmail.com

Научный руководитель:

Шубный Владислав Сергеевич,

Преподаватель,
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия

Аннотация: в статье рассматривается проблема исполнения договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ. Изучив позиции, имеющиеся в гражданско-правовой доктрине, и национальную судебную практику, автор выделил проблемы исполнения вышеуказанного вида договора подряда, причины их возникновения, возможные пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: бездействие заказчика, гражданские правоотношения, договор, подряд, проектные и изыскательские работы, проблемы исполнения договора, результат подряда на выполнение проектных и изыскательских работ.

PROBLEMS OF EXECUTION OF THE CONTRACT FOR THE PERFORMANCE OF DESIGN AND SURVEY WORK

Stepanets Alexander Pavlovich,

3rd year student

FGBOU VO SSLA,

Saratov, Russia,

sasa301108@yandex.ru

Grebenyuk Anna Evgenievna,

3rd year student

FGBOU VO SSLA,

Saratov, Russia,

grebenuka564@gmail.com

Abstract: the article discusses the problem of the execution of a contract for the performance of design and survey work. Having studied the positions available in the civil law doctrine and national judicial practice, the author identified the problems of fulfilling the above-mentioned type of contract, the causes of their occurrence, and possible solutions to these problems.

Keywords: inaction of the customer, civil law relations, contract, contract, design and survey work, problems of contract execution, result of contract for design and survey work.

В соответствии с ч. 2 ст. 702 ГК РФ [1] выполнение проектных и изыскательских работ (далее – «выполнение ПИР») является видом договора подряда. Согласно статье 758 ГК РФ в рамках договора на выполнение ПИР подрядчик, основываясь на задании заказчика, разрабатывает техническую документацию, выполняет изыскательские работы, заказчик принимает

результат и оплачивает его. Подряд на выполнение ПИР выделяется тем, что он является необходимым этапом в ходе подготовительной фазы капитального строительства, а алгоритм и требования к исполнению данного вида подряда определяются специальными нормами [7, с. 120].

Учитывая общественную значимость и особенности нормативного регулирования, изучение практики осуществления договора на выполнение ПИР, в частности проблем, возникающих в процессе его исполнения, является актуальным вопросом, требующим осмысления, поскольку стороны могут столкнуться со сложностями при различных обстоятельствах.

Прежде всего, сложности могут возникнуть из-за бездействия заказчика при предоставлении исходных данных, необходимых для исполнения договора подряда. Так, в Арбитражный суд Омской области поступило исковое заявление о взыскании неосновательного обогащения, процентов за пользование чужими денежными средствами. Истец обосновывал свои требования тем, что ответчик не подготовил проектную документацию в срок, указанный в договоре. Опровергая аргументы истца, ответчик указывал на непредоставление исходных данных. Суд решил отказать в удовлетворении исковых требований [4]. Таким образом, невыполнение обязанности предоставления данных может привести к тому, что подрядчик не сможет выполнить ПИР. При этом данное обстоятельство не создаст у него обязанности нести гражданско-правовую ответственность.

К тому же непредоставление необходимых подрядчику данных может оказать влияние на результат государственной экспертизы. Примером может послужить исковое заявление о взыскании задолженности, рассмотренное Арбитражным судом Республики Саха (Якутия). В деле были следующие фактические обстоятельства: между сторонами был заключён контракт на разработку проектно-сметной документации с прохождением государственной экспертизы. Заключение эксперта оказалось отрицательным. Ответчик просил принять выполненные работы, подписать акт и произвести оплату, он указывал,

что выполнил все нужные исследования, разработал требуемую документацию, исправил замечания экспертной организации, что отрицательное заключение вызвано не ненадлежащим выполнением работ, а отсутствием необходимых документов, которые должен был предоставить заказчик. Подрядчик направил в адрес заказчика письмо, в котором уведомил о своем отказе от исполнения Контракта в связи с бездействием Заказчика и потребовал оплатить выполненные работы. Истец считал, что ответчик не исполнил свое обязательство о прохождении государственной экспертизы, из-за чего у него не было оснований отказа от исполнения контракта. Ответчик подал встречный иск о взыскании задолженности по оплате выполненных работ. В исковых требованиях истца было отказано полностью, поскольку его действия привели к получению отрицательного заключения экспертизы [5]. Суд удовлетворил исковые требования ответчика в части взыскания задолженности по оплате выполненных работ. Отсюда следует, что отсутствие нужной документации у подрядчика может привести к отрицательному заключению государственной экспертизы, даже если работы выполнены надлежащим образом. В подобных случаях отрицательное заключение само по себе не может быть доказательством ненадлежащего качества результатов, выполненных ПИР [8, с. 364], поэтому подрядчик не будет подлежать ответственности.

Предмет договора подряда на выполнение ПИР должен быть изложен чётко, однозначно и полно [11, с. 202]. Результатом договора на выполнение ПИР считается проект, то есть совокупность технической документации, содержащей технико-экономическое обоснование, чертежи и иные материалы, необходимые для осуществления запланированного строительства [10, с. 94]. Конкретные требования к результатам ПИР определяются сторонами в процессе заключения между собой договора. В правоприменительной практике может появиться проблема определения содержания результата выполнения ПИР и формы его предоставления, так как в параграфе 4 главы 37 ГК РФ не дан полный перечень существенных условий договора подряда на выполнение ПИР.

Примером, иллюстрирующим проблему абстрактности содержания предмета договора подряда на выполнение ПИР, служит дело, разрешённое Арбитражным судом Красноярского края. Подрядчик требовал взыскать задолженности по двум договорам, обосновывая свою позицию выполнением проектной работы. Ответчик возразил на исковые требования по следующему основанию: согласно договору, окончательная оплата 1 и 2 этапа работ была возможна лишь при условии подписанных сторонами актов выполненных работ по каждому этапу без замечаний, а также получение положительного заключения государственной экспертизы. Отказав истцу в удовлетворении требований, суд разъяснил, что договор не может считаться исполненным, если результат не был достигнут. Достигнутый результат должен быть пригодным для использования по назначению, поэтому наряду с проектной документацией в предмет договора входит положительное заключение государственной экспертизы [3]. В связи с этим к результату подряда на выполнение ПИР, кроме проекта, необходимо относить положительное заключение государственной экспертизы. Следовательно, для предотвращения спорных ситуаций сторонам необходимо должным образом закрепить положительное заключение как элемент результата ПИР.

Примером последствия, возникшего из-за ошибки в определении формы результатов выполнения ПИР, является исковое заявление о взыскании 4 018 613 руб. 21 коп., передаче исходных файлов проектной и рабочей документации, поступившее в Арбитражный суд Калужской области. Истец указывал, что выполненные работы не соответствуют градостроительному плану проектной документации, из-за чего было отказано в строительстве проектируемого здания, а также, что ответчик передал истцу проектную и рабочую документацию в формате, не позволяющем их редактирование (в формате PDF), из-за чего устранение недостатков становится дороже. Ответчик отметил, что подрядчик обязан передать заказчику только проектную документацию, договором не определен формат передачи документации, истцу была передана документация

по электронной почте. Суд решил удовлетворить иск в части: взыскать с ООО «ССТ» убытки в сумме 526 613 руб., расходы по уплате государственной пошлины. Относительно передачи исходных файлов проектной и рабочей документации суд отметил, что формат документации в электронном виде не регламентирован как в спорном договоре, так и в действующем законодательстве [2]. Из этого следует, что стороны для предотвращения спорной ситуации должны урегулировать в договоре все особенности не только содержания, но и формы фиксации, передачи ожидаемого результата выполненных ПИР.

Произведённый анализ позволяет прийти к выводу, что на сегодняшний день в национальной правоприменительной практике наличествуют проблемы исполнения договора подряда на выполнения ПИР, которые возникают из-за следующих ошибок: бездействие заказчика при предоставлении исходных данных, неполное определение содержания результата выполнения ПИР и формы передачи.

Непредоставление заказчиком исходных данных детерминировано субъективным фактором. В ГК РФ для заказчика установлена обязанность обеспечения необходимой информацией подрядчика, однако, беря во внимание диспозитивную сущность гражданских правоотношений, данное положение не способно оказать решающее влияние на недобросовестное поведение стороны. Нельзя не согласиться с мыслью В.И. Ефимова о том, что успешное исполнение ПИР возможно лишь при соблюдении таких определяющих факторов, как объективное определение обязательств и соблюдение принципа добросовестности [6, с. 89].

Сложность определения предмета договора подряда на выполнения ПИР вызвана отсутствием должного законодательного регулирования рассматриваемого вида подряда. Е.В. Книга замечает, что в гражданском законодательстве не закреплены единые признаки, описывающие предмет договора подряда на выполнение ПИР, но в то же время автор утверждает о нецелесообразности их унификации из-за разнообразия видов ПИР [9, с. 8-9]. На

наш взгляд, с вышеуказанным мнением можно частично согласиться. Допустимо предположить, что решением данной проблемы станет внесение в ст. 758 ГК РФ изменения, фиксирующего в качестве предмета договора не только итог проектных и изыскательских работ, но и положительное заключение государственной экспертизы. Данное решение, с одной стороны, не затронет свободу в определении вида и характера ПИР, с другой стороны, позволит заказчику убедиться в достижении цели договора подряда: пригодность проекта для использования по назначению и соответствие всем нормам и требованиям, что особенно важно, так как результат ПИР представляет собой фундамент отношения сторон в капитальном строительстве, он определяет последующую эксплуатацию построенного объекта.

Библиографический список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // СЗ РФ. – 1996. – №. – 5. – Ст. 410.; 2025. – № 26. – Ст. 3508.
2. Дело № А23-2975/2024 от 22 сентября 2025 г. Арбитражный суд Калужской области. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vNaNyAcoiRbL/> (дата обращения: 08.04.2026).
3. Дело № А33-24994/2023 от 3 августа 2025 г. Арбитражного суда Красноярского края. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/hC7J4bgX8xbb/> (дата обращения: 17.04.2026).
4. Дело № А46-2853/2025 от 5 августа 2025 г. Арбитражного суда Омской области. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/WhHxvCTa3sQt/> (дата обращения: 08.04.2026).
5. Дело № А58-3679/2023 от 25 июня 2025 г. Арбитражного суда Республики Саха (Якутия). URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/CBF16l7fcW5R/> (дата обращения: 10.04.2026).

6. Ефимов В.И. Защита прав и законных интересов заказчика и подрядчика по договору подряда на выполнение проектных и изыскательных работ // Наука. Образование. Современность. – 2023. – № 3. – С. 87-92.
7. Зарубин М.Ю. Жердов В.А. Подряд на выполнение проектных и изыскательных работ: правовая характеристика и отличие от смежных договоров // Образование и право. – 2021. – № 5. – С. 119-123.
8. Игнатъев Г.Д. Ключевые вопросы определения правовой природы договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9 (237). – С. 363-367.
9. Книга Е.В. Подряд на выполнение проектных и изыскательских работ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Издат. ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». – 2015. – 27 с.
10. Михальчук Е.М. Понятие и особенности договора подряда на проектные и изыскательские работы // Актуальные проблемы публичного и частного права в контексте современных процессов реформирования законодательства: сб. науч. тр. – Чебоксары: Чебоксарский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации». – 2018. – С. 93-97.
11. Судьбина Е.В. Проблема правового регулирования договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ романо-германской и англосаксонской правовых систем // Вестник Университета мировых цивилизаций. – 2017. – №14. – С. 200-205.

УДК 347.72.032.3

СООТНОШЕНИЕ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ВЗЫСКАНИЯ УБЫТКОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ДОЧЕРНЕГО ОБЩЕСТВА

Тушева Анастасия Игоревна,

студент 2 курса очной формы обучения магистратуры
по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция

Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

г. Оренбург, Россия,

anastasiatusheva@list.ru

Аннотация: Вопрос разграничения субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц и возмещения убытков, в том числе при банкротстве дочернего общества, стал актуальным с изменениями в судебной практике. Особый интерес изменения представляют в связи с возможностью постановки судом вопроса о переквалификации требований о взыскании убытков в требование о привлечении к субсидиарной ответственности.

Ключевые слова: банкротство, взыскание убытков, дочернее общество, корпоративное право, контролирующие должника лица, основное общество, субсидиарная ответственность.

RELATIONSHIP BETWEEN SUBSIDIARY LIABILITY AND CLAIMING DAMAGES IN THE BANKRUPTCY OF A SUBSIDIARY COMPANY

Tusheva Anastasia Igorevna,

2nd-year student of the full-time

master's program in the field of study 40.04.01 Jurisprudence
at the Orenburg Institute (branch)
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
the city of Orenburg, Russia,
anastasiatusheva@list.ru

Abstract: The issue of distinguishing between the subsidiary liability of persons controlling a debtor and claims for damages, including in the bankruptcy of a subsidiary, has become relevant with changes in judicial practice. These changes are of particular interest in connection with the possibility of a court raising the question of recharacterizing claims for recovery of damages into claims for the imposition of subsidiary liability.

Keywords: bankruptcy, recovery of damages, subsidiary, corporate law, controlling persons of the debtor, parent company, subsidiary liability.

Вопрос разграничения субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (далее — КДЛ) и возмещения ими причиненных обществу убытков поставлен в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее — ППВС РФ № 53) [12], изменения в который внесены в абзаце 2 пункта 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2025 года № 42 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [11] путем введения пунктов 20(1) и 20(2). Содержание указанных пунктов заинтересовало исследователей в сфере банкротного и корпоративного права, поскольку им подтверждаются полномочия суда не только уменьшать размер ответственности

КДЛ (как было ранее: при предъявлении требований о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности суд, исходя из сущности правоотношений сторон и степени влияния КДЛ, может применить нормы ст.ст. 53.1, 15, 393 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее — ГК РФ)), но и увеличивать ее объем, разрешая вопрос о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности при предъявлении требований о взыскании убытков [14]. В правоприменительной практике в той или иной степени нашли свое отражение оба озвученных подхода. Так, была изменена квалификация требований в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 28.12.2022 по делу № А50-24503/2016 [9], в котором требование о привлечении к субсидиарной ответственности было переквалифицировано в требование о взыскании убытков, и в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.05.2025 по делу № А40-216326/2017 [10; 7], в котором требование о взыскании убытков было переквалифицировано в требование о привлечении к субсидиарной ответственности — что представляет собой намного более редкий на практике случай, и в данном примере суд аргументировал такую квалификацию тем, что недобросовестные действия ответчиков носили системный характер и непосредственно обусловили банкротство должника, а потому имеются основания для применения именно субсидиарной ответственности.

Следует подчеркнуть, что переквалификация требований в рамках дел о несостоятельности дочерних обществ представляет собой довольно редкое явление. В связи с этим при разрешении спорных моментов необходимо исходить из допустимости применения аналогии закона в порядке статьи 6 ГК РФ и пункта 5 статьи 3 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее — АПК РФ). В рамках настоящего исследования нами будут выделены возможные особенности переквалификации требований в условиях состояния дочерности проходящего процедуру банкротства общества.

Именно в связи с тем, что по инициативе суда возможен пересмотр требований в сторону субсидиарной ответственности или взыскания убытков,

необходимо привести основание и условия такой переквалификации, отличных от основания и условий конкретных видов гражданско-правовой ответственности. Тем не менее установление составов гражданского правонарушения необходимо для понимания темы.

В данной связи подчеркнём, что субсидиарная ответственность и возмещение убытков имеют единое основание — обстоятельства, влекущие наступление гражданско-правовой ответственности [5], к которым относится не только сам факт правонарушения (неисполнение либо ненадлежащее исполнение договорного обязательства, причинение имущественного вреда), но и иные обстоятельства, прямо установленные законом или договором [15, с. 452]. При этом условия, необходимые для возложения субсидиарной ответственности и для взыскания убытков, отчасти различаются: так, содержание таких элементов (условий) состава гражданского деликта, как «наличие у потерпевшего вреда или убытков» и «причинно-следственная связь между противоправным поведением и наступившими последствиями», совпадает и охватывается общими дефинициями, принятыми в гражданском праве.

В частности, причинение убытков кредиторам дочернего общества является необходимым условием ответственности основного общества по обязательствам дочернего, и под ними понимается денежная оценка имущественных потерь (вреда). Причинно-следственная связь между противоправным поведением и наступившими последствиями, в свою очередь, выражена в том, что одно из рассматриваемых явлений (противоправное поведение) всегда предшествует другому (убыткам) и порождает его, а другое (убытки) всегда является результатом первого. При этом важно отметить, что причинно-следственная связь играет особую роль в раграничении субсидиарной ответственности и взыскания убытков при банкротстве дочернего общества, поскольку действия контролирующего лица, повлекшие банкротство дочернего общества, и являются основным условием для привлечения к субсидиарной ответственности. Вместе с тем сама структура причинно-следственной связи, понимание ее как

явления для субсидиарной ответственности и взыскания убытков, действительно, не отличаются.

Отличаются же такие условия субсидиарной ответственности и ответственности в форме взыскания убытков, как содержание действий лица, повлекших причинение убытков, и форма вины.

В соответствии с абзацем 3 пункта 2 статьи 67.3 ГК РФ, абзацем 3 пункта 3 статьи 6 Федерального закона от 08 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [16] (далее — Закон «Об ООО») основное общество несет субсидиарную ответственность в том случае, если банкротство дочернего наступило по вине основного, то есть в случае систематического контроля над решениями дочерней организации, приведших к невозможности удовлетворения требований кредиторов в полном объеме. Однако в таком случае основная организация несет ответственность лишь при недостаточности имущества дочерней. В случае с убытками ответственность наступает вне зависимости от финансового состояния дочернего общества.

Для взыскания же убытков по общим нормам (ст. 15, 53.1, 1064 ГК РФ) требуется установление виновных действий контролирующего должника лица, приведших к возникновению убытков, но не являющихся причиной банкротства.

Кроме того, в науке корпоративного права выделяется ряд презумпций, действующих при рассмотрении заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности [4] и свидетельствующих о доведении должника до банкротства, как то:

1) Заключение сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, при условии, что цена такой сделки составляет от 20 до 25 процентов стоимости активов должника [8];

2) Совершение правонарушения, вследствие которого объём требований кредиторов третьей очереди достигает 50 и более процентов от общей суммы требований, включённых в реестр;

3) Представление в ЕГРЮЛ документов, содержащих недостоверные сведения (абз. 2 подп. 5 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве). Юридически значимым такое представление признается только в том случае, если оно затруднило производство по делу о банкротстве.

При установлении указанных обстоятельств арбитражный суд вправе переqualифицировать требование о взыскании убытков в требование о привлечении заинтересованных лиц к субсидиарной ответственности.

При взыскании убытков по корпоративным основаниям вина презюмируется в случае недобросовестности или неразумности действий контролирующего должника лица, приведших к возникновению на стороне дочернего общества убытков.

Ранее мы уже указывали, что действия, характеризующиеся недобросовестностью и неразумностью, служат обстоятельствами, при выявлении которых суд вправе ставить вопрос о субсидиарной ответственности контролирующего лица. Решение о том, применить нормы о взыскании убытков или о субсидиарной ответственности, определяется тем, имеется ли причинно-следственная связь между действиями контролирующего лица и невозможностью полного погашения требований кредиторов, вызвавшей несостоятельность дочернего общества.

Исследователи также выделяют иной критерий разграничения взыскания убытков и субсидиарной ответственности: возмещение убытков в большинстве ситуаций производится в пользу самого дочернего общества, которому они были причинены в результате конкретных действий основного общества с ограниченной ответственностью. В случае прохождения дочерним обществом процедуры банкротства такие убытки включаются в конкурсную массу и расходуются на погашение требований кредиторов; в случае установления судом несения убытков кредиторами по вине основного общества такие убытки взыскиваются напрямую в пользу кредиторов [13, с. 135]. Такая ситуация возможна при установлении умысла контролирующего должника лица на

причинение убытков кредиторам, что возможно при, например, 100-процентном участии основного общества в уставном капитале дочернего и совершении действий, направленных на вывод активов такого дочернего общества в пользу заинтересованных лиц.

Отметим также, что важно учитывать момент, в который требования могут быть переквалифицированы судом: так, в пункте 29 обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г. [6] указано, что переквалификация возможна только на этапе установления оснований для возложения субсидиарной ответственности, но не при определении её размера. Решение суда округа об объединении обособленных споров и переквалификации требований, отраженное в названном пункте Обзора, было мотивировано необходимостью исключить риск повторного привлечения лица к ответственности за одно и то же деяние, что не подтверждалось материалами дела. Представляется, что выявление оснований для привлечения к субсидиарной ответственности или к ответственности в форме возмещения убытков на стадии рассмотрения оснований привлечения к ответственности непосредственно служит соблюдению принципов разумности судопроизводства и процессуальной экономии, нежели изменение и уменьшение исковых требований ввиду необходимости выдачи нескольких исполнительных листов по нескольким обособленным спорам на одну и ту же сумму.

Отличается и сам процессуальный порядок переквалификации судом требований: так, в случае с заявлением требований о субсидиарной ответственности на основании анализа фактических правоотношений участников дела суд вправе по собственной инициативе верно квалифицировать требования участника процесса вне зависимости от того, как именно они поименованы в просительной части заявления.

В случае же, если суд в ходе рассмотрения дела о взыскании убытков установит, что действия контролирующего должника лица привели к невозможности погашения требований кредиторов в полном объеме и имеются

основания для привлечения такого лица именно к субсидиарной ответственности, он не вправе самостоятельно применить нормы права, отличные от тех, что указаны заявителем, но вправе в судебном заседании поставить на разрешение вопрос о такой переквалификации, и в случае, если ни одна из сторон не поддержала изменение требований к контролирующему лицу, рассматривать спор о взыскании убытков.

Таким образом, ключевое различие между субсидиарной ответственностью и взысканием убытков заключается в том, что субсидиарная ответственность возможна исключительно при доказанности причинно-следственной связи между невозможностью исполнения требований кредиторов дочернего общества в полном объеме и действиями контролирующего должника лица, в то время как для предъявления требований о возмещении убытков достаточно установления факта причинения виновными действиями лица имущественных потерь.

При банкротстве дочернего общества определяющим для выбора в пользу субсидиарной ответственности также является установление факта, что несостоятельность стала закономерным итогом исполнения указаний основного общества. Иными словами, если убытки локализованы в конкретных операциях, совершенных во исполнение указаний основного общества, а банкротство вызвано иными причинами, применяется ст. 53.1 ГК РФ; если же указания основного общества привели к полной утрате способности дочернего общества исполнять обязательства, наступает субсидиарная ответственность. Новые разъяснения Верховного Суда Российской Федерации позволяют суду при установлении таких обстоятельств переквалифицировать требование.

Библиографический список использованных источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
3. Корякаева Т.Г., Петряшова А.А. Вопросы судебной практики рассмотрения споров о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражные споры. 2024. № 3. С. 86 - 119.
4. Нахова Е. А. Правовые презумпции в отдельных категориях обособленных споров по делам о несостоятельности (банкротстве) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Небрятенко О.О. О моделях состава гражданского правонарушения // ЮП. 2009. № 3 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 10.03.2026).
6. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Переквалификация субсидиарной ответственности в убытки и наоборот. Аргументы для обжалования [Электронный ресурс]. — URL: <https://e.arbitr-praktika.ru> (дата обращения: 28.05.2026).
8. Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.12.2022 № Ф09-3242/18 по делу № А50-24503/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.05.2025 по делу № А40-216326/2017 [Электронный ресурс]. — URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 28.05.2026).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2025 года № 42 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с

привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // «Российская газета», № 7, 16 января 2026 года.

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 3, март, 2018.

13. Серобян А.Г. Разграничение видов ответственности лиц, контролирующих должника: новые подходы в практике Верховного Суда // Закон. 2024. № 7. С. 134 — 137.

14. Субсидиарная ответственность [Электронный ресурс]. — URL: https://zakon.ru/blog/2026/1/21/subsidiarnaya_otvetstvennost (дата обращения: 28.05.2026).

15. Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Суханов Е. А., 4-е изд., стер. - Москва: Статут, 2015. ISBN 978-5-8354-1000-2, 1000 экз. - Текст: электронный. - URL: <https://znanium.com> (дата обращения: 10.03.2026). – Режим доступа: по подписке.

16. Федеральный закон от 08 февраля 1998 года № 14-ФЗ (ред. от 28 декабря 2025 года) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // «Собрание законодательства РФ», 16 февраля 1998 года, № 7, ст. 785.

УДК 347

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ**

Чаткин Сергей Викторович,

Студент 3 курса
ФГБОУ ВО СГЮА,
г. Саратов, Россия,
chatkin4@yandex.ru

Иванов Иван Дмитриевич,

Студент 3 курса
ФГБОУ ВО СГЮА,
г. Саратов, Россия,
ivan_saratov2805@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется двойственный правовой статус профессионального спортсмена, регулируемый трудовым и спортивным законодательством. Рассматриваются проблемы разграничения дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности за спортивные травмы, доктрина добровольного принятия риска, имущественные споры с клубами и ответственность медицинского персонала. Делается вывод о правовой неопределённости и необходимости системных изменений.

Ключевые слова: Гражданско-правовая ответственность; двойственный правовой статус; дисциплинарная ответственность; добровольный принятый риск; профессиональный спорт; спортивная травма; юридическая ответственность спортсменов.

CURRENT ISSUES OF PROFESSIONAL ATHLETES' LIABILITY

Chatkin Sergey Viktorovich,

3rd-year Student

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia,

chatkin4@yandex.ru

Ivanov Ivan Dmitrievich,

3rd-year Student

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia,

ivan_saratov2805@mail.ru

Abstract: The article analyzes the dual legal status of a professional athlete, governed by labor and sports legislation. It examines the problems of distinguishing between disciplinary and civil liability for sports injuries, the doctrine of voluntary assumption of risk, property disputes with clubs, and the liability of medical personnel. The conclusion is made about legal uncertainty and the need for systemic changes.

Keywords: Civil liability; dual legal status; disciplinary liability; voluntary assumption of risk; professional sport; sports injury; legal liability of athletes

В современной науке профессиональный спорт сильно изменился: раньше главными были вопросы веса и силы, а теперь это экономическая деятельность с миллионными контрактами и юридическими последствиями. На первый план выходит ответственность спортсменов, но законодательство отстаёт от реальных потребностей.

Статус профессионального спортсмена двойственен, ведь с одной стороны, он - работник клуба или федерации, связанный трудовым договором, соответственно права и обязанности в данном аспекте регулируются трудовым законодательством. Так, согласно статье 21 ТК РФ некоторые права работника: заключение, изменение и расторжение трудового договора в порядке и на

условиях, которые установлены настоящим Кодексом, иными федеральными законами предоставление ему работы, обусловленной трудовым договором; какие общие требования надо учесть при организации безопасного рабочего места; рабочее место, соответствующее государственным нормативным требованиям охраны труда и условиям, предусмотренным коллективным договором и др. [9].

С другой – самостоятельный участник соревнований, где права и ответственность регулируются законодательством в сфере спорта, таким является Федеральный закон от 04.12.2007 №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Так, статья 24 настоящего закона определяет права и обязанности спортсменов. К правам законодатель относит: выбор видов спорта; участие в спортивных соревнованиях по выбранным видам спорта в порядке, установленном правилами этих видов спорта и положениями (регламентами) о спортивных соревнованиях; включение в составы спортивных сборных команд Российской Федерации при условии соответствия критериям отбора спортсменов и соблюдения установленного статьей 36 настоящего Федерального закона порядка формирования спортивных сборных команд Российской Федерации получение спортивных разрядов и спортивных званий при выполнении норм и требований Единой всероссийской спортивной классификации и другие. Что касается обязанностей спортсмена, они определены в части 2 настоящей статьи: соблюдать требования безопасности во время участия в физкультурных мероприятиях и спортивных мероприятиях, учебно-тренировочных мероприятиях и при нахождении на объектах спорта и иных спортивных сооружениях; соблюдать антидопинговые правила, предусмотренные статьей 26 настоящего Федерального закона; предоставлять информацию о своем местонахождении в соответствии с общероссийскими антидопинговыми правилами в целях проведения допинг-контроля; соблюдать этические нормы в области спорта и иные обязанности в соответствии с законодательством Российской Федерации [10].

Эта двойственность порождает первую проблему: размывание границ между дисциплинарной и гражданско-правовой ответственностью за нарушения на поле [6]. Типичный пример – грубое нарушение в футболе или хоккее, когда опасный приём нанёс сопернику травму. Здесь возникает вопрос: это дисциплинарный проступок по правилам вида спорта или уже деликт, требующий компенсации вреда? Судебная практика в России по таким делам крайне мала. Большинство конфликтов остаются внутри спортивных организаций, где решения принимают тренеры, судьи и дисциплинарные комитеты, не всегда заботящиеся о правовой чистоте процедур [7].

Вторая проблема напрямую связана с так называемым «спортивным иммунитетом». В спортивной среде долгое время существовало негласное правило: на площадке действуют особые порядки, то есть случайные травмы, даже тяжёлые, не влекут ответственности, если игрок не вышел за рамки правил. Но из данного тезиса исходит вполне логичный вопрос: как определить рамки, в которых подобные нарушения не влекут ответственности? Правила многих видов спорта содержат оценочные понятия: «грубая игра», «неспортивное поведение», «умышленный фол». Для правоприменителя это представляет серьёзную проблему. Был ли удар локтем в баскетболе умышленным или случайным - часто невозможно установить без видеоповторов и экспертиз. А судьи далеко не всегда квалифицируют нарушение как наказуемое в гражданско-правовом порядке. В итоге потерпевший спортсмен остаётся без компенсации, а виновный - безнаказанным в общеправовом смысле.

По общему правилу, согласно статье 1064 ГК РФ вред, причинённый одним лицом другому, подлежит возмещению в полном объёме. Однако в спорте действуют свои негласные исключения [8]. Суды крайне неохотно принимают иски спортсменов друг к другу о травмах, полученных в ходе соревнований. Аргумент типичен: потерпевший добровольно принял риск, выходя на площадку. Как указывает в своей диссертации Дождвик Л.М. «Добровольно принятый риск в спорте - это ситуация, когда спортсмен осознанно соглашается

на участие в деятельности, сопряжённой с определёнными опасностями или неопределённостями, ради достижения спортивных целей или преодоления личных границ. Такой риск может включать выполнение сложных элементов, участие в соревнованиях на грани возможностей или действия в условиях повышенной нагрузки» [1]. Этот принцип признаётся и в зарубежных правовых порядках [2]. Однако, профессиональный спортсмен не может отказаться от риска, не расторгнув контракт и не разрушив карьеру. По сути, речь идёт о вынужденном принятии риска под угрозой потери работы. На практике это приводит к тому, что даже при очевидной грубости соперника судьи отказывают в компенсации морального вреда, ссылаясь на специфику спортивной деятельности. Единичные позитивные для истцов решения скорее исключение, чем правило [3].

Ещё одна острая проблема - ответственность за действия третьих лиц. Речь не только о болельщиках, выбежавших на поле, но и о врачах, массажистах, тренерах. Если врач клуба допустил ошибку при лечении перелома, спортсмен может подать гражданский иск о возмещении морального вреда, причиненного некачественным оказанием медицинских услуг в суд на клуб. Но если врач ошибся на сборах национальной сборной - кто отвечает? В данном случае ответственность может нести как медицинская организация, оказывавшая услуги, так и сам врач. Это регулируется общими положениями российского законодательства о медицинской помощи, а также спецификой медицинского обеспечения спортивных мероприятий. По общему правилу, согласно статье 1068 ГК РФ юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. Как уже было отмечено ранее, важное место в данном вопросе занимает законодательство о медицинской помощи. Так, согласно статье 98 Федерального закона №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», медицинские организации и их сотрудники несут ответственность за причинение вреда здоровью пациента при оказании

медицинской помощи [4]. Это означает, что первичную материальную ответственность перед спортсменом несёт медицинское учреждение, которое оказывало услуги. Однако в контексте темы спорта, привлечение к ответственности медицинского работника национальной сборной имеет целый ряд особенностей. При организации медицинского обеспечения спортивных мероприятий, включая сборы национальных сборных, действуют специальные правила. Например, согласно Приказу Минздрава России, медицинское обеспечение должно соответствовать утверждённому порядку, включая регистрацию всех случаев оказания помощи. Главный врач соревнований несёт ответственность за всё медицинское обеспечение, предоставляемое участникам. Если ошибка была допущена врачом, работающим в рамках такого мероприятия, его действия также оцениваются с учётом должностных обязанностей и установленных регламентов [5].

Отдельно стоит сказать об имущественной ответственности спортсменов перед клубами. Здесь классическая проблема - расторжение контракта по инициативе игрока в одностороннем порядке. Правила ФИФА и других международных федераций предусматривают «спортивный сезон» и систему трансферных окон. Если спортсмен уходит без согласия клуба, на него накладываются санкции: запрет на выступления, штраф, требование компенсировать стоимость трансфера. Российская судебная практика по таким делам противоречива. Одни суды признают приоритет спортивных регламентов, другие - исходят из норм Трудового кодекса о свободе труда. В итоге спортсмен оказывается между двух систем права, не понимая, по каким правилам его будут судить в случае конфликта. Это снижает правовую определённость.

Подводя итог анализу, можно утверждать: правовая ответственность профессиональных спортсменов остаётся зоной высокого риска и правовой неопределённости. Дисциплинарные процедуры внутри спортивных федераций непрозрачны и не всегда соответствуют принципу справедливого разбирательства. Гражданско-правовая ответственность за травмы почти не

работает из-за доктрины «добровольного риска», которую суды толкуют расширительно. Уголовные дела возбуждаются в единичных случаях, а имущественные споры между игроками и клубами разрешаются по-разному в разных инстанциях. Проанализированные в статье проблемы требуют не точечных поправок, а системного подхода.

Библиографический список использованных источников

1. Алексеев С. В. Спортивное право : учебник для вузов / С. В. Алексеев ; под ред. П. В. Крашенинникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 895 с.
2. Брагинский М. И. Договорное право. Книга третья: договоры о выполнении работ и оказании услуг / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – Москва: Статут, 2022. – 1056 с.
3. Васькевич В. П. Гражданско-правовое регулирование отношений в области профессионального спорта : автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2006. – 20 с.
4. Дождвик Л. М. Спортивная травма как жизненное событие : диссертация / Л. М. Дождвик. – Москва, 2018. (*Примечание: в источнике было указано «Диссертация», исправлено на «диссертация»*).
5. Министерство спорта Российской Федерации. Обзор практики разрешения споров в области профессионального спорта за 2023–2024 годы: [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.minsport.gov.ru/documents/sports-disputes-review-2025.pdf> (дата обращения: 19.04.2026).
6. Приказ Минздрава России от 23.10.2020 N 1144н «Об утверждении порядка организации оказания медицинской помощи лицам, занимающимся физической культурой и спортом (в том числе при подготовке и проведении физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий), включая порядок медицинского осмотра лиц, желающих пройти спортивную подготовку, заниматься физической культурой и спортом в организациях и (или) выполнить нормативы испытаний

(тестов) Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО)» и форм медицинских заключений о допуске к участию физкультурных и спортивных мероприятиях» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.

7. Регламент арбитража споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений: [Электронный ресурс]. –

URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reglamentarbitrazhasporovvprofessionalnomsporteisportevysshih.pdf> (дата обращения: 19.04.2026).

8. Российский футбольный союз. Дисциплинарный регламент РФС (редакция 2025 года): [Электронный ресурс]. –

URL: <https://www.rfs.ru/subject/1/documents/preview?documentId=1834> (дата обращения: 15.04.2026).

9. Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 10.12.2007. – N 50. – Ст. 6242.

Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 28.11.2011. – N 48. – Ст. 6724.

ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 347

ЧАСТНЫЕ И ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПОИСК БАЛАНСА В УСЛОВИЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ

Меленцов Артём Романович,

студент 4 курса,

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (ТулГУ),

г. Тула, Россия,

melencov.artem@gmail.com

Научный руководитель:

Урюпина Надежда Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры,

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (ТулГУ),

г. Тула, Россия

Аннотация: Статья посвящена системному исследованию диалектики частных и публичных интересов в сфере исполнительного производства РФ. В контексте масштабного обновления нормативно-правовой базы в 2025–2026 годах анализируются механизмы обеспечения баланса прав взыскателя и должника на стадии принудительного исполнения судебных актов. Автором исследуются правовые последствия детерминации исполнительского сбора в размере 12%, процессуальные особенности взаимодействия ФССП и ФНС при наложении арестов, а также нормативные инициативы по обеспечению исполнительского иммунитета и гуманизации взыскания по малозначительным задолженностям. Обосновывается тезис о приоритете принципа соразмерности при применении мер государственного принуждения.

Ключевые слова: баланс интересов, государственное принуждение, исполнительский сбор, исполнительное производство, правовой статус должника, процессуальная экономия, публично-правовая ответственность.

**PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS:
SEEKING A BALANCE IN THE CONTEXT OF LEGISLATIVE REFORMS**

Melentsov Artem Romanovich,

4th year student,

Tula State University (TulSU),

Tula, Russia,

melencov.artem@gmail.com

Academic Supervisor:

Uryupina Nadezhda Aleksandrovna,

Candidate of Juridical Sciences,

Associate Professor of the Department,

Tula State University (TulSU),

Tula, Russia

Abstract: The article is devoted to a systematic study of the dialectics of private and public interests in the sphere of enforcement proceedings in the Russian Federation. In the context of the large-scale updating of the regulatory framework in 2025–2026, the author analyzes mechanisms for ensuring a balance between the rights of the claimant and the debtor at the stage of compulsory execution of judicial acts. The author examines the legal consequences of determining the enforcement fee at 12%, the procedural features of interaction between the Federal Bailiff Service (FSSP) and the Federal Tax Service (FNS) when imposing seizures, as well as regulatory initiatives to ensure enforcement immunity and humanize the collection of minor debts. The thesis

of the priority of the principle of proportionality in the application of state coercion measures is substantiated.

Keywords: balance of interests, enforcement fee, enforcement proceedings, legal status of the debtor, procedural economy, public liability, state coercion.

Исполнительное производство как завершающая стадия механизма защиты нарушенных прав представляет собой сферу наиболее острого столкновения разнонаправленных интересов. С одной стороны, публично-правовой механизм государственного принуждения призван гарантировать неукоснительное исполнение судебных актов, обеспечивая тем самым авторитет правосудия и стабильность гражданского оборота. С другой стороны, процедура взыскания неизбежно вторгается в имущественную и личную сферу должника, затрагивая его законные частные интересы. Поиск разумного равновесия между этими началами является ключевой задачей правового регулирования, и новеллы 2025–2026 годов предоставляют богатый материал для анализа динамики этого баланса.

Современная доктрина исполнительного права во многом строится на поиске баланса между этими началами. Как справедливо отмечает О.В. Исаенкова, перспективы изменения соотношения частного и публичного в исполнительном производстве являются одним из центральных вопросов развития отрасли на современном этапе [2, с. 44]. В литературе подчеркивается, что защита прав взыскателя не должна осуществляться за счет необоснованного ущемления прав должника, а эффективность принудительного исполнения не может достигаться любой ценой, в том числе путем игнорирования социальных гарантий [9, с. 45]. Законодательные изменения 2025–2026 годов демонстрируют стремление государства скорректировать баланс интересов, реагируя на вызовы правоприменительной практики.

Первой значимой мерой, направленной на защиту частных интересов должников в условиях действия особых правовых режимов, стал подписанный 29 декабря

2025 года закон о приостановке исполнительных производств в регионах, где введены военное положение или режим контртеррористической операции (КТО) [7].

Существенной новеллой в механизме защиты частных интересов субъектов предпринимательской деятельности и граждан стало вступление в силу с 1 января 2026 года Федерального закона № 425-ФЗ [6]. Указанным законом была устранена правовая коллизия, возникавшая при совпадении мер принудительного исполнения и обеспечительных мер налоговых органов: с указанной даты денежные средства, перечисляемые должником на депозитный счёт Федеральной службы судебных приставов в целях исполнения требований исполнительного документа, не подлежат блокированию кредитной организацией, даже если в отношении должника действует решение налогового органа о приостановлении операций по его счетам.

Также значимой новеллой стало повышение размера исполнительского сбора. Согласно поправкам, утвержденным Президентом РФ 29 декабря 2025 года и вступившим в силу 9 января 2026 года, размер сбора был увеличен с 7% до 12% от взыскиваемой суммы [8]. При этом минимальный порог вырос до 2 000 рублей для физических лиц и ИП, и до 20 000 рублей для организаций. Эта мера существенно усиливает публично-правовую составляющую механизма принуждения, создавая для должника мощный фискальный стимул к добровольному и своевременному исполнению требований. Д.Х. Валеев справедливо отмечал, что исполнительский сбор по своей правовой природе является санкцией штрафного характера, мерой публично-правовой ответственности за нарушение законодательства об исполнительном производстве [1, с. 87].

Параллельно с усилением ответственности запущены механизмы гуманизации процедур для наименее защищенных должников. Так, Минюст России в конце 2025 года предложил поправки, предусматривающие повышение пороговой суммы задолженности, при которой не допускается арест имущества, с 3 000 до

10 000 рублей [4]. По состоянию на 22 мая 2026 года данный законопроект не принят; он находится в стадии первого чтения. Существенным принципом становится строгое правило: арест имущества и счетов накладывается исключительно на сумму, необходимую для погашения долга по исполнительному документу. Данная инициатива направлена на предотвращение ситуаций, когда из-за незначительного долга блокируются все средства гражданина, что грубо нарушает принцип справедливости и соразмерности.

На практике ключевым инструментом соблюдения баланса интересов выступает механизм снижения штрафных санкций, закреплённый в части 6 статьи 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Законодательство не предусматривает «автоматического» снижения суммы сбора. Данный механизм представляет собой судебную дискрецию: при наличии доказательств тяжёлого имущественного положения должника, отсутствия его вины в несвоевременном исполнении или иных заслуживающих внимания обстоятельств суд вправе уменьшить размер исполнительского сбора, но не более чем на одну четверть от установленной суммы (то есть с 12% до 9% от взыскиваемой суммы). Кроме того, суд может предоставить отсрочку или рассрочку взыскания сбора. Базовая правовая позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная в Постановлении от 12 июля 2007 г. № 10-П, сохраняет своё методологическое значение и в 2026 году: достижение баланса интересов кредитора и должника требует защиты прав последнего не только путем соблюдения минимальных стандартов, но и путем сохранения для него должного уровня существования [3]. Как подчеркивается в правовой доктрине, «установление справедливого баланса между интересами взыскателя и должника является неотъемлемым условием легитимности государственного принуждения» [5, с. 96].

Анализ законодательства 2026 года позволяет сделать вывод о том, что законодатель стремится к гармонизации частных и публичных интересов в исполнительном производстве посредством двух ключевых векторов: усиления

финансовой ответственности за неисполнение требований исполнительных документов (рост сбора до 12%), с одной стороны, и гуманизации процедур (устранение правовых коллизий при арестах, инициатива об ограничении арестов при долгах до 10 000 руб.), с другой. Дальнейшее развитие правового регулирования должно быть направлено на создание эффективных процедур автоматизированного контроля за соразмерностью мер принуждения.

Библиографический список использованных источников

1. Валеев Д.Х. Исполнительное производство : учебник / Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. — М. : Статут, 2014. — 455 с.
2. Исаенкова О.В. Перспективы изменения соотношения частного и публичного в исполнительном производстве : доклад на круглом столе ИЗиСП / О.В. Исаенкова. — М. : ИЗиСП, 2025.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьей части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации...» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2007. — № 5.
4. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "Об исполнительном производстве"» (в части запрета ареста имущества при сумме взыскания менее 10 тыс. рублей) (подготовлен Минюстом России, декабрь 2025 г.) // Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения. — URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 22.05.2026).
5. Уманская В. Баланс публичных и частных интересов в государственном управлении / В. Уманская. — М. : Проспект, 2019. — 256 с.
6. Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные

законодательные акты Российской Федерации» (вступ. в силу с 01.01.2026) // Российская газета. — 2025. — 3 декабря. — № 275.

7. Федеральный закон от 29.12.2025 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об исполнительном производстве"» (в части приостановки производств в регионах с режимом военного положения или КТО) // Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 1 (часть I). — Ст. 18.

8. Федеральный закон от 29.12.2025 «О внесении изменений в статью 112 Федерального закона "Об исполнительном производстве"» (вступ. в силу с 09.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 1 (часть I). — Ст. 15.

9. Ярков В.В. Исполнительное производство : учебник / В.В. Ярков. — М. : Статут, 2022. — 480 с

УДК 347.9

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Талышева Елизавета Андреевна,

студентка 4 курса,

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (ТулГУ),

г. Тула, Россия,

talysheva.yelizaveta@mail.ru

Научный руководитель:

Урюпина Надежда Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры,

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (ТулГУ),

г. Тула, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования исполнительного производства в Российской Федерации. Анализируются изменения законодательства в части взыскания исполнительского сбора, вопросы перегруженности судебных приставов-исполнителей, защиты прав должников и внедрения цифровых технологий. На основе анализа научных источников и нормативных правовых актов выявляются противоречия между законодательными новеллами и возможностями правоприменительной системы. Предлагаются направления дальнейшего совершенствования законодательства об исполнительном производстве.

Ключевые слова: защита прав должников, исполнительное производство, исполнительский сбор, судебный пристав-исполнитель, Федеральная служба судебных приставов, цифровизация.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND ENFORCEMENT IN EXECUTIVE PROCEEDINGS

Talysheva Ellizaveta Andreevna,

4th year student,

Tula State University (TulSU),

Tula, Russia,

talysheva.yelizaveta@mail.ru

Scientific supervisor:

Uryupina Nadezhda Aleksandrovna,

Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor of the Department,

Tula State University (TulSU),

Tula, Russia

Abstract: The article discusses current problems of legal regulation of enforcement proceedings in the Russian Federation. The author analyzes changes in legislation regarding the collection of enforcement fees, the workload of bailiffs, protection of debtors' rights and the introduction of digital technologies. Based on the analysis of scientific sources and normative legal acts, the contradictions between legislative innovations and the capabilities of the law enforcement system are identified. Directions for further improvement of the legislation on enforcement proceedings are proposed.

Keywords: protection of debtors' rights, enforcement proceedings, enforcement fee, bailiff, Federal Bailiff Service, digitalization.

Исполнительное производство является завершающей стадией механизма защиты нарушенных прав граждан и организаций. Согласно статье 2 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном

производстве» (далее - Закона об исполнительном производстве) его задачами выступают правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц [6]. Эффективность системы принудительного исполнения служит необходимой гарантией реализации права на судебную защиту, закреплённого статьёй 46 Конституции Российской Федерации. Однако практика показывает, что принимаемые законодателем меры по повышению результативности исполнения не всегда согласуются с реальными возможностями органов принудительного исполнения и существующими гарантиями прав граждан.

Одним из наиболее значимых изменений последнего времени стало реформирование института исполнительского сбора. Федеральным законом от 29.12.2025 № 563-ФЗ базовая ставка исполнительского сбора увеличена с 7 до 12 процентов от подлежащей взысканию суммы или стоимости взыскиваемого имущества [7]. Повышены минимальные размеры сбора: для должников-граждан и индивидуальных предпринимателей – до двух тысяч рублей, для должников-организаций – до двадцати тысяч рублей. Для требований неимущественного характера установлены пороги: десять тысяч рублей для граждан и индивидуальных предпринимателей, сто тысяч рублей для организаций. Кроме того, частью 4.1 статьи 112 Закона об исполнительном производстве введён новый порядок удержания сбора: одиннадцать процентов от взысканной суммы удерживаются по мере поступления денежных средств, оставшаяся часть в размере одного процента взыскивается только после полного удовлетворения требований взыскателя. Данный порядок не применяется к требованиям, перечисленным в пункте 1 части 1 статьи 111 Закона об исполнительном производстве (алименты, возмещение вреда жизни и здоровью, компенсация вреда в связи со смертью кормильца, возмещение ущерба от преступлений, компенсация морального вреда).

Повышение размера исполнительского сбора ставит вопрос о соблюдении баланса интересов взыскателя и должника. Как отмечает М.В. Маркин,

«механизм исполнительного производства играет ключевую роль в обеспечении защиты законных интересов как физических, так и юридических лиц» [2, с. 154-155]. Увеличение фискальной нагрузки почти в два раза способно ухудшить материальное положение должников, объективно не имеющих возможности одновременно погасить задолженность. Предусмотренные законодателем исключения для социально значимых категорий взысканий обоснованны, но не снимают общего вопроса о соразмерности штрафных санкций для остальных должников.

Срок для добровольного исполнения, установленный частью 12 статьи 30 Закона об исполнительном производстве, составляет пять дней со дня получения должником постановления о возбуждении производства. Практика показывает, что этого срока часто недостаточно, особенно при значительной сумме долга или нерегулярных доходах должника. Формальное истечение пятидневного срока в таких случаях влечёт взыскание сбора даже при отсутствии виновного поведения. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 1 июня 2023 г. № 29-П указал, что срок для добровольного исполнения не может считаться истекшим, если исполнению препятствовали обстоятельства вне контроля должника, включая ошибки в судебных или исполнительных документах, исправленные по инициативе самого должника в разумный срок [4]. С учётом этой позиции представляется обоснованным более гибкий подход к определению срока для добровольного исполнения – в зависимости от суммы задолженности и вида обязательства.

Новый порядок взыскания сбора требует от судебного пристава-исполнителя дополнительных контрольных действий по каждому оконченому производству. Между тем возможности Федеральной службы судебных приставов здесь объективно ограничены. Статистика свидетельствует о постоянном росте нагрузки. Как отмечает К.С. Морковская, количество поступающих исполнительных документов ежегодно растёт: в 2023 году – 71 млн, в 2024 году – 72,3 млн [3, с. 124]. А.М. Зураев и С.Б. Беликова указывают, что в производстве

у одного пристава находится до 2800 дел ежегодно [1, с. 386-387]. В отдельных исследованиях приводятся данные о нагрузке до пяти тысяч производств на пристава, что в восемнадцать-девятнадцать раз превышает установленные нормативы. При такой загруженности контроль за фактическим завершением исполнения и взыскание оставшегося одного процента сбора становятся труднореализуемыми.

Для восполнения кадрового дефицита ФССП России развивает цифровизацию исполнительного производства. Как отмечает Ю.А. Свирин, использование цифровых технологий позволяет сократить время личного приёма граждан до десяти минут [5, с. 160]. Создание системы «Цифровое исполнительное производство», интеграция с порталом государственных услуг, внедрение автоматизированных алгоритмов возбуждения производств по отдельным категориям задолженностей говорят о позитивной динамике.

Однако цифровизация сопровождается и проблемами. Ю.А. Свирин выделяет среди них неполную идентификацию участников, невозможность направления уведомлений юридическим лицам через онлайн-ресурсы из-за отсутствия в ЕГРЮЛ сведений об адресах электронной почты, сохранение бумажного документооборота по многим делам [5, с. 161]. Следствием этих недостатков становятся ошибки идентификации. М.В. Маркин указывает, что при ошибочной идентификации гражданин вынужден инициировать судебное разбирательство для отмены наложенных ограничений [2, с. 156]. Судебный порядок восстановления прав в таких ситуациях требует значительных временных затрат, что делает необходимой разработку внесудебной процедуры оперативного исключения ошибочно идентифицированных лиц из базы данных должников.

Проведённый анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить ряд системных противоречий. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ, несмотря на многочисленные изменения, не в полной мере учитывает реальную нагрузку на органы принудительного исполнения. Новеллы, введённые Федеральным законом от 29.12.2025 № 563-ФЗ, направлены

на усиление фискальной функции исполнительского сбора, однако их реализация вступает в противоречие с правовыми позициями Конституционного Суда РФ. Как указал КС РФ в Постановлении от 01.06.2023 № 29-П, формальное истечение пятидневного срока для добровольного исполнения не может являться безусловным основанием для применения штрафных санкций при отсутствии виновного поведения должника [4]. Вместе с тем действующая редакция ч. 12 ст. 30 Закона № 229-ФЗ не содержит дифференцированного подхода к сроку добровольного исполнения в зависимости от суммы задолженности или объективных возможностей должника, что создаёт риск нарушения принципа соразмерности мер государственного принуждения. Кроме того, отсутствие в законодательстве внесудебного механизма исправления ошибок идентификации должников при использовании цифровых технологий не соответствует гарантиям, закреплённым в ст. 46 Конституции РФ. Таким образом, выявленные коллизии между законодательными новеллами, позициями высшей судебной инстанции и реальным правоприменением требуют системных изменений.

Таким образом, дальнейшее совершенствование исполнительного производства требует согласования законодательных мер с реальными возможностями правоприменительной системы. Установление гибкого срока для добровольного исполнения, снижение нагрузки на судебных приставов-исполнителей, внедрение обязательной идентификации должников по СНИЛС и ИНН и создание внесудебной процедуры восстановления прав ошибочно идентифицированных граждан в совокупности способны обеспечить баланс между эффективностью взыскания и надлежащей защитой прав всех участников исполнительного производства.

Библиографический список использованных источников

1. Зураев А.М., Беликова С.Б. О некоторых вопросах совершенствования законодательства об исполнительном производстве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 386-388.

2. Маркин М.В. Исполнительное производство и защита прав должников // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 154-161.
3. Морковская К.С. Исполнительное производство в условиях современных вызовов и угроз // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 3 (164). С. 123-127.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.06.2023 № 29-П «По делу о проверке конституционности части 12 статьи 30 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Руссо Индастриал»» // Российская газета, № 133, 21.06.2023.
5. Свирин Ю.А. Цифровые технологии в исполнительном производстве // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 157-162.
6. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
7. Федеральный закон от 29.12.2025 № 563-ФЗ «О внесении изменений в статью 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве»» // Российская газета. 2025. 31 декабря.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 34

**СПОРТИВНОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И В
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА И ОТРАСЛЕВАЯ ПРАКТИКА**

Пятачкова Александра Сергеевна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО ТвГУ,

г. Тверь, Россия,

sasha.pyatachkova@yandex.ru

Путилова Анастасия Юрьевна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО ТвГУ,

г. Тверь, Россия,

ayputilova@outlook.com

Аннотация: в статье анализируется место спортивного права в системе международного публичного права и национального права Российской Федерации. На примере двух видов спорта – волейбола и лёгкой атлетики – демонстрируется взаимодействие норм международных спортивных федераций (FIVB, World Athletics) и российского законодательства. Отдельно проанализирована правовая природа Общероссийских антидопинговых правил 2026 г. и практика разрешения спортивных споров.

Ключевые слова: антидопинговое регулирование, легкая атлетика, lex sportiva, международное право, Россия, спорт, спортивное право, спортивный арбитраж, волейбол.

**SPORTS LAW IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL LAW AND IN THE
LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL
FOUNDATIONS, INSTITUTIONAL ARCHITECTURE AND SECTORAL
PRACTICE**

Pyatachkova Alexandra Sergeevna,

3rd-year student

Tver State University,

Tver, Russia,

sasha.pyatachkova@yandex.ru

Putilova Anastasia Yuryevna,

3rd-year student

Tver State University,

Tver, Russia,

ayputilova@outlook.com

Abstract: The article analyzes the place of sports law in the system of international public law and national law of the Russian Federation. Using the example of two sports – volleyball and athletics – the interaction between the norms of international sports federations (FIVB, World Athletics) and Russian legislation is demonstrated. The legal nature of the All-Russian Anti-Doping Rules of 2026 and the practice of resolving sports disputes are analyzed separately.

Keywords: anti-doping regulation, athletics, lex sportiva, international law, Russia, sport, sports law, sports arbitration, volleyball.

Современный спорт представляет собой не только глобальный социокультурный феномен, но и высокоорганизованную трансграничную индустрию, порождающую сложные публично-правовые и частноправовые

отношения. Ответом на вызовы глобализации стало формирование международного спортивного права — подраздела международного публичного права, существующего в неразрывной связи с транснациональным феноменом *lex sportiva*.

Российская Федерация, будучи активным участником международных спортивных отношений, выстроила собственную многоуровневую систему правового регулирования спорта, основанную на Конституции РФ [8], федеральном законодательстве и нормативных актах спортивных федераций. Цель настоящей статьи — дать комплексный анализ международного спортивного права как нормативной системы, рассмотреть его источники и институциональные механизмы, а также детально осветить российскую модель правового регулирования спорта, включая её взаимодействие с международными стандартами на примере волейбола и лёгкой атлетики.

Как было установлено в науке, международное спортивное право представляет собой совокупность норм, создаваемых государствами и международными межправительственными организациями для регулирования межгосударственных отношений в спортивной сфере, — отмечает Л.И. Захарова [5]. *Lex sportiva* определяется как институт транснационального глобального права, формируемый в результате нормотворческой деятельности международных спортивных организаций и решений Спортивного арбитражного суда (CAS) [1, с. 31–37]. Д.В. Садомская обосновывает, что *lex sportiva* синтезирует особенности международного права (субъекты, юрисдикция, содержание норм) и национального права (эффективный механизм правоприменения, вертикальное действие, обязательная юрисдикция) [20].

В российской юридической науке также активно разрабатывается концепция спортивного права. Так, в исследовании «Теория спортивного права» (2026) предпринята серьёзная попытка научного обоснования места спортивного права в системе современного российского права, где обосновывается его самостоятельность как отрасли, определяются предмет, метод, система,

принципы, источники и содержание спортивных правоотношений [24]. Н. С. Аверченко в работе «Соотношение *lex sportiva* и государственного регулирования в спорте: правовая природа регламентных норм» анализирует взаимодействие транснациональных регламентов международных спортивных организаций и национального законодательства, приходя к выводу о необходимости гибридных моделей регулирования, отражающих интересы как международных, так и национальных правовых систем [1]. Эта позиция приобретает особую актуальность в условиях санкционного давления на российский спорт, когда автономия *lex sportiva* сталкивается с политически мотивированными ограничениями.

В Российской Федерации право на занятия физической культурой и спортом производно от конституционных положений. Часть 2 статьи 41 Конституции РФ провозглашает, что государство финансирует федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, поощряет деятельность, способствующую укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта [8]. Это создаёт конституционную основу для формирования развёрнутого спортивного законодательства.

Центральным нормативным актом в данной сфере является Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [13]. Согласно статье 4 данного закона, законодательство о физической культуре и спорте основывается на Конституции РФ и состоит из самого Федерального закона № 329-ФЗ, других федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними законов субъектов Российской Федерации. Закон действует в редакции от 28 ноября 2025 г. с изменениями, вступившими в силу с 1 марта 2026 г., что свидетельствует о непрерывной адаптации нормативной базы к изменяющимся условиям.

Федеральный закон № 329-ФЗ [13] закрепляет важнейшие институты российского спортивного права, включая:

- разграничение полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления в области физической культуры и спорта;
- правовой статус спортивных федераций, клубов, лиг, агентов и иных субъектов спортивных отношений;
- основы регулирования профессионального спорта и спорта высших достижений, включая особенности трудовых отношений спортсменов и тренеров;
- антидопинговое обеспечение и порядок признания международных антидопинговых стандартов;
- порядок смены спортивного гражданства (статья 1 закона содержит отсылку к полномочиям федерального органа исполнительной власти);
- механизмы разрешения споров в сфере спорта.

Следует отметить, что статья 26 Федерального закона № 329-ФЗ прямо предусматривает, что общероссийские антидопинговые правила утверждаются уполномоченной организацией (РУСАДА) и согласовываются Министерством спорта РФ в соответствии с Всемирным антидопинговым кодексом [4]. Именно эта норма служит правовым основанием для имплементации международных антидопинговых стандартов в российскую правовую систему.

Существенное значение для развития спортивного права имели недавние поправки. Федеральный закон от 30 ноября 2023 г. № 564-ФЗ [11] и Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 684-ФЗ [12] скорректировали отдельные положения спортивного законодательства. Эти изменения отражают общую тенденцию к гармонизации российского законодательства с международными стандартами при одновременном укреплении национальной автономии спортивного регулирования в условиях санкций.

Важно подчеркнуть, что российская система спортивного регулирования не ограничивается одним федеральным законом: отношения в данной сфере регулируются также Трудовым кодексом РФ (глава 54.1) [25], Гражданским

кодексом РФ, Налоговым кодексом РФ, а также многочисленными подзаконными актами.

Российская антидопинговая система построена на принципе строгого соответствия Всемирному антидопинговому кодексу [4] и Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте 2005 г. [9], ратифицированной Российской Федерацией Федеральным законом от 27 декабря 2006 г. № 240-ФЗ [10]. Ключевым нормативным документом являются Общероссийские антидопинговые правила (далее — Правила), утверждённые Ассоциацией «Российское антидопинговое агентство “РУСАДА”» и согласованные Министерством спорта РФ. Новая редакция Правил утверждена 19 января 2026 г. и вступила в силу 4 февраля 2026 г. [16].

Согласно разделу I Правил [16], они разработаны в соответствии с Федеральным законом № 329-ФЗ [13], а также с учётом положений Международной конвенции ЮНЕСКО [9] и Всемирного антидопингового кодекса 2021 г. [4] и международных стандартов ВАДА. Пункт 1.2 Правил особо подчёркивает, что совокупность антидопинговых правил является специфическим комплексом спортивных правил и процедур, отличающихся по своей правовой природе от уголовных и гражданских процессуальных норм.

РУСАДА осуществляет все функции национальной антидопинговой организации, включая допинг-контроль, обработку результатов, проведение расследований и образовательных программ.

На заседании профильного комитета Государственной Думы 21 мая 2025 г. генеральный директор РУСАДА Вероника Логинова указала на расхождение действующего Федерального закона о спорте и новой редакции Всемирного антидопингового кодекса [6]. Это расхождение касается, в частности, вопросов о сроках давности привлечения к ответственности, о процедуре обработки результатов и о статусе «защищённых лиц». Данный пример наглядно иллюстрирует постоянное напряжение между национальным законодательством и динамично развивающимся международным антидопинговым

регулированием. Наряду с антидопинговыми нормами важное значение имеет Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями [7].

В 2025 г. в России была проведена масштабная реформа системы разрешения спортивных споров. Приказ Министерства спорта России № 310, опубликованный в апреле 2025 г., наделил национальные спортивные объединения правом указывать в своих положениях и регламентах необходимость передачи любых спорных вопросов на рассмотрение Национального центра спортивного арбитража (НЦСА) — уполномоченной структуры АНО «Спортивная арбитражная палата» [14].

Министр спорта РФ, президент Олимпийского комитета России Михаил Дегтярев подчеркнул, что цель реформы заключается в том, чтобы все споры в российском спорте, включая трудовые, рассматривались в НЦСА. В мае 2025 г. был принят новый устав Спортивной арбитражной палаты и утверждена обновлённая система управления.

Ключевым элементом реформы стало закрепление на нормативном уровне так называемой «арбитражной оговорки». По состоянию на сентябрь 2025 г. уже 34 российские спортивные организации включили пункт об арбитражной оговорке в свои учредительные документы [2]. Среди них — Федерация бокса России, которая предусмотрела следующий порядок: первоначально спор разрешается внутренним порядком, а затем передаётся в НЦСА; для особо сложных споров предусмотрено международное рассмотрение через CAS.

Спортивный арбитраж в России рассматривает широкий круг дел: допуск к соревнованиям, нарушения антидопинговых правил, трудовые вопросы спортсменов и тренеров и иные категории споров. Министерством юстиции РФ депонированы Правила арбитража индивидуальных трудовых споров спортсменов, тренеров, спортивных судей и спортивных врачей в профессиональном спорте и спорте высших достижений [18].

Трудовой кодекс РФ содержит специальную главу 54.1, регулирующую особенности труда спортсменов и тренеров. Статья 348.13 ТК РФ [25] устанавливает, что индивидуальные трудовые споры спортсменов и тренеров могут быть переданы по арбитражному соглашению в арбитраж (третейское разбирательство). Эта норма создаёт правовую основу для внесудебного разрешения споров через НЦСА.

Судебная практика по индивидуальным трудовым спорам профессиональных спортсменов активно обобщается на уровне Верховного Суда РФ. Соответствующий обзор практики [15] показывает, что суды в основном правильно и единообразно применяют общие правила трудового законодательства с учётом особенностей, установленных главой 54.1 ТК РФ.

Российская система разрешения спортивных споров не изолирована от международных механизмов. Недавнее решение CAS по делу Федерации настольного тенниса России, впервые признавшее дискриминационным запрет российским спортсменам на участие в международных соревнованиях [21], иллюстрирует сложное переплетение юрисдикций. Кроме того, Европейский Суд по правам человека в деле Mutu and Pechstein v. Switzerland [22] также внёс вклад в развитие стандартов справедливого разбирательства в спортивном арбитраже.

Всероссийская федерация волейбола действует на основе Федерального закона № 329-ФЗ [13] и регламентов Международной федерации волейбола (FIVB). Важнейшим инструментом регулирования является институт спортивного гражданства. Как указано в изменениях, принятых FIVB, с 21 сентября 2023 г. сменить волейбольное гражданство могут только игроки юношеских и молодёжных сборных [23]. В России это правило имеет практическое значение: в мае 2026 г. олимпийская чемпионка Мария Маркова получила предложение сменить спортивное гражданство и выступать за сборную Турции, однако депутат Госдумы Светлана Журова заявила, что ВФВ

вряд ли одобрит такой переход без карантина. Этот случай демонстрирует трансляцию норм *lex sportiva* FIVB в практику национальной федерации.

Правовое регулирование лёгкой атлетики в России осуществляется ВФЛА под эгидой World Athletics. Деятельность ВФЛА особенно показательна в антидопинговом контексте. Правовым основанием для санкций служат Антидопинговые правила World Athletics, входящие в Книгу правил международной федерации, которые корреспондируют Всемирному антидопинговому кодексу [4] и Общероссийским антидопинговым правилам [16].

Как показывает анализ публикаций, российская доктрина спортивного права переживает период активного становления. Е.-М. М. Бурлакова анализирует содержание *lex sportiva* в России — от саморегулирования до деятельности федераций и арбитражей [3]. В работах Рыбкиной, Федотовой и Ширшовой рассматривается природа документов международных спортивных организаций как источников права [19]. Сборник «Правовое поле физической культуры и спорта» [17] объединяет статьи по вопросам правового регулирования спортивных отношений.

Таким образом, российское законодательство продолжает адаптироваться к международным стандартам, реформа спортивного арбитража 2025 г. создала автономную национальную систему разрешения споров, а доктрина движется к признанию спортивного права самостоятельной комплексной отраслью.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Международное спортивное право и российское спортивное законодательство существуют в состоянии сложного взаимодействия, обеспечиваемого механизмами инкорпорации и имплементации.

2. Антидопинговое регулирование остаётся наиболее гармонизированным сегментом, что подтверждается соответствием Общероссийских антидопинговых правил [16] Всемирному антидопинговому кодексу [4].

3. Реформа системы спортивного арбитража 2025 г. создала полноценную национальную систему разрешения споров (НЦСА), способную функционировать автономно, но сохраняющую возможность обращения в CAS.

4. Отраслевой анализ волейбола и лёгкой атлетики демонстрирует эффективное взаимодействие норм *lex sportiva* международных федераций (FIVB, World Athletics) и внутрироссийского регулирования.

5. Российская научная доктрина спортивного права активно развивается и движется к легитимации статуса спортивного права как самостоятельной комплексной отрасли [24].

Библиографический список использованных источников

1. Аверченко Н. С. Соотношение *lex sportiva* и государственного регулирования в спорте: правовая природа регламентных норм / Н. С. Аверченко // Научные записки молодых исследователей. – 2025. – № 2. – С. 31–37.
2. Более 30 спортивных федераций обязались урегулировать споры в Национальном центре спортивного арбитража: пресс-релиз Министерства спорта РФ от 01.09.2025 // minsport.gov.ru. – URL: <https://minsport.gov.ru> (дата обращения: 09.05.2026).
3. Бурлакова Е.-М. М. Корпоративное управление спортом в Российской Федерации: сущность и современное состояние / Е.-М. М. Бурлакова // Право и государство. – 2025. – № 3. – С. 45–52.
4. Всемирный антидопинговый кодекс 2021 г. (утверждён Всемирным антидопинговым агентством). – URL: <https://www.wada-ama.org> (дата обращения: 09.05.2026).
5. Захарова Л. И. Международное спортивное право: учебник / Л. И. Захарова. – Москва, 2017. – 312 с.
6. Информация с заседания профильного комитета Государственной Думы от 21.05.2025 по вопросам совершенствования антидопингового законодательства // duma.gov.ru. – URL: <http://duma.gov.ru> (дата обращения: 09.05.2026).

7. Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями (ETS № 215) (заключена в г. Маглингене 18.09.2014). – URL: <https://www.coe.int> (дата обращения: 09.05.2026).
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Ст. 41.
9. Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (принята в г. Париже 19.10.2005) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 1. – Ст. 3.
10. О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте : Федеральный закон от 27.12.2006 № 240-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 1. – Ст. 3.
11. О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2023 № 564-ФЗ. – URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.05.2026).
12. О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»: Федеральный закон от 25.12.2023 № 684-ФЗ. – URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.05.2026).
13. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 28.11.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.
14. Об арбитражной оговорке: приказ Министерства спорта Российской Федерации от апреля 2025 г. № 310. – URL: <https://minsport.gov.ru> (дата обращения: 09.05.2026).
15. Обзор практики рассмотрения судами Российской Федерации дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров (утверждён Президиумом Верховного Суда РФ). – URL: <https://www.vsrif.ru> (дата обращения: 09.05.2026).

16. Общероссийские антидопинговые правила (утверждены Ассоциацией «РУСАДА» 19 января 2026 г., вступили в силу 4 февраля 2026 г.). – URL: <https://rusada.ru> (дата обращения: 09.05.2026).
17. Правовое поле физической культуры и спорта в образовательном пространстве Российской Федерации: сборник научных трудов / под ред. [ред.]. – Тверь : Изд-во ТвГУ, 2025. – 210 с.
18. Правила арбитража индивидуальных трудовых споров спортсменов, тренеров, спортивных судей и спортивных врачей в профессиональном спорте и спорте высших достижений (депонированы Министерством юстиции Российской Федерации, ноябрь 2025 г.).
19. Рыбкина О. С. О природе документов международных спортивных организаций как источников права / О. С. Рыбкина, М. И. Федотова, М. А. Ширшова // Философия права. – 2024. – № 2. – С. 67–73.
20. Садомская Д. В. Lex sportiva как феномен регулирования международных спортивных отношений / Д. В. Садомская // Контентус. – 2018. – № 12 (77). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lex-sportiva-kak-fenomen-regulirovaniya-mezhdunarodnyh-sportivnyh-otnosheniy> (дата обращения: 10.05.2026).
21. Решение Спортивного арбитражного суда (CAS) по иску Федерации настольного тенниса России (октябрь 2025 г.). – URL: <https://www.tas-cas.org> (дата обращения: 09.05.2026).
22. Решение Европейского Суда по правам человека по делу Mutu and Pechstein v. Switzerland (жалобы № 40575/10 и 67474/10, постановление от 2 октября 2018 г.). – URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 09.05.2026).
23. Спортивный регламент FIVB 2022 г. (с изменениями от 21.09.2023). – URL: <https://www.fivb.com> (дата обращения: 09.05.2026).
24. Теория спортивного права: учебник / [коллектив авторов]. – Москва: Юрайт, 2026. – 350 с.
25. Трудовой кодекс Российской Федерации. – Глава 54.1. – Ст. 348.13.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

УДК 349.2

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ИНОСТРАННЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Хасанова Азалия Ильнуровна,

студентка 3 курса

Казанский институт (филиал)

ВГУЮ (РПА Минюста России),

г. Казань, Россия,

azaliya.khasanova05@mail.ru

Каримова Лиана Фанисовна,

студентка 3 курса

Казанский институт (филиал)

ВГУЮ (РПА Минюста России),

г. Казань, Россия,

anaomi1750@gmail.com

Аннотация: статья посвящена правовому регулированию труда иностранных работников в Российской Федерации как сложный межотраслевой институт, сочетающий в себя нормы трудового, миграционного и международного права. Рассматриваются основные разрешительные режимы, а также современные тенденции цифровизации контроля и дифференциации правового статуса в зависимости от гражданства и визового режима.

Ключевые слова: высококвалифицированные специалисты, иностранные работники, миграционное право, патентная система, правовое регулирование, трудовой договор, трудовое право.

LEGAL REGULATION OF THE WORK OF FOREIGN WORKERS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Khasanova Azaliya Ilnurovna,

3rd year student

Kazan Institute (branch)

VGUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Kazan, Russia,

azaliya.khasanova05@mail.ru

Karimova Liana Fanisovna,

3rd year student

Kazan Institute (branch)

VGUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Kazan, Russia,

anaomi1750@gmail.com

Abstract: the article is devoted to the legal regulation of the labor of foreign workers in the Russian Federation as a complex interdisciplinary institution combining the norms of labor, migration and international law. The main licensing regimes are considered, as well as current trends in digitalization of control and differentiation of legal status depending on citizenship and visa regime.

Keywords: highly qualified specialists, foreign workers, migration law, patent system, legal regulation, employment contract, labor law.

Правовое регулирование труда иностранных работников в РФ сочетает нормы трудового, административного, миграционного и международного права. В условиях глобализации и демографических изменений в РФ создаётся система норм права, направленных на защиту национального рынка труда, соблюдение прав и свобод человека, а также обеспечения стабильности и предсказуемости

для работодателей, привлекающих иностранную рабочую силу. Приоритет трудоустройства граждан РФ перед иностранцами реализуется через квотирование и особый режим допуска к работе. Однако учитывая, что Россия является стороной международных договоров, в том числе Договора о Евразийском экономическом союзе и Конвенции Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) о правах и основных свободах человека, обязана обеспечивать равные права для отдельных категорий иностранных работников, что создаёт различия в правовом регулировании, требующие чёткой правовой регламентации.

Главным документом является Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [4]. Он служит основой регулирования: устанавливает понятийный аппарат, определяет виды режимов пребывания (временное пребывание, временное проживание, постоянное проживание) и общие принципы трудовой деятельности. Закон вводит понятия, разрешение на работу, патент, разрешение на временное проживание, вид на жительство, и определяет категории: высококвалифицированный специалист, иностранный гражданин, прибывший в визовом или безвизовом порядке.

Трудовой кодекс РФ расширяет аналогичные права, закрепляя общие принципы трудовых отношений для иностранцев с учётом особенностей федеральных законов и международных договоров (ст. 3 ТК РФ, ст. 64 ТК РФ). Иностранные граждане имеют право свободно распоряжаться способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, иметь равные права и свободы в заключении договора без дискриминации [3]. Однако практическая возможность осуществления этих прав тесно связана со строгим соблюдением ограничений и получения разрешительных документов, что создает баланс между свободой труда и необходимостью миграционного контроля.

Порядок привлечения иностранных работников различается в зависимости от визового режима страны происхождения. Для визовых граждан действует

строгий разрешительный режим: работодатель должен получить разрешение на привлечение и использование работников в пределах квоты, а иностранец — разрешение на работу. Для безвизовых граждан, в первую очередь из СНГ, и высококвалифицированных специалистов предусмотрен упрощённый порядок. Они могут получить патент или разрешение на работу без учёта квоты и без разрешения для работодателя. Такое различное регулирование позволяет гибко реагировать на потребности рынка труда [1, с. 121].

Институт патента легализует трудовую деятельность иностранцев, прибывших в безвизовом порядке, у физических и юридических лиц на территории субъекта РФ. Патент выдаётся на срок от 1 до 12 месяцев с возможностью продления (но не более 12 месяцев со дня выдачи) и предусматривает ежемесячную уплату фиксированного авансового платежа по НДФЛ, размер которого устанавливается субъектом РФ. Неуплата влечёт прекращение действия патента и депортацию, а система в целом обеспечивает фискальные интересы государства и стимулирует легализацию трудовой деятельности.

Высококвалифицированные специалисты пользуются наиболее благоприятным режимом, который регулируется ФЗ «О правовом положении иностранных граждан» (ст. 13.2): оплата труда — не менее 2 млн руб. в год (если иное не прописано в договорах), отсутствие квот, право работать на всей территории РФ без региональных ограничений, получение вида на жительство без разрешения на временное проживание, освобождение от уведомления миграционного органа о заключении/расторжении договора. Члены их семей имеют право на проживание и трудоустройство без разрешительных документов, если они из безвизовой страны.

Существенные льготы предусмотрены и для членов Договора о Евразийском экономическом союзе, а также граждан Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана. Они могут работать наравне с гражданами России без ограничений, установленных национальным законодательством: для них не

требуется оформлять разрешительные документы и производить упрощённую регистрацию по месту пребывания, работодатель не должен получать разрешение на привлечение, работник не должен оформлять патент или получение разрешения. Им предоставляются все социальные гарантии: страхование, пенсия, медицинская помощь, за исключением тех, чья деятельность связана с государственной тайной или имеет ограничения для государственных органов [2, с. 98].

В соответствии с ч. 2 ст. 57 ТК РФ договор с иностранным работником заключается в письменной форме и должен, помимо обязательных условий, содержать сведения о статусе работника: реквизиты разрешения или патента, данные документа, удостоверяющего личность, условия предоставления жилья, если таковое имеется. Работодатель обязан в течение 3 рабочих дней сообщать в миграционный орган о заключении и расторжении договора. Неисполнение данной обязанности влечёт административную или уголовную ответственность.

Иностранные работники обязаны проходить пенсионное и медицинское страхование с учётом особенностей их статуса и заключённых договоров: для работающих по патенту или разрешению, обязательного медицинского страхования (ОМС) осуществляется через добровольное медицинское страхование или платные медицинские услуги, если иное не предусмотрено договором, высококвалифицированные специалисты и граждане государств-членов Евразийского экономического союза имеют право на получение бесплатной медицинской помощи в рамках ОМС.

Субъекты РФ могут вводить дополнительные ограничения на использование иностранной рабочей силы в отдельных видах деятельности: розничная торговля, строительство и др. Ежегодно Правительство РФ устанавливает максимально допустимую долю иностранцев в различных сферах экономики. При этом полностью запрещается привлечение иностранцев на должности, связанные с обеспечением государственной безопасности: органы государственной власти, состав экипажей морских и воздушных судов,

организации в области использования атомной энергии, для защиты национальных интересов.

Иностранные работники имеют право защищать свои трудовые права в суде, состоять в профсоюзах, получать зарплату не ниже МРОТ (ст. 133 ТК РФ), компенсации за работу во вредных условиях (ст. 146, 147 ТК РФ) и ежегодный оплачиваемый отпуск (ст. 114, 115 ТК РФ), а также пользоваться иными гарантиями и пособиями. Для пресечения нарушений их прав применяются меры государственного контроля: внеплановые проверки и временное приостановление деятельности организации.

Таким образом, правовое регулирование меняется вслед за экономикой, демографией, внешней политикой и новыми технологиями: переход к цифровым услугам, борьба с незаконной миграцией, гармонизация национального законодательства с международными договорами, расширение социальных прав иностранных работников. Взвешенный баланс с учётом интересов государства, работодателей, иностранных работников и гражданского общества поможет найти устойчивую модель правового регулирования, способствующую развитию экономики и социальной сферы РФ.

Библиографический список использованных источников

1. Лютаревич-Гефтер Ю. А. Проблемы привлечения в Российскую Федерацию высококвалифицированных иностранных специалистов // Вестник Российской правовой академии. — 2024. — № 3. — С. 120–128.
2. Седова Н. П. Особенности регулирования трудовых отношений с участием иностранных работников в России // Кадровик. — 2026. — № 3. — С. 98–101.
3. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм.и доп., вступ. в силу с 15.05.2026)
4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3032.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.9

ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ИЛИ РАЗВИТИЕ «ПРЕСТУПНОГО СОСТОЯНИЯ»?

Шимоткин Дмитрий Александрович,

студент 3 курса

Российского государственного университета правосудия

им. В.М. Лебедева,

г. Нижний Новгород, Россия,

abbb777@inbox.ru

Медов Константин Дмитриевич,

студент 3 курса

Российского государственного университета правосудия

им. В.М. Лебедева,

г. Нижний Новгород, Россия,

ima52@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, внесенные Постановлением от 21 мая 2026 г. N 16, относительно уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ). Авторы исследуют развитие правовой позиции высшего судебного органа. Рассматриваются признаки занятия высшего положения (разрешение споров, распределение статусов, установление и контроль соблюдения криминальных правил), а также вопросы конкуренции уголовно-правовых норм и особенности назначения наказания. Делается вывод о снижении уровня оценочности диспозиции. Тем не менее, сохраняются риски привлечения к ответственности за статус (не за деяние).

Ключевые слова: вор в законе, высшее положение в преступной иерархии, квалификация преступлений, объективное вменение, организованная преступность, Пленум Верховного Суда РФ, ст. 210.1 УК РФ.

**ANALYSIS OF NEW APPROACHES OF THE SUPREME COURT OF THE
RUSSIAN FEDERATION ON THE ISSUE OF THE PRESUMPTION OF
CULPABILITY OF THE TORTFEASOR**

Shimotkin Dmitry Alexandrovich,

3rd year student
of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev,
Nizhny Novgorod, Russia,
abbb777@inbox.ru

Medov Konstantin Dmitrievich,

3rd year student
of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev,
Nizhny Novgorod, Russia,
ima52@mail.ru

Abstract: The article analyzes the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation introduced by Resolution No. 16 of May 21, 2026 regarding criminal liability for occupying the highest position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The authors examine the development of the legal position of the highest judicial body. The article considers the signs of occupying the highest position (dispute resolution, distribution of statuses, establishment and control over compliance with criminal rules), as well as issues of competition of criminal law norms and features of sentencing. The conclusion is made

about a decrease in the level of evaluativeness of the disposition. Nevertheless, the risks of being held liable for status (rather than for an act) remain.

Keywords: thief in law, highest position in the criminal hierarchy, qualification of crimes, objective imputation, organized crime, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

С момента введения в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 210.1, которая устанавливает ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии [8], в доктрине уголовного права не утихают споры о практической применимости данной нормы. Проблемой применения этой статьи стала неопределенность законодательной дефиниции «лица, занимающего высшее положение» [4, с. 54].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. № 16 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» [7] вышло в свет для того, чтобы восполнить вышеназванный пробел. Возникает вопрос, является ли это нововведение шагом к правовой определенности или Верховный Суд вводит законодательную концепцию «преступного состояния личности», ранее подвергавшуюся критике в науке [1, с. 95].

Внесенные изменения затронули Постановление Пленума от 10 июня 2010 г. № 12 [6], которое теперь официально дополнено указанием на статью 210.1 УК РФ. Пленум расширил название документа, включив в него «занятие высшего положения» и дал содержательное толкование признакам данного состава преступления [6]. В первоначальной редакции пункта 24 Постановления № 12 содержалось лишь указание на то, что судам следует учитывать особенности, связанные с ответственностью лиц, занимающих высшее положение. Новая редакция представляет собой решение Верховного Суда узаконить то, что долгое время оставалось в сфере криминальных обычаев, а также оперативно-розыскной характеристики [2].

Пленум определил, что под лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, следует понимать лицо, обладающее авторитетом, лидерством в преступном сообществе (преступной организации) или в иной среде, связанной с преступной деятельностью, а равно использующее свое влияние на организованные группы, их участников или иных лиц, обусловленное его положением в указанной иерархии [6].

Данное определение на первый взгляд кажется доктринально выверенным. Оно охватывает как элемент обладания статусом, так и использование влияния. Указание на «иную среду, связанную с преступной деятельностью» позволяет распространять норму на лидеров как в рамках конкретного сообщества, так и в масштабах всего криминалитета, что соответствует смыслу статьи 210.1 УК РФ [8], которая, в свою очередь, криминализирует статус вне зависимости от членства в конкретном организованном объединении [5, с. 112].

Шагом вперед следует признать перечень действий, которые могут подтверждать занятие высшего положения. Пленум включил в него такие акты, как разрешение споров между организованными группами, преступными сообществами и отдельными лицами, входящими в состав таких объединений, определение, изменение или прекращение положения других лиц в преступной иерархии, установление правил взаимоотношений между ними, контроль за соблюдением данных правил и применение мер воздействия к лицам, нарушающим такие правила (пункт 24(1) Постановления № 12 в редакции Постановления № 16) [6].

Данные критерии, на наш взгляд, действительно являются основными для отграничения лидера от обычного участника [3]. Это также позволяет перевести оценочную категорию «авторитет» в плоскость доказуемых фактов преступной деятельности. На практике это означает, что в настоящее время суду недостаточно констатировать известность лица в криминальной среде. Необходимо установить факт совершения им конкретных действий, связанных с управлением и характерных для высшего эшелона преступной иерархии [6].

Помимо вышеназванных признаков, Пленум указал на наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или коррупционных связей, которые могут свидетельствовать о лидерстве (пункт 24 Постановления № 12 в редакции Постановления № 16) [6]. Этот блок признаков представляется спорным. Связи с террористическими и экстремистскими структурами, безусловно, повышают общественную опасность лица, однако они не являются признаком занятия высшего положения в преступной иерархии [1, с. 97]. По сути, речь идет о сопутствующих явлениях, которые могут сопровождать криминальное лидерство, но не всегда ему присущи. Использование такого критерия на практике может привести к подмене основания ответственности, когда лицо будет привлекаться по статье 210.1 УК РФ [8] не за собственно занятие высшего положения, а за наличие коррупционных связей, что может быть доказано отдельным составом преступления [5, с. 115].

Одним из дискуссионных вопросов доктрины является соотношение составов, предусмотренных частью 4 статьи 210 и статьей 210.1 УК РФ [8]. Пленум в пункте 24(2) внесенных изменений разграничил эти составы [6]. Лицо, занимающее высшее положение и совершающее действия, предусмотренные частью 1 или 1.1 статьи 210 УК РФ (организация сообщества, координация, участие в собрании), полностью охватывается частью 4 статьи 210 УК РФ [8] и дополнительной квалификации по статье 210.1 не требует. Однако если лицо совершает иные действия, подтверждающие занятие высшего положения, например, разрешение споров или применение мер воздействия, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений [6]. Данное решение логичное, поскольку оно предотвращает двойной учет одного и того же деяния, но одновременно создает систему разграничения. Фактически возникает ситуация, когда статус высшего лица может быть «поглощен» более тяжелой деятельностью (организация сообщества) либо, в отсутствие таковой, образовывать самостоятельный состав [4, с. 56].

Внимания заслуживают и новеллы, касающиеся назначения наказания. Пленум указал, что в отношении лица, осужденного по части 4 статьи 210 и (или) статье 210.1 УК РФ [8], в силу части 3 статьи 64 УК РФ [8] положения части 1 данной статьи (о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено) не применяются [6]. Кроме того, согласно пункту "а.1" части 1 статьи 73 УК РФ [8] исключается возможность назначения условного осуждения [6]. Наказание для данной категории лиц должно быть реальным и суровым.

Несмотря на стремление Верховного Суда конкретизировать признаки состава преступления, положения Постановления № 16 [7] вызывают и критику, в том числе созвучную спорам о природе ст. 210.1 УК РФ [8]. В науке неоднократно высказывалось мнение, что введение уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии противоречит идее запрета объективного вменения, установленного в Уголовном кодексе РФ [8], а также в международных актах в качестве одного из принципов современного уголовного права [1, с. 91]. Пленум, по сути, закрепил ответственность за «статус» и «опасное состояние личности» [1, с. 95]. Даже перечисленные в Постановлении действия (разрешение споров, установление правил) являются, по мнению отдельных авторов, лишь внешними проявлениями статуса, а не самостоятельными преступлениями в классическом понимании [5, с. 118].

Другая проблема заключается в доказывании указанных признаков. Если факт разрешения спора или применения мер воздействия еще можно подтвердить показаниями свидетелей, оперативно-розыскными мероприятиями, то установление критериев «авторитет» и «лидерство» остается оценочным. Пленум требует в приговоре указывать, на основании каких признаков суд пришел к выводу о занятии лицом высшего положения [6]. Это требование не отменяет субъективизма при оценке тех же самых признаков. Необходима конкретизация на уровне судебной практики, возможно, с приведением примеров из кассационной практики Верховного Суда РФ [2; 3].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. N 16 [7] является важным этапом в формировании судебной практики по применению статьи 210.1 УК РФ [8]. Оно существенно конкретизирует признаки объективной стороны данного преступления, разграничивает смежные составы и устанавливает карательный режим для криминальных лидеров. Однако принятые разъяснения не снимают всех противоречий, связанных с самой концепцией ответственности за «преступное состояние» [1, с. 98]. Риски объективного вменения сохраняются, а эффективность применения статьи 210.1 УК РФ [8] будет напрямую зависеть от качества доказательственной базы по каждому конкретному уголовному делу и способности правоприменителя избегать расширительного толкования новых разъяснений [4, с. 56; 5, с. 120].

Библиографический список использованных источников

1. «Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. N 10. С. 90-99.
2. Верховный суд разъяснил, как распознать криминального авторитета [Электронный ресурс] // Парламентская газета. 21.05.2026. URL: <https://www.pnp.ru/social/verkhovnyy-sud-razyasnil-kak-raspoznat-kriminalnogo-avtoriteta.html> (дата обращения: 29.05.2026).
3. Выявление лидера в преступной иерархии и прочее: Пленум ВС РФ уточнил свои выводы по уголовным делам [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. 28.05.2026. URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/31659/> (дата обращения: 29.05.2026).
4. Додон И.С. Криминализация занятия высшего положения в преступной иерархии и проблемы правоприменения // Молодой ученый. 2025. N 32 (583). С. 54-56.
5. Морозов А.С., Сухаренко А.Н. Актуальные проблемы квалификации деяния, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ "Занятие высшего положения в преступной иерархии" (статья вторая) // Вестник Всероссийского института повышения

квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. N 1(67). С. 110-120.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 N 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» (ред. от 21.05.2026).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 N 16 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам».

8. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026).

УДК 343.3/.7

ОТГРАНИЧЕНИЕ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Павлова Валерия Антоновна,

студентка 3 курса
юридического факультета (специалитет),
ФБГОУ Российской государственной университет правосудия,
Центральный филиал г. Воронеж,
pavlovalera2005@yandex.ru

Распопова Виктория Олеговна,

студентка 3 курса
юридического факультета (специалитет),
ФБГОУ Российской государственной университет правосудия,
Центральный филиал г. Воронеж,
raspopova_05@list.ru

Научный руководитель:

Кулакова Н.Г.,

Доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент,
ФБГОУ Российской государственной университет правосудия,
Центральный филиал г. Воронеж

Аннотация: Статья посвящена проблеме отграничения захвата заложника (ст. 206 УК РФ) от смежных составов преступлений, в частности от похищения человека (ст. 126 УК РФ), незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ) и террористического акта (ст. 205 УК РФ). Авторы анализируют объективные и субъективные признаки указанных деяний,

выделяя ключевые критерии разграничения: основной непосредственный объект, характер действий, а также основную цель преступления — понуждение государства, организации или гражданина к определённому поведению как условие освобождения заложника.

Ключевые слова: захват заложника, квалификация преступления, отграничение, общественная безопасность, похищение человека, смежные составы преступлений, террористический акт.

DISTINGUISHING THE TAKING OF HOSTAGES FROM RELATED CRIMES

Pavlova Valeriya Antonovna,

3rd year students

of the Faculty of Law (specialization),

FBGOU Russian State University of Justice,

Central branch in Voronezh,

pavlovalera2005@yandex.ru

Raspopova Viktoriya Olegovna,

3rd year students

of the Faculty of Law (specialization),

FBGOU Russian State University of Justice,

Central branch in Voronezh,

raspopova_05@list.ru

Scientific adviser:

Kulakova N.G.

Associate Professor of the Department of Criminal Law,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

FBGOU Russian State University of Justice,

Central branch in Voronezh

Abstract: The article is devoted to the problem of distinguishing hostage-taking (Article 206 of the Criminal Code of the Russian Federation) from related crimes, in particular from kidnapping (Article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation), illegal imprisonment (Article 127 of the Criminal Code of the Russian Federation), extortion (Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation), and a terrorist act (Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation). The authors analyze the objective and subjective features of these acts, highlighting the key criteria for distinguishing between them: the main immediate object, the nature of the actions, and the main purpose of the crime, which is to force a state, organization, or individual to engage in certain behavior as a condition for releasing a hostage.

Keywords: hostage-taking, crime classification, delineation, public safety, kidnapping, related crimes, terrorist act.

Захват заложников, характеризуется широким спектром проявлений – от незначительных до крупномасштабных, от умеренных до крайне жестоких. Независимо от этих параметров, он классифицируется как одно из наиболее серьезных нарушений общественной безопасности и порядка. Его последствия включают усиление социальной и национальной вражды, а также падение доверия. Это насильственное деяние, чьими потенциальными жертвами становятся лица, не имеющие прямого отношения к источнику конфликта [5, с. 74].

Объект преступления – это краеугольный камень в уголовном праве, особенно когда речь идет об Особенной части УК РФ. Он показывает, какое общественное благо нарушено и какая ответственность за это предусмотрена. Применительно к захвату заложников (ст. 206 УК РФ), это преступление посягает на общественные отношения, направленные на обеспечение общественной безопасности [8].

Согласно ч. 1 ст. 206 УК РФ, преступление совершается путем активных действий. Это может быть либо сам захват человека, либо его последующее удержание против воли. Данный состав преступления является формальным - оно считается оконченным с момента реального лишения потерпевшего свободы передвижения, независимо от того, как долго он находился в таком состоянии и наступили ли какие-либо дополнительные негативные последствия.

Лопина М.В. под захватом описывает противоправное насильственное ограничение свободы передвижения человека, которое может совершаться открыто или тайно [4, с. 116]. А.М. Горшкова считает, что захват — это насильственное умышленное ограничение свободы заложника, которое может быть совершено и по ошибке. Таким образом, Горшкова расширяет определение Лопиной, включая в него как умысел, так и возможность фактической ошибки при захвате [1, с. 214].

Удержание трактуется как насильственное воспрепятствование возвращению лицу свободы, то есть создание препятствий для оставления заложником определенного места нахождения. Таким образом, оба деяния носят насильственный характер и посягают на личную свободу как на дополнительный непосредственный объект.

Субъективная сторона данного деяния проявляется в прямом умысле. Виновный осознает, что его действия по захвату или удержанию человека в качестве заложника представляют общественную опасность, и сознательно желает их осуществить.

Чтобы избежать проблем с квалификацией, когда захват заложника сопряжен с другими преступлениями, необходимо провести анализ и выделить его основные составляющие.

Основной непосредственный объект, на который направлено преступление, является первым признаком, помогающим отличить одно преступление от другого. Захват заложника посягает на общественную безопасность (гл. 24), что предопределяет его повышенную общественную

опасность, так как нарушаются не только частные интересы, но и основы общественного порядка. Похищение человека и незаконное лишение свободы (гл. 17) посягают исключительно на личную свободу как частное благо. Вымогательство (гл. 21) направлено против отношений собственности.

В объективной стороне: захват заложника, в отличие от похищения человека, как правило, совершается открыто, демонстративно, с расчётом на привлечение внимания властей и общественности. Виновные стремятся придать своим требованиям максимальную огласку, поскольку именно психологическое давление на адресата (государство, организацию, близких заложника) является способом достижения преступной цели. Похищение же чаще всего носит тайный характер; преступники, напротив, принимают меры к сокрытию факта удержания похищенного.

Так, в кассационном определении Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 23 марта 2023 года №223-УД23-5-А6 Степанов В. Л. был осуждён за захват заложника по п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ. По данным дела, Степанов удерживал заложницу и через запертую дверь сообщил сотрудникам полиции, что захватил женщину в качестве заложника. Он выдвинул требования как условие её освобождения: чтобы никто не подходил к дверям комнаты; чтобы была организована его встреча с ранее знакомым ему сотрудником полиции. При этом Степанов угрожал убить заложницу, если его требования не будут выполнены [3].

Судебная практика, представленная в данном примере, подтверждает, что в большинстве случаев местонахождение заложников известно. Более того, в данном конкретном случае, лицо, совершившее преступление, самостоятельно сообщило правоохранителям, где удерживаются заложники.

Центральным элементом разграничения выступает субъективная сторона, а именно цель преступления. В соответствии с диспозицией ст. 206 УК РФ, деяние совершается «в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения

какого-либо действия как условия освобождения заложника». Эта специфическая цель — понуждение третьего лица — отсутствует в составах похищения человека и незаконного лишения свободы. Если виновный захватывает или удерживает жертву исключительно из мести, ревности или для последующей расправы, не выдвигая требований вовне, основания для вменения ст. 206 отсутствуют. Таким образом, наличие либо отсутствие требования к адресату, не совпадающему с заложником, является главным дифференцирующим признаком.

Квалификация вымогательства (ст. 163 УК РФ) и захвата заложника – сложный вопрос в современном уголовном праве. Оба преступления могут включать имущественные требования с насилием или угрозами, а их объективные стороны могут совпадать. Ключевым критерием для их разграничения является направленность умысла виновного и его конечная цель, а не просто формальный набор действий.

Основное отличие вымогательства от захвата заложника заключается в их целях. Вымогательство – это преступление с корыстной подоплекой, направленное на незаконное присвоение чужого имущества или получение имущественной выгоды. Захват же заложника, даже если он сопровождается финансовыми требованиями, в первую очередь ставит под угрозу общественную безопасность. Главная задача преступника в данном случае – не обогатиться, а заставить государство, организацию или частное лицо выполнить его условия, которые могут иметь политический, экстремистский, корыстный или иной характер. При захвате заложника выполнение требований является лишь условием для его освобождения.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 N 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» вымогательство является окончанным преступлением с момента, когда предъявленное требование, соединенное с указанной в части 1 статьи 163 УК РФ угрозой, доведено до сведения

потерпевшего. Невыполнение потерпевшим этого требования не влияет на юридическую оценку содеянного как оконченного преступления [7]. Что касается захвата заложника, то К.П. Анциферов полагает, что для признания захвата заложника оконченным необходимо не только лишение свободы, но и само предъявление требований, так как именно этот момент придает деянию характер понуждения, составляющий его суть. Сторонники этого подхода отмечают, что до момента озвучивания требований невозможно определить, с какой целью был захвачен человек — для последующего вымогательства, похищения или иных целей. А, например, В.Л. Кудрявцев придерживается буквального толкования закона и считают достаточным сам факт захвата или удержания.

Также стоит разграничить террористический акт (ст. 205 УК РФ) от захвата заложника. При террористическом акте страдает неопределенно широкий круг лиц (население). Требования преступников, как правило, адресованы органам власти или международным организациям. При захвате заложника жертва всегда строго определена и индивидуализирована (конкретный заложник). Требования же могут предъявляться как государству или организациям, так и конкретным гражданам (например, родственникам заложника).

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 09.02.2012 N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» четко указывает, что обязательным признаком именно террористического акта (ст. 205 УК РФ) является указанная выше специальная цель — дестабилизация деятельности органов власти или воздействие на принятие ими решений [6]. Целью захвата заложника является понуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения как условия освобождения заложника. Эта цель также обязательна, но она носит инструментальный характер: заложник — это средство для достижения результата (ст. 206 УК РФ).

По мнению Р.М. Жирова, юридическая наука уже затрагивала вопрос о разграничении похищения человека и захвата заложника, но многие его стороны остались без должного внимания. Ученый считает, что основная трудность заключается в нечетких законодательных формулировках, которые делают составы этих преступлений практически неотличимыми друг от друга [2, с. 128].

По данной теме можно выделить ряд проблем:

1. Одной из наиболее острых проблем в правоприменительной практике является разграничение захвата заложника (ст. 206 УК РФ) и похищения человека (ст. 126 УК РФ). Ключевой момент — наличие цели оказать давление на третьих лиц. Однако, когда требования не озвучиваются открыто или направлены на самого потерпевшего, этот признак теряет свою определенность. Не менее сложным является отграничение от террористического акта (ст. 205 УК РФ), когда захват заложника выступает лишь инструментом для достижения террористических целей.

Решение данной проблемы требует внесения ясности в часть 1 статьи 206 УК РФ, а именно – подчеркнуть, что основная цель захвата или удержания заложника заключается в принуждении третьих лиц (не являющихся заложниками) к совершению или несовершению определенных действий. Также можно дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 положением, исключающим применение статьи 206 УК РФ к случаям, когда требования обращены к самому потерпевшему и касаются его личных действий. В таких ситуациях деяние следует рассматривать как незаконное лишение свободы, вымогательство или самоуправство.

2. Статья 206 Уголовного кодекса Российской Федерации определяет «применение насилия, опасного для жизни или здоровья» как квалифицирующий признак. Вместе с тем, возникают проблемы с квалификацией насилия, примененного во время удержания, если оно не было запланировано виновным. Это относится, например, к случаям, когда вред

здоровью причиняется по неосторожности или в ответ на попытку заложника сбежать.

Для надлежащего разрешения данной ситуации Пленуму Верховного Суда Российской Федерации следует дать разъяснение о том, что вред здоровью, независимо от степени его тяжести, причиненный в ходе захвата или удержания лица, если он служил средством подавления воли потерпевшего, полностью подпадает под действие статьи 206 УК РФ. Дополнительная квалификация может потребоваться исключительно в случаях умышленного причинения вреда, не обусловленного фактом удержания (например, совершенного из мести).

3. Как уже указывалось выше, отсутствует единообразный подход к определению момента окончания захвата заложника.

Представляется необходимым на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ закрепить, что состав захвата заложника признаётся оконченным с момента начала захвата или удержания лица в качестве заложника, однако цель понуждения должна быть установлена на основании совокупности доказательств, включая предшествующее поведение виновного, характер его подготовительных действий, высказывания в адрес потерпевшего и иные фактические обстоятельства.

4. Проблема отграничения захвата заложника от террористического акта, совершаемого путём захвата заложников. Действующее законодательство и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 проводят разграничение по целевому признаку. Однако в реальной жизни захват заложников иногда используется для совершения терактов, а требования носят политический характер, направлены на дестабилизацию обстановки в стране. В таких случаях оба целевых признака присутствуют одновременно, что создаёт неопределённость: подлежит ли содеянное квалификации по совокупности ст. 205 и 206 УК РФ или же одна из статей охватывает все признаки содеянного.

В целях устранения указанной неопределённости Пленуму Верховного Суда РФ надлежит разъяснить, что, если захват заложника является способом

совершения террористического акта и преследует цель дестабилизации деятельности органов власти, содеянное полностью охватывается ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 206 УК РФ не требует. Одновременно в Постановлении Пленума от 09.02.2012 № 1 целесообразно конкретизировать, что совокупность ст. 205 и 206 УК РФ возможна лишь в случаях, когда после совершения террористического акта виновные дополнительно осуществляют захват заложников, преследуя самостоятельную цель, не связанную с первоначальным террористическим посягательством.

5. Также отсутствует единое постановление Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации захвата заложника. Принятие специализированного Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о захвате заложника» является наиболее подходящей мерой, направленной на устранение выявленных проблем.

Анализ показал, что главные проблемы в разграничении захвата заложника и смежных преступлений связаны с неопределенностью цели принуждения, отсутствием четкого определения похищения человека в законе и недостаточной ясностью разъяснений Верховного Суда. Решение этих вопросов требует системного улучшения законодательства и принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ, которое бы комплексно регулировало квалификацию.

Таким образом, к наиболее острым проблемам отграничения захвата заложника от смежных составов относятся неопределённость цели понуждения и адресата требований, отсутствие легального определения похищения человека, противоречия в оценке момента окончания преступления и квалификации сопутствующего насилия. Их разрешение требует принятие единого постановления Пленума Верховного Суда РФ, систематизирующего все критерии разграничения и правила квалификации.

Библиографический список использованных источников

1. Горшкова А. М. К вопросу об уголовно-правовой характеристике объективных

и субъективных признаков захвата заложника / А. М. Горшкова // Молодой ученый. — 2022. — № 50 (445). — С. 213–216.

2. Жиров Р. М. Похищение человека и захват заложника: проблемы разграничения // Закон и право. - 2022. - № 4. - С. 127–129.

3. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 23.03.2023 № 223-УД23-5-А6 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=754601> (дата обращения: 28.04.2026).

4. Лопина М. В. Уголовно-правовая характеристика захвата заложников / М.В. Лопина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 8 (58), ч. 2. — С. 115–118.

5. Наумов А. В. [и др.] Преступления против общественной безопасности и общественного порядка: учебное пособие для вузов / А. В. Наумов [и др.]; ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 141 с.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

8. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63–ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954.

УДК 343.224

**СНИЖЕНИЕ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДО 12
ЛЕТ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
АКСЕЛERAЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ**

Саперова Елена Викторовна,

Студентка 3 курса Института прокуратуры

ФГБОУ ВО «СГЮА»,

г. Саратов, Россия,

elenasaperova@yandex.ru

Сарыглар Долгармаа Эресовна,

Студентка 3 курса Института прокуратуры

ФГБОУ ВО «СГЮА»,

г. Саратов, Россия,

ddrinwest@mail.ru

Аннотация: статья посвящена проблеме снижения минимального возраста уголовной ответственности в Российской Федерации в контексте стремительного развития информационно-коммуникационных технологий и их влияния на когнитивное развитие подрастающего поколения. На основании анализа статистических данных МВД России, зарубежного законодательного опыта (Китай, Англия, Швейцария), а также данных нейронаучных исследований обосновывается необходимость дифференцированного подхода к определению возрастного порога уголовной ответственности: снижения его до 12 лет для преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, при сохранении действующих границ для иных категорий деяний. Рассматривается феномен вовлечения

несовершеннолетних в киберпреступную деятельность и проблема использования детей как инструмента совершения преступлений в цифровой среде.

Ключевые слова: акселерация, возраст уголовной ответственности, информационно-коммуникационные технологии, киберпреступность, несовершеннолетние, цифровая трансформация, ювенальная юстиция, *doli incarsaх*.

LOWERING THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY TO 12 YEARS IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY: CRIMINOLOGICAL, PSYCHOLOGICAL AND LEGAL ASPECTS OF ACCELERATING THE DEVELOPMENT OF A NEW GENERATION

Saperova Elena Viktorovna,

Third year student of Institute of Public Prosecutor's Office

FGBOU VO «SSLA»,

the city of Saratov, Russia,

elenasaperova@yandex.ru

Saryglar Dolgarmaa Eresovna,

Third year student of Institute of Public Prosecutor's Office

FGBOU VO «SSLA»,

the city of Saratov, Russia,

ddrinwest@mail.ru

Annotation: The article is devoted to the problem of lowering the minimum age of criminal responsibility in the Russian Federation in the context of the rapid development of information and communication technologies and their impact on the cognitive development of the younger generation. Based on the analysis of statistical

data from the Ministry of Internal Affairs of Russia, foreign legislative experience (China, England, Switzerland), as well as data from neuroscientific research, the need for a differentiated approach to determining the age threshold of criminal responsibility is substantiated: reducing it to 12 years for crimes committed using information and telecommunications technologies, while maintaining existing boundaries for other categories of acts. The article examines the phenomenon of minors' involvement in cybercrime and the problem of using children as a tool for committing crimes in the digital environment.

Keywords: age of criminal responsibility, acceleration, cybercrime, digital transformation, *doli incapax*, information and communication technologies, juvenile justice, minors.

Вопрос о минимальном возрасте уголовной ответственности (далее – МВУО) принадлежит к числу фундаментальных проблем уголовного права, находящихся на пересечении юриспруденции, возрастной психологии и криминологии. В российской правовой доктрине дискуссия о целесообразности пересмотра возрастных рубежей ведётся не первое десятилетие: ещё в 2012 г. группой депутатов Государственной Думы был инициирован законопроект, предполагавший снижение нижней границы уголовной ответственности до 12 лет за совершение тяжких и особо тяжких преступлений [4]. Тогда инициатива не получила поддержки – противники ссылались на незрелость психики двенадцатилетних и отсутствие эмпирических данных, подтверждающих массовое совершение общественно опасных деяний лицами столь юного возраста. Однако за прошедшие полтора десятилетия криминологический ландшафт подростковой преступности претерпел качественную трансформацию, обусловленную процессами цифровизации всех сфер жизни общества.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 20 устанавливает общий возраст привлечения к уголовной ответственности с 16 лет,

одновременно допуская его снижение до 14 лет за исчерпывающий перечень составов: убийство (ст. 105), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111), кражу (ст. 158), разбой (ст. 162), террористический акт (ст. 205) и ряд других [9]. Как справедливо отмечает Н.М. Хромова, «при установлении возраста уголовной ответственности в первую очередь в расчёт были приняты этапы формирования и социализации личности» [12]. Вместе с тем указанный перечень формировался в эпоху, когда понятие «преступление в сфере компьютерной информации» ещё не существовало в качестве самостоятельной уголовно-правовой категории. Современная криминологическая картина принципиально отличается от той, что была положена в основу действующей модели.

Согласно официальным данным МВД России за 2025 г., почти каждое третье преступление, совершённое подростками, было сопряжено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий — их доля составила 30,4%, а прирост за год достиг 14,1%, выразившись в 8,8 тысячи зарегистрированных деяний [8]. Ещё более впечатляющей выглядит динамика в ретроспективе: за период с 2020 по 2023 г. количество ИТ-преступлений, совершённых несовершеннолетними, увеличилось с 54 случаев до более чем 4 000, то есть приблизительно в 74 раза [11]. Параллельно нарастает виктимизация детей в цифровом пространстве: по данным Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России, за первые девять месяцев 2025 г. число несовершеннолетних, пострадавших от киберпреступлений, выросло на 120% [5]. Таким образом, дети и подростки всё чаще оказываются одновременно и субъектами, и жертвами противоправной деятельности в цифровой среде, что порождает уникальную криминологическую ситуацию, требующую системного законодательного реагирования.

Качественная сторона подростковых правонарушений в сфере ИКТ заслуживает особого аналитического внимания. По экспертным оценкам, около

десяти процентов лиц, совершающих киберпреступления в России, составляют подростки в возрасте 14–15 лет [6]. При этом, как отмечают специалисты в области информационной безопасности, порог входа в киберпреступную деятельность чрезвычайно низок: готовые инструменты и пошаговые инструкции по организации кибератак свободно циркулируют в мессенджерах и на теневых площадках. Это свидетельствует о том, что технические компетенции, достаточные для совершения серьёзных правонарушений в цифровой среде, формируются у значительного числа подростков существенно раньше достижения ими возрастного порога, закреплённого в действующем уголовном законодательстве. Изложенные данные делают неизбежным вопрос: насколько адекватно сконструированная в доцифровую эпоху модель возрастных рубежей отражает реалии сегодняшнего дня?

Проблема ювенальной киберпреступности имеет глобальное измерение. По данным Управления комиссара по информации Великобритании (ICO), из 215 инцидентов утечек данных в образовательных учреждениях за 2022–2024 гг. свыше половины были спровоцированы самими учащимися, а в случаях хищения учётных данных доля виновных среди школьников достигла 97% [3]. Ещё более показательным является дело Ариона Куртажа – участника хакерской группы Lapsus\$, впервые арестованного в январе 2022 г. в шестнадцатилетнем возрасте. К моменту задержания он успел осуществить проникновение в информационные системы Uber, Nvidia, Revolut и Rockstar Games и попытался вымогать денежные средства у телекоммуникационной компании EE. Британский суд признал его виновным по двенадцати эпизодам [16]. В феврале 2026 г. Europol обнародовал результаты операции «Project Compass», завершившейся арестом 30 участников сетевого сообщества «The Com» – децентрализованной группировки, целенаправленно вербовавшей несовершеннолетних для организации кибератак и вымогательства [18]. Все перечисленные случаи объединяет одно: лица, совершающие технологически сложные преступления со значительными последствиями, зачастую не достигли

возраста уголовной ответственности, установленного большинством юрисдикций.

Сравнительно-правовой анализ подходов зарубежных государств к определению МВУО позволяет обнаружить как полезные модели, так и предостерегающие примеры. Англия и Уэльс устанавливают один из наиболее низких в Европе порогов ответственности – 10 лет. Ключевым моментом эволюции английского подхода стала отмена в 1998 году доктрины *doli incapax* – презумпции неспособности ребёнка 10–13 лет осознавать противоправный характер своего поведения. К. Фитц-Гиббон, проведя эмпирическое исследование на основе 38 интервью с практиками английской системы уголовной юстиции (судьями, адвокатами, солиситорами), пришла к выводу, что действующее право Англии и Уэльса представляет собой «один из наиболее карательных подходов к малолетним детям, столкнувшимся с законом» (*one of the most punitive approaches to very young children in trouble with the law*). Более двух третей опрошенных ею практиков сочли возраст ответственности в 10 лет чрезмерно низким, а отмену *doli incapax* – мерой, ведущей к избыточной криминализации детей [17]. Для целей нашего анализа английский опыт показателен в двух отношениях: во-первых, он доказывает принципиальную реализуемость низкого МВУО в рамках развитой правовой системы; во-вторых, он выявляет риски, возникающие при отсутствии компенсирующих механизмов – системы диверсии, альтернативных мер воздействия и обязательной оценки индивидуальной зрелости несовершеннолетнего.

Наибольший интерес для обоснования дифференцированного подхода представляет законодательный опыт Китайской Народной Республики. В декабре 2020 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял Поправку XI к Уголовному кодексу КНР. Результатом стало формирование трёхуровневой модели МВУО: 12 лет (для составов умышленного убийства и тяжкого причинения вреда здоровью, совершённых с особой жестокостью, при условии санкции Верховной народной прокуратуры),

14 лет (для восьми категорий тяжких преступлений) и 16 лет в качестве общего порога [13]. Исследователь А. Вонг, анализируя китайский опыт, приходит к заключению, что снижение МВУО может быть оправдано как необходимая мера реагирования на серьёзные преступления, совершаемые детьми, однако предпочтительной является модель, в которой относительно низкий возрастной порог сочетается с механизмом *doli incarsa*, защитой незрелости развития и развёрнутой системой альтернатив наказанию [22]. Полагаем, что китайская модель демонстрирует практическую реализуемость дифференцированного подхода, хотя критерий дифференциации, избранный КНР – тяжесть деяния, представляется не единственно возможным и далеко не бесспорным.

Швейцария устанавливает МВУО также с 10 лет, однако принципиально отличается от Англии своей правовой философией. Федеральный закон о правовом положении несовершеннолетних (DPMin, 2007) провозглашает целью ювенального уголовного права не кару, а защиту и воспитание ребёнка. Максимальный срок лишения свободы для лиц до 15 лет составляет один год, для 16–17-летних – четыре года за тяжкие преступления, при этом преобладают меры воспитательного характера: надзор, личная помощь, амбулаторное лечение, помещение в воспитательное учреждение [10]. Швейцарский пример убедительно опровергает тезис о том, что снижение МВУО неизбежно влечёт за собой карательную направленность уголовной политики в отношении детей. Напротив, ранний возрастной порог позволяет раньше включить ребёнка в систему коррекционно-воспитательного воздействия, предотвращая эскалацию девиантного поведения. Именно этот принцип видится ключевым при формулировании предложений о модификации российской модели МВУО.

Нейронаучное обоснование дифференцированного подхода к МВУО строится на модели двойных систем (Dual Systems Model), сформулированной Л. Стейнбергом и развитой группой Б. Дж. Кейси. Суть этой концепции состоит в том, что повышенная склонность подростков к рискованному поведению объясняется асинхронным созреванием двух нейрональных систем.

Социоэмоциональная система, ответственная за поиск вознаграждений и обработку социальных стимулов, созревает существенно раньше, нежели система когнитивного контроля, обеспечивающая планирование, оценку последствий и торможение импульсов [21]. Согласно данным исследования, опубликованного в *Frontiers in Psychology*, когнитивные способности к обработке информации, ассоциированные с функционированием префронтальной коры, достигают достаточного уровня зрелости приблизительно к 16 годам, тогда как механизмы координации аффекта и когниции завершают формирование значительно позднее [20]. Этот нейронаучный факт порождает парадокс, имеющий прямое значение для рассматриваемой проблемы: он традиционно используется в качестве аргумента против снижения МВУО, однако при более детальном анализе приводит к иному заключению.

Результаты масштабного обзора, опубликованного в журнале *Children (MDPI)* в 2024 г. и охватившего более 157 рецензированных исследований за период 2001–2024 г., свидетельствуют о том, что интенсивное использование цифровых устройств усиливает у детей способности к многозадачности и обработке информации, хотя и несёт сопутствующие риски когнитивной перегрузки [15]. Российские исследователи также фиксируют ускоренное формирование цифровых компетенций: по данным Г.В. Солдатовой и её коллег, сензитивным периодом критичного освоения интернет-пространства является возраст 11–13 лет, когда цифровая компетентность развивается параллельно с функциями программирования и контроля [7]. Складывается парадокс цифровой акселерации: двенадцатилетний ребёнок наших дней обладает операционной структурой 5 мышления в сфере информационных технологий, сопоставимой с той, которой располагал шестнадцатилетний подросток двадцатилетней давности. Он способен спланировать и реализовать сложную последовательность действий – от создания фишингового ресурса до организации DDoS-атаки, при этом его способность к моральной рефлексии,

эмоциональной саморегуляции и оценке долгосрочных последствий остаётся на уровне, соответствующем его биологическому возрасту.

Именно указанный разрыв между когнитивными возможностями в цифровой сфере и психосоциальной зрелостью обосновывает предлагаемый дифференцированный подход. В той области, где когнитивные компетенции ребёнка достаточны для осознания характера деяния – а применительно к ИКТ-преступлениям это именно так, возрастной порог ответственности может быть снижен. В сферах же, где определяющую роль играет психосоциальная зрелость — бытовое насилие, преступления, совершаемые под воздействием аффекта, он должен оставаться на прежнем уровне. Подобная логика, как представляется, в значительно большей степени соответствует реальной картине когнитивного развития современных детей, нежели унифицированная модель возрастного порога.

Отдельную и, пожалуй, наиболее тревожную грань проблемы составляет целенаправленное использование несовершеннолетних в качестве инструмента совершения преступлений взрослыми. Этот феномен порождает правовую лакуну: ребёнок, формально не достигший возраста ответственности, выполняет функцию непосредственного исполнителя преступного замысла, тогда как организатор остаётся неуязвимым ввиду сложности доказывания его руководящей роли. Как показывают исследования, посвящённые проблеме дропперства – вовлечения подростков в обналичивание похищенных денежных средств, данный процесс активно используется для удлинения мошеннических цепочек и затруднения работы правоохранительных органов по установлению конечных бенефициаров [14]. В теневом сегменте интернета и в мессенджерах размещаются предложения «лёгкого заработка», адресованные подросткам, которых впоследствии вовлекают в схемы обналичивания и транзита преступных средств.

Механизм рекрутинга детей в киберпреступность через игровые платформы детально описан в исследовании, опубликованном порталом Help Net

Security. Процесс начинается с интеграции ребёнка в игровое сообщество, формирующее доверие и снижающее психологическую настороженность. Затем молодой пользователь перемещается из открытых чатов в приватные каналы, где ему передаются задания и инструментарий. По свидетельствам бывших участников подобных схем, многие рекруты младшего подросткового возраста не осознают противоправности своих первых действий [19]. Проблема усугубляется тем, что граница между «жертвой вовлечения» и «самостоятельным исполнителем» в таких случаях оказывается размытой: подросток, изначально завербованный взрослым, со временем может начать действовать автономно, наращивая криминальные навыки и совершая преступления по собственной инициативе. Действующее российское законодательство не располагает адекватными инструментами реагирования на эту ситуацию, если правонарушитель не достиг четырнадцати или шестнадцати лет – в зависимости от квалификации деяния.

Снижение МВУО до 12 лет для ИКТ-преступлений в данном контексте преследует не столько карательную, сколько превентивную задачу: оно создаёт юридическую основу для включения несовершеннолетнего в поле зрения системы ювенальной юстиции и применения к нему мер воспитательного характера до того, как его криминальная траектория приобретёт необратимый характер. Белякова И.М. и Ложкова И.А. обоснованно указывают на то, что систематические отказы в возбуждении уголовных дел в отношении лиц, не достигших установленного возраста ответственности, имеют прямым следствием совершение ими повторных, нередко более тяжких деяний [1]. Аналогичную позицию занимают и другие исследователи: А.М. Бычкова, анализируя общественную опасность деяний малолетних, констатирует, что «несмотря на подобную жестокость, эти общественно опасные деяния не столь распространены среди малолетних» применительно к насильственным преступлениям, однако отмечает неуклонный рост иных форм

правонарушающего поведения детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста [2].

На основании проведённого анализа представляется обоснованным предложить внесение изменений в ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающих введение трёхуровневой модели МВУО. Первый уровень 12 лет – для преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, включая неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), а также иные составы, способ совершения которых предполагает использование ИКТ. Второй уровень 14 лет – для перечня деяний, установленного ч. 2 ст. 20 действующего УК РФ. Третий уровень 16 лет – в качестве общего возраста уголовной ответственности. Данная модель структурно созвучна китайской трёхуровневой системе, однако принципиально отличается от неё критерием дифференциации: не тяжесть деяния как таковая, а способ его совершения – с использованием ИКТ. Выбор подобного критерия основывается на установленной нейронаучными исследованиями закономерности: именно в сфере обработки цифровой информации когнитивные способности детей развиваются опережающими темпами.

Библиографический список использованной литературы

1. Белякова И.М., Ложкова И.А. Снижение возраста уголовной ответственности несовершеннолетних как фактор риска для гражданского общества в России // Эпоха науки. 2018. №14. С. 23-27.
2. Бычкова А.М. Законопроект о снижении возраста уголовной ответственности до двенадцати лет в свете анализа реальной общественной опасности деяний малолетних // Известия БГУ. 2012. №2. С. 167-171.

3. Внутренние угрозы в отношении учащихся приводят к росту числа кибератак в школах // Управления комиссара по информации Великобритании (ICO). URL: <https://goo.su/kgiUOw> (дата обращения: 01.05.2026).
4. Законопроект о снижении возраста уголовной ответственности внесут в ГД // РИА Новости. URL: <https://clck.ru/3TRRg3> (дата обращения: 01.05.2026).
5. МВД рассказало о росте числа детей, пострадавших от киберпреступлений // РИА Новости. URL: <https://clck.ru/3TRRuk> (дата обращения: 01.05.2026).
6. Россия – одна из стран с очень высоким уровнем киберугроз. Но до полиции доходит меньше половины преступлений и только четверть из них раскрывают // Если быть точным. URL: <https://clck.ru/3TRS2P> (дата обращения: 01.05.2026).
7. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие. М.: 2022. 356 с.
8. Степунин К. МВД: Почти треть преступлений подростков совершены с использованием IT-технологий // Парламентская газета. URL: <https://clck.ru/3TRRqF> (дата обращения: 01.05.2026).
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2026. – № 15. – Ст. 1867.
10. Федеральный закон, регулирующий уголовно-правовое положение несовершеннолетних (Droit pénal des mineurs, DPMin) от 20 июня 2003 г. // Fedlex. URL: <https://clck.ru/3TRUu6> (дата обращения: 01.05.2026).
11. Фролова М. Опасные игры: в России выросло число совершенных детьми киберпреступлений // Известия. URL: <https://clck.ru/3TRRsC> (дата обращения: 01.05.2026).
12. Хромова Н.М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал российского права. 2018. №4 (256). С. 96-109.

13. Чжан Ц. Последние прогрессивные изменения в уголовном законодательстве Китая: анализ поправок к Уголовному кодексу КНР // Современное право. 2024. № 10. С. 125-129.
14. Шевченко А.А. Способы вовлечения несовершеннолетних в дропперство // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. №3 (107). С. 179-186.
15. Clemente-Suárez VJ, Beltrán-Velasco AI, Herrero-Roldán S, et al. Digital Device Usage and Childhood Cognitive Development: Exploring Effects on Cognitive Abilities. *Children (Basel)*. 2024. Vol. 11(11). P. 1299.
16. Court finds autistic members of LAPSUS\$ gang responsible for GTA 6 hack and other high-profile breaches // Bitdefender. URL: <https://clck.ru/3TRU2N> (дата обращения: 01.05.2026).
17. Fitz-Gibbon K. Protections for children before the law: An empirical analysis of the age of criminal responsibility, the abolition of doli incapax and the merits of a developmental immaturity defence in England and Wales // *Criminology & Criminal Justice*. 2016. Vol. 16(4). P. 391–409.
18. Gatlan S. Europol-led crackdown on The Com hackers leads to 30 arrests // Bleeping Computer. URL: <https://clck.ru/3TRU96> (дата обращения: 01.05.2026).
19. Markovic S. Cybercriminals speak the language young people trust // Help Net Security. URL: <https://clck.ru/3TRVUk> (дата обращения: 01.05.2026).
20. Mercurio E, García-López E, Morales-Quintero LA, Llamas NE, Marinaro JÁ and Muñoz JM. Adolescent Brain Development and Progressive Legal Responsibility in the Latin American Context // *Front. Psychol.* 2020. Vol. 11. P. 627.
21. Steinberg L. A dual systems model of adolescent risk-taking // *Developmental Psychobiology*. 2010. Vol. 52(3). P. 216–224.
22. Wong A.H.L. Can lowering the minimum age of criminal responsibility be justified? A critical review of China's recent amendment // *The Howard Journal of Crime and Justice*. 2024. Vol. 63. P. 3–21.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343

ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ: ДОСТИЖЕНИЕ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ИЛИ ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО УКЛОНА?

Байбикова Вероника Альбертовна,

Студент 2 курса

Тульский Государственный университет,

г. Тула, Россия,

veronikabaibikova@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена анализу института дознания в сокращенной форме. На основе статистики, судебной практики и научных позиций выявляются проблемы: нестабильность процедуры из-за права отказа, жесткая привязка к квалификации, декларативность упрощенного доказывания. Рассматриваются варианты реформирования. Делается вывод, что сокращенное дознание не обеспечивает баланса публичных и частных интересов, создавая условия для обвинительного уклона.

Ключевые слова: дознание, доказательства, обвинительный уклон, правовая квалификация, сокращенная форма, уголовный процесс, упрощенное производство, УПК РФ.

INVESTIGATION IN ABBREVIATED FORM: ACHIEVEMENT OF THE PURPOSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS OR LEGALIZATION OF THE ACCUSATORY BIAS?

Baybikova Veronika Albertovna,

second year student

Tula State University,

the city of Tula, Russia,

veronikabaibikova@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the institution of investigation in abbreviated form. Based on statistics, judicial practice and scientific positions, the problems are identified: instability of the procedure due to the right to refuse, strict reference to qualification at the time of case initiation, declarative nature of simplified proof. Options for reform are considered. It is concluded that abbreviated investigation does not ensure a balance of public and private interests, creating conditions for the accusatory bias.

Keywords: abbreviated form, accusatory bias, criminal procedure, evidence, investigation, legal qualification, simplified procedure, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Уже более десяти лет в уголовном процессе России существует дознание в сокращённой форме, но единства мнений о нём нет ни среди практиков, ни в научных кругах. Имплементация данного института в 2013 году посредством Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ и главы 32.1 УПК РФ задумывалась как магистральное направление упрощения процесса, позволяющее варьировать процедуру расследования в зависимости от сложности конкретного дела [9][7]. Законодатель, вдохновлённый идеей процессуальной экономии, стремился создать механизм быстрого расследования очевидных преступлений небольшой и средней тяжести. Однако по прошествии более десяти лет практики нельзя с уверенностью констатировать, что замысел удался. Напротив, всё чаще учёные и практики высказывают мнение, что сокращённое дознание не уравнивает публичные и частные интересы, а придаёт легитимность обвинительному

уклону, превращаясь в орудие формального, а иногда и поверхностного расследования.

Целью данной работы выступает комплексный анализ института сокращённого дознания, оценка его результативности и выяснение того, насколько он соотнобразуется с назначением уголовного судопроизводства по ст. 6 УПК РФ либо, наоборот, формирует условия для нарушения фундаментальных гарантий прав и свобод участников [7].

Процедура сокращённого дознания урегулирована главой 32.1 УПК РФ. Ключевыми условиями её запуска являются: возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица; признание подозреваемым вины, размера и характера вреда, а также его согласие с правовой квалификацией, приведённой в постановлении о возбуждении дела; отсутствие обстоятельств, перечисленных в ст. 226.1 и 226.2 УПК РФ [7].

Несмотря на привлекательные стороны – сжатые сроки (15 суток, продлеваемые до 20) и редуцированный объём доказывания (ст. 226.5 УПК РФ) – цифры рисуют противоположную картину [7]. Н.М. Журавлева, исследовав показатели работы дознавателей за 2018–2022 годы, обнажает тревожный тренд: если в 2018 году сокращённый порядок применялся в 7,8% случаев, то к 2022 году его доля снизилась до 4,5% [4, с. 1-2]. Причинами такой отрицательной динамики автор считает не только недобросовестное использование прав участниками, но и изъяны законодательной конструкции. Это опровергает тезис о повсеместном внедрении формы и даёт основания говорить о её «псевдоупрощённом» характере [4, с. 2-4].

Одним из основных декларируемых плюсов сокращённого дознания выступает право не проверять доказательства, не оспоренные сторонами (ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ) [10, с. 62-63]. Однако на практике это положение не работает. Как точно отмечается в литературе, дознаватели вынуждены осуществлять расследование в полном объёме, «подстраховываясь» на случай вероятного возвращения дела прокурором или судом [5, с. 3].

Выделяются две основные причины такой перестраховки:

А) Требования надзорных органов. Прокуроры и суды зачастую настаивают на проведении всех необходимых следственных действий, не удовлетворяясь результатами доследственной проверки, полученными по ст. 144 УПК РФ [7];
Б) Угроза перехода к общему порядку. Так как подозреваемый (обвиняемый) или потерпевший в любой момент до удаления суда в совещательную комнату могут ходатайствовать о прекращении сокращённой формы (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ), дознаватель стремится собрать как можно больше доказательств, чтобы при возврате к общему порядку не начинать всё с нуля [7].

Таким образом, законодательная возможность ограничения следственных действий остаётся сугубо декларативной. Вместо упрощения процедуры складывается положение, при котором расследование в сжатые сроки фактически ведётся в полном масштабе, увеличивая нагрузку на дознавателей и повышая риски процессуальных нарушений.

Изучение практики позволяет вычлнить несколько проблем, указывающих, что сокращённое дознание формирует благоприятную среду для обвинительного уклона.

Первую проблему, генерирующую обвинительный уклон, можно обозначить как избыточную процессуальную гибкость, подрывающую стабильность результатов расследования. Н.С. Диденко и М.В. Лапатников обращают внимание, что право потерпевшего и подозреваемого в любой момент вплоть до удаления суда в совещательную комнату отказаться от процедуры (п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ) стало для дознавателя постоянной угрозой [3, с. 4-5][7]. Риск возврата дела прокурору по ст. 237 УПК РФ воспринимается как негативный показатель работы, понуждая органы дознания перестраховываться. Авторы ссылаются на наглядный пример – дело № 1-108/2014, где подсудимый на стадии прений заявил отказ от сокращённой формы, используя это как способ защиты, что повлекло возврат дела, несмотря на возражения гособвинителя [3, с. 5]. Н.М. Журавлева также подчёркивает, что норма ч. 3 ст.

226.3 УПК РФ противоречит ч. 1 ст. 223.6 УПК РФ, поскольку де-факто позволяет оспаривать форму уже после направления дела в суд. Это порождает правовую неопределённость и ставит результаты труда дознавателя в зависимость от процессуального поведения лица, изначально признавшего вину [4, с. 2]. Причём, по наблюдению Е.И. Поповой, сторона защиты нередко прибегает к тактике «мнимобесконфликтного поведения»: вначале подозреваемый соглашается с обвинением и просит о сокращённом порядке, надеясь на поверхностное расследование, а затем в суде, осознав слабость доказательств, он или потерпевший заявляет возражения. Суд в такой ситуации вынужден возвращать дело прокурору для дознания в общем порядке, что влечёт значительные временные затраты и, по сути, обнуляет весь объём выполненной дознавателем работы. Такой механизм, закреплённый в ч. 2 ст. 226.2 и ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ, превращает сокращённое дознание в «лотерею» для дознавателя, который не может быть уверен в исходе дела вплоть до приговора [7]. Это серьёзно дискредитирует саму идею ускоренного правосудия и является одним из главных факторов, сдерживающих применение данной формы [5, с. 2; 5, с. 64-65].

Вторая проблема, в которой обвинительный уклон проявляется не менее выпукло, сопряжена с жёстким требованием стабильности правовой оценки деяния, зафиксированной в постановлении о возбуждении дела (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ) [7]. Законодатель полагал, что сокращённая форма применима лишь к очевидным преступлениям, квалификация которых бесспорна с самого начала. Однако на практике это условие создаёт серьёзные препятствия. В ходе дознания нередко выясняются обстоятельства, требующие переквалификации (например, с ч. 1 ст. 158 УК РФ на п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ), но закон не содержит чёткой процедуры «корректировки» подозрения в рамках главы 32.1 УПК РФ [7]. По справедливому замечанию Н.М. Журавлевой, это условие изначально закладывает конфликт: дознаватель оказывается перед выбором – либо оставить ошибочную квалификацию (что усугубляет обвинительный уклон и грозит

судебной ошибкой), либо прекратить сокращённую форму и перейти к общему порядку, теряя время [4, с. 3-4]. Если же дознаватель всё-таки производит переквалификацию, формально нарушается условие неизменности правовой оценки, а подозреваемый получает право возразить, что влечёт прекращение сокращённой формы (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ) [7]. Даже если возражений не поступает, сохраняется правовая неопределённость, поскольку законодательно алгоритм действий на такой случай не прописан. В итоге дознаватели либо избегают изменения квалификации, либо действуют за пределами процедуры, рискуя получить санкцию в виде признания доказательств недопустимыми. Предлагаемая Н.М. Журавлевой корректировка п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ – наделение правом изменять квалификацию с согласия подозреваемого и при условии разъяснения ему прав – направлена на устранение этого дефекта, однако на сегодняшний день проблема не решена [4, с. 4-5].

Третья проблема – ослабление доказательственных стандартов. С.Б. Россинский обращает внимание на сущностное различие в построении дознания и следствия. Если предварительное следствие нацелено на детальную проработку обстоятельств и привлечение лица в качестве обвиняемого, что открывает стороне защиты возможность быть услышанной до окончания расследования, то дознание (в особенности сокращённое) действует по логике: быстро разобраться – выдвинуть обвинение – направить в суд [6, с. 7]. Однако, как демонстрируют Н.С. Диденко и М.В. Лапатников, в сокращённой форме эта логика даёт сбой из-за неопределённого статуса материалов доследственной проверки. На практике дознаватели вынуждены проводить расследование полноценно, дублируя действия, уже совершённые на этапе возбуждения дела, поскольку прокурор требует более широкого набора следственных мероприятий [3, с. 2-3].

В итоге сокращённое дознание превращается в формальную процедуру: бремя доказывания номинально снижено (ст. 226.5 УПК РФ допускает отказ от проверки неоспариваемых доказательств), но в реальности дознаватель

перегружен необходимостью собрать максимальный объём улик, чтобы «защитить» приговор от отмены [7]. Это приводит к тому, что достоинства упрощённой формы не реализуются, а присущие ей недостатки (отсутствие полноценной процедуры привлечения в качестве обвиняемого, сжатые сроки) сохраняются и подпитывают обвинительный уклон.

Анализ судебной практики даёт наглядное подтверждение тем техническим и процессуальным изъянам, с которыми сталкиваются суды при рассмотрении дел, прошедших через сокращённое дознание. Апелляционное постановление Верховного Суда Чувашской Республики от 11 ноября 2025 г. по делу № 22-1870/2025 и Апелляционное постановление Вологодского областного суда от 20 февраля 2025 г. по делу № 22-234/2025 показывают, что ошибки судов первой инстанции зачастую выходят за рамки элементарных опечаток [1][2].

В первом случае апелляции пришлось корректировать технический недочёт – в тексте приговора вместо фамилии подсудимого стояла фамилия государственного обвинителя. Хотя этот промах был сочтён несущественным, он свидетельствует о поспешности и формализме на этапе составления итоговых документов, типичных для ускоренных производств. Однако гораздо показательнее другое: суд первой инстанции в описательно-мотивировочной части ошибочно зафиксировал учёт отягчающих обстоятельств при их реальном отсутствии, а также сослался на ч. 2 ст. 62 УК РФ (правила назначения наказания при смягчающих обстоятельствах) вместо ч. 2 ст. 61 УК РФ (признание иных смягчающих обстоятельств) [7]. Эти ошибки, хотя и исправленные апелляцией, демонстрируют падение стандартов юридической техники в условиях «конвейерного» правосудия, когда судья лишён возможности полноценно исследовать доказательства. Формальное согласие обвиняемого с обвинением не освобождает суд от обязанности проверять хотя бы базовые логические и правовые конструкции приговора. Примечательно, что именно прокурор инициировал апелляционное представление по этим техническим дефектам, что

говорит о системном характере подобных явлений при рассмотрении дел в особом порядке [1].

Второе дело (в отношении С.А. Талеева) высвечивает более серьёзную проблему, касающуюся правил назначения наказания. Суд первой инстанции применил ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ и ч. 5 ст. 62 УК РФ, но при этом ошибочно учёл рецидив как отягчающее обстоятельство. Апелляционная инстанция поправила эту ошибку, разъяснив, что судимость, образующая рецидив, в данном составе выступает признаком субъекта преступления (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ) и потому не может повторно фигурировать в качестве отягчающего обстоятельства [2][7].

Этот пример иллюстрирует, насколько сложно применять уголовный и процессуальный закон в упрощённых процедурах, где суд, лишённый возможности полноценного исследования доказательств (ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ) [7], рискует допустить грубые ошибки в квалификации и определении меры наказания. Особого внимания заслуживает то, как апелляция подошла к установлению итогового срока наказания. Она констатировала, что из-за неверного учёта рецидива первая инстанция неправильно определила нижнюю границу. По правилам ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ наказание не могло превысить 6 месяцев (половина от максимального срока в 1 год). Апелляционный суд снизил срок с 7 до 5 месяцев, отклонив требование прокурора о 6 месяцах, и указал, что при отсутствии отягчающих и наличии смягчающих обстоятельств справедливым является именно 5-месячный срок. Это показывает, что апелляция не ограничивается механическим исправлением ошибки, а заново оценивает справедливость наказания, отчасти компенсируя дефекты рассмотрения в первой инстанции [2].

Кроме того, в том же деле обозначилась проблема оценки такого смягчающего обстоятельства, как активное содействие расследованию (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) [8]. Апелляция не усмотрела оснований для его признания, мотивировав это тем, что преступление совершено в условиях очевидности, а осуждённый не предоставил дознанию никакой новой, ранее неизвестной

информации. Данный вывод принципиален для теории сокращённого дознания: одно лишь согласие с обвинением и дача показаний, дублирующих уже собранные доказательства, не могут автоматически расцениваться как активное способствование. Иными словами, упрощённая процедура не должна вести к бездумному применению «стандартных» смягчающих обстоятельств вне анализа их реального содержания [2].

Оба этих дела подтверждают, что сокращённое дознание сопряжено с рисками технических ошибок и правовых просчётов (дела П.Г. Гаврилова и С.А. Талеева), а апелляционная инстанция, хотя и выправляет ошибки первой, не ликвидирует их корневых причин – дефицита времени и ограниченного исследования доказательств. Согласно ст. 6 УПК РФ, назначение уголовного судопроизводства заключается в защите прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а равно в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения [7]. Проведённый анализ позволяет утверждать, что институт сокращённого дознания реализует эту цель не в полной мере.

С одной стороны, он действительно даёт возможность быстрее завершить расследование очевидных преступлений и, по сути, является «легализацией» обвинительного уклона, где во главу угла ставится не всесторонность, а скорость и согласие обвиняемого. Подозреваемый, оказавшись перед фактом возбуждённого дела, часто вынужден соглашаться на упрощённый порядок из опасения более сурового наказания при общем порядке рассмотрения.

С другой стороны, избыточная процессуальная гибкость (право на отказ от процедуры) и отсутствие у дознавателя реальных рычагов для нейтрализации злоупотреблений со стороны защиты делают данную форму непривлекательной для правоприменителя. Вместо баланса интересов доминируют два негативных сценария: либо обвинительный уклон в виде поверхностного, формального расследования, либо срыв процедуры по инициативе защиты, что ведёт к затягиванию сроков и дополнительным издержкам [6, с. 2].

Разброс воззрений на пути развития института достаточно велик. Н.С. Диденко и М.В. Лапатников занимают радикальную позицию, полагая, что эксперимент 2013 года с сокращённым дознанием провалился, а сам институт следует упразднить [3, с. 7]. Они считают необходимой разработку новой упрощённой формы с чистого листа. С.Б. Россинский, наоборот, отстаивает самостоятельную природу дознания, рассматривая его не как упрощённое следствие, а как форму, основанную на оперативно-розыскной природе работы полиции. Вместе с тем он признаёт, что существующая модель (особенно ординарное дознание) сильно сближена со следствием, а сокращённая форма страдает от постепенного усложнения процессуальных требований [6, с. 5-6].

Н.М. Журавлева предлагает компромиссное решение: не отказываться от института, а скорректировать его, сняв жёсткую привязку к квалификации на момент возбуждения дела и уполномочив дознавателя изменять подозрение с обязательным уведомлением участников [4, с. 4]. Однако все авторы едины в том, что нынешняя конструкция главы 32.1 УПК РФ не обеспечивает надлежащего баланса между публичным интересом раскрытия преступления и частными интересами личности.

Среди описанных подходов наиболее аргументированной видится позиция Е.И. Поповой. В отличие от предложений ликвидировать институт или точно скорректировать отдельные нормы, она справедливо указывает на необходимость создания криминалистических методик, учитывающих специфику сокращённого дознания. Как верно отмечает автор, широко распространённое мнение о простоте этой формы ошибочно: именно нехватка у дознавателей тактического инструментария для работы в условиях мнимобесконфликтного поведения защиты приводит к тому, что изначально благоприятные ситуации заканчиваются возвращением дел и фактической дискредитацией института. Представляется, что необходимо не упразднение главы 32.1 УПК РФ, а её дополнение научно обоснованными методиками, позволяющими дознавателю формировать полноценную доказательственную

базу в сжатые сроки и сводить к минимуму риски, обусловленные нестабильностью процессуального поведения участников [5, с. 4].

Библиографический список использованных источников

1. Апелляционное постановление Верховного Суда Чувашской Республики от 11 ноября 2025 г. по делу № 22-1870/2025 // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
2. Апелляционное постановление Вологодского областного суда от 20 февраля 2025 г. по делу № 22-234/2025 // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
3. Диденко Н. С. Перспективы развития дознания в сокращенной форме как института отечественного уголовно-процессуального права / Н. С. Диденко, М. В. Лапатников // Философия права. – 2024. – № 2(109). – С. 1-9. – EDN UDDCBL.
4. Журавлева Н. М. О возможных последствиях изменения подозрения в условиях производства дознания в сокращенной форме / Н. М. Журавлева // Научный портал МВД России. – 2023. – № 3(63). – С. 1-7. – EDN SZDBPK.
5. Попова Е. И. Проблемные ситуации, возникающие при производстве дознания в сокращенной форме / Е. И. Попова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – Т. 27, № 2(81). – С. 118-122. – DOI 10.24412/1999-625X-2021-2-118-122. – EDN HUNPLA.
6. Россинский С. Б. Дознание: самостоятельная форма предварительного расследования или упрощенная вариация предварительного следствия? / С. Б. Россинский // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – № 1(73). – С. 67-75. – DOI 10.24412/2072-9391-2025-173-67-75. – EDN HPDTJQ.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (УК РФ) (с изменениями и дополнениями)

9. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

10. Шигуров А. В. Проблемы правового регулирования начала и прекращения дознания в сокращенной форме / А. В. Шигуров // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2022. – № 3(18). – С. 60-72. – DOI 10.24411/2618-8120-2022-3-60-72. – EDN UODNSN.

УДК 343

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Гапонова Александра Валерьевна,

студентка 2 курса

Тульский Государственный Университет,

г. Тула, Россия,

saha.gponova.2007@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена проблеме реализации принципа состязательности на предварительном следствии. Анализируется двойственный статус следователя, формальный характер сбора доказательств защитой и ограниченность судебного контроля. Обосновывается необходимость законодательного закрепления обязанности следователя мотивировать отказы в ходатайствах и придавать статус доказательств результатам адвокатского опроса для реального равноправия сторон.

Ключевые слова: Допустимость доказательств, досудебное разбирательство, независимость доказательств, обвинительный уклон, предварительное следствие, равенство сторон, судебный контроль, ходатайства в уголовном процессе.

IMPLEMENTATION OF THE ADVERSARIAL PRINCIPLE DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Gaponova Alexandra Valer`evna,

2nd-year student

Tula State University,

Abstract: The article is devoted to the problem of implementing the adversarial principle during the preliminary investigation. It analyzes the dual status of the investigator, the formal nature of evidence collection by the defense, and the limitations of judicial control. The necessity of legislatively enshrining the investigator's obligation to provide reasoned refusals to motions and to grant evidentiary status to the results of attorney interviews is substantiated in order to achieve genuine equality of arms.

Keywords: Admissibility of evidence, pre-trial proceedings, independence of evidence, accusatory bias, preliminary investigation, equality of arms, judicial control, motions in criminal proceedings.

Проблема реализации принципа состязательности сторон в ходе предварительного следствия сейчас является достаточно актуальной, так как следователи часто отклоняют ходатайства стороны защиты без мотивированного решения. Это, в свою очередь, является нарушением конституционного права подозреваемого (обвиняемого) на осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. Данное нарушение не может быть полностью компенсировано в ходе судебного разбирательства.

Ключевым условием реализации принципа состязательности на предварительном следствии является определение процессуального статуса следователя. В соответствии с ч. 2 ст. 15 УПК РФ, функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга. Однако, в досудебном производстве следователь, являясь должностным лицом, осуществляющим уголовное преследование (ст. 21 УПК РФ), одновременно принимает процессуальные решения, которые в судебной стадии принимает только суд (о возбуждении ходатайств перед судом, об избрании мер пресечения и т.д.) [15].

Как отмечает С.А. Соловьёв, парадокс российского предварительного следствия заключается в том, что следователь, будучи стороной обвинения, наделен властными полномочиями по отношению к другой стороне, что создает предпосылки для нарушения принципа равенства. В последние годы законодательство стремится минимизировать «следственный крен» посредством расширения института судебного контроля. [14]

Федеральный закон от 25 декабря 2023 года №672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» внёс изменения в ст. 38 УПК РФ, уточнив, что следователь обязан обеспечить не только всесторонность и полноту расследования, но и реальную возможность на реализацию своих прав [16]. Данное нововведение носит во многом декларативный характер, однако, как видно по практике, она стала ориентиром для нижестоящих судов при оценке законности действий следователя. В Определении ВС РФ от 20 июля 2023 года №53-УД23-14-А5 суд кассационной инстанции отменил приговор именно по той причине, что следователь, игнорируя ходатайства защиты, действовал не как беспристрастный организатор процесса, а исключительно как носитель обвинительного уклона [7]. Суд указал, что «участие следователя в уголовном преследовании не освобождает его от обязанности создавать условия для состязательности уже на этапе окончания предварительного следствия».

Также одним из индикаторов реальной состязательности является возможность стороны защиты представлять доказательства. Согласно ч. 2 ст. 86 УПК РФ, защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов, опроса лиц с их согласия, истребования справок и иных документов [15]. Однако, на практике, следователи часто отказываются приобщать материалы, предоставленные защитой, ссылаясь на то, что они получены «непроцессуальным путем» или не имеют значения для дела.

А.Ю. Сафронов указывает на отсутствие гибкого механизма, который бы придавал юридическую силу собранным защитой материалам, что вынуждает

защиту подавать ходатайства о производстве следственных действий, которые удовлетворяются лишь в 30% случаев [13]. Тем не менее, суды стали более строго реагировать на необоснованные отказы. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 года №51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» обращено внимание судов на то, что при возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ основанием может служить не только нарушение права на защиту, но и фактическое воспрепятствование стороне защиты в представлении доказательств, повлиявшее на полноту следствия [11]. Пленум указал, что суд вправе признать недопустимыми доказательствами те материалы, которые были добыты следователем с грубым нарушением принципа состязательности, в частности, если защите было отказано в приобщении документов, имеющих существенное значение, без мотивированного решения.

Вместе с тем, остается нерешённой проблема так называемых «адвокатских расследований». Действующее законодательство не предусматривает процедуры легализации результатов опроса лиц (ст. 189.1 УПК РФ) в качестве полноценных доказательств. Часто следователь, получив от стороны защиты протокол опроса, не допрашивает указанное лицо самостоятельно, что приводит к утрате доказательственной информации. Представляется, что для реализации принципа состязательности необходимо законодательное закрепление обязанности следователя допрашивать лиц, опрошенных защитником, если они отказываются являться по собственной инициативе в органы следствия.

В условиях сохранения следственной власти за органами предварительного следствия ключевым элементом реализации принципа состязательности выступает судебный контроль (ст. 29, 125, 165 УПК РФ). Судебный контроль традиционно подразделяется на предварительный

(санкционирование следственных действий) и последующий (обжалование действий и решений следователя) [15].

Эффективность судебного контроля остаётся неполной. С.А. Соловьёв справедливо замечает, что «суд, проверяя законность действий следователя на досудебной стадии, зачастую ограничивается формальной проверкой, не вникая в существо доказательственной базы, поскольку это может быть расценено как предрешение вопросов, подлежащих разрешению при рассмотрении дела по существу» [19]. Возникает порочный круг: суд не может оценить доказательства для решения вопроса о законности действий следователя, но без оценки невозможно установить факт нарушения.

Анализ законодательных изменений и судебной практики позволяет выделить несколько направлений дальнейшего развития принципа состязательности на предварительном следствии.

Во-первых, наблюдается тенденция к расширению полномочий стороны защиты в части инициирования следственных действий. Предлагается в научной литературе закрепить в УПК РФ правило, согласно которому ходатайство защиты о производстве следственного действия подлежит безусловному удовлетворению, если обстоятельства, на которые ссылается защита, имеют значение для дела, а следователь обязан мотивировать отказ только в случае явной недопустимости или неотносимости доказательств [10].

Во-вторых, очевидна необходимость совершенствования механизма судебного контроля. Вместо формальной проверки жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ предлагается наделить суд полномочиями по оценке доказательств на предмет их допустимости уже на досудебной стадии, но с соблюдением гарантий, исключающих предрешение вопроса о виновности.

Проведенное в рамках настоящей статьи исследование реализации принципа состязательности сторон на этапе предварительного следствия позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Принцип состязательности, являясь конституционной гарантией правосудия, на стадии предварительного следствия сталкивается с объективными противоречиями, заложенными в самой природе досудебного производства. Следователь, выступая в качестве стороны обвинения, одновременно наделен властными полномочиями по принятию процессуальных решений, что создаёт дисбаланс возможностей участников уголовного судопроизводства. Анализ законодательных изменений и обобщение практики Верховного Суда РФ, свидетельствуют о последовательном курсе высшей судебной инстанции на расширение элементов состязательности в досудебных стадиях. Однако данный курс реализуется преимущественно через институт судебного контроля, который, несмотря на свою эффективность, не способен в полной мере компенсировать отсутствие у стороны защиты реальных механизмов паритетного участия в формировании доказательственной базы.

Ключевыми проблемами, препятствующими полноценной реализации принципа состязательности на предварительном следствии, остаются: формальный характер права защитника на сбор доказательств (ст. 86 УПК РФ), отсутствие обязательства для следователя принятия результатов адвокатского расследования, ограниченная эффективность судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ.

Сложившаяся судебная практика, проанализированная в определениях Судебной коллегии ВС РФ, демонстрирует тенденцию к переходу от формальной проверки законности действий следователя к содержательной оценке соблюдения состязательных начал. В частности, суды всё чаще признают существенным нарушением не просто отказ в удовлетворении ходатайства, а отсутствие мотивированного решения следователя, а также ограничение времени ознакомления с материалами дела в электронном виде.

Перспективы развития института состязательности на предварительном следствии могут быть рассмотрены в следующих направлениях:

1. Нормативное закрепление обязанности следователя допрашивать лиц, опрошенных защитником, с приданием результатам такого опроса статуса доказательства без дополнительного дублирования;

2. Расширение перечня следственных действий, производство которых обязательно по ходатайству защиты, с ограничением права следователя на отказ только случаями явной неотносимости или недопустимости доказательств;

3. Совершенствование судебного контроля путём наделения суда полномочиями по оценке допустимости доказательств на досудебной стадии без предрешения вопроса о виновности;

Таким образом, несмотря на позитивные изменения в правовом регулировании и правоприменительной практике, принцип состязательности на этапе предварительного следствия в настоящее время реализуется в полном объёме. Достижение реального, а не декларативного равенства сторон требует системных изменений уголовного-процессуального закона, направленных на перераспределение процессуальных полномочий и усиление гарантий прав личности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Библиографический список использованных источников

1. Аналитическая записка: Результаты работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2025 год // Официальный сайт Следственного комитета РФ. – URL: <https://sledcom.ru> (дата обращения: 31.03.2026).
2. Балаян С. А., Ушаков О. М. Соотношение принципов равноправия и состязательности в уголовном процессе // КиберЛенинка. — 2024.
3. Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. – URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 31.03.2026).
4. Голлоев М. Д. Проблемы допустимости доказательств, полученных стороной обвинения, и их оценка в состязательном процессе // КиберЛенинка. — 2025.

5. Даниленко И. А., Щербакова А. А. Некоторые проблемы реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // КиберЛенинка. — 2024.
6. Дубовик О. А. Проблемные аспекты реализации принципа состязательности в стадии возбуждения уголовного дела // Межвузовский криминалистический форум (в рамках научного проекта «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства»). — 2023.
7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 июля 2023 года №53-УД23-14-А5 // Правовые акты и судебная практика. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 31.03.2026).
8. Кирьянов К. А. Проблемы реализации принципа состязательности на стадии предварительного расследования // Наука и реальность. — 2025. — №3 (23). — С. 68–72.
9. Комилов Т. Б. Проблема реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве // Молодой учёный. — 2024. — №27 (526). — С. 180–182.
10. Мальцагов И. Д., Гельдибаев М. Х. Особенности реализации принципа состязательности при доказывании в уголовном судопроизводстве // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. — 2025.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 года №51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» (с изменениями от 9 декабря 2025 года №33) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 30.03.2026).
12. Ремизова М. С. Принцип состязательности как гарантия права на соби́рание доказательств в уголовном судопроизводстве // КиберЛенинка. — 2023.
13. Сафронов А. Ю. Обеспечение полноты представляемых суду материалов в уголовном процессе в условиях конкуренции гласности, тайны следствия и состязательности // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — №6.

14. Соловьёв С. А. Принцип состязательности и баланс публичного и частного в уголовном судопроизводстве // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — №1. — С. 143–151. DOI: 10.33184/pravgos-2025.1.16.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.03.2026 г).
16. Федеральный закон от 25 декабря 2023 года №672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2024. — №1 (ч. I). — Ст. 53.
17. Чеботарева И. Н. Процессуальное равенство сторон обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2023. — №3.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

УДК 347.73

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫМ СПОСОБАМ МОШЕННИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Каскова Валерия Ивановна,

студент 2 курса

ГКОУ ВО РТА,

г. Люберцы, Россия,

lerakaskova15@mail.ru

Аннотация: Статья анализирует финансово-правовые механизмы борьбы с мошенничеством в условиях цифровизации. Рассматриваются правовой статус Банка России, нормы 115-ФЗ, финансовый мониторинг, самозапрет на кредиты и антифрод-меры. Цель — выявить роль финансово-правовых норм в противодействии мошенничеству. Финансовое право формирует основу для борьбы с мошенничеством, но нуждается в корректировке для снижения числа необоснованных блокировок.

Ключевые слова: антифрод, Банк России, мошенничество, самозапрет на кредиты, финансовое право, финансовый мониторинг, цифровые платежные инструменты, 115-ФЗ.

FINANCIAL AND LEGAL MECHANISMS FOR COUNTERING MODERN FRAUD METHODS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kaskova Valeria Ivanovna,

second year student

GKOU VO RTA,
Lyubertsy, Russia,
lerakaskova15@mail.ru

Abstract: The article analyzes financial and legal mechanisms for combating fraud in the context of digitalization. It examines the legal status of the Bank of Russia, the provisions of Federal Law No. 115-FZ, financial monitoring mechanisms, self-ban on loans and anti-fraud measures. The purpose is to identify the role of financial and legal norms in countering modern fraud methods. Financial law forms the basis for combating fraud, but needs to be adjusted to reduce the number of unjustified lockouts.

Keywords: anti-fraud, Bank of Russia, fraud, self-ban on loans, financial law, financial monitoring, digital payment instruments, 115-FZ.

Цифровая трансформация ставит перед финансовым правом много новых вопросов. Один из самых острых заключается в том, как бороться с дистанционным мошенничеством, когда преступник и жертва никогда не встречаются вживую. В новых условиях способы совершения мошенничества претерпели существенные изменения. Злоумышленники активно используют подмену номеров, методы социальной инженерии, звонки от «службы безопасности банка», используют названия крупных и известных компаний, слегка их меняя, например, добавляя букву или цифру, а также создавая похожие (фейковые) сайты. [5, с. 536]. Эта область, как никакая другая, выявляет существующие на данный момент проблемы в финансово-правовом регулировании противодействия мошенничеству, ведь поскольку мошенничество в последнее время все чаще совершается без прямого контакта с жертвой, классических мер уголовно-правового характера (например, ст. 159 УК) становится недостаточно. Уголовное дело может быть возбуждено, но как показывает практика, к тому времени деньги уже обналичиваются злоумышленниками или уходят на специальные счета. Финансовое право же, в свою очередь, различными мерами пытается предотвратить совершение

преступления, и устанавливает ряд правил, обязательных для участников финансовой системы, работающих с деньгами граждан на профессиональной основе.

Статья 75 Конституции Российской Федерации устанавливает, что защита и обеспечение устойчивости рубля является основной функцией Центрального банка (далее – Банк России). Выполнение этой задачи является необходимым и достаточно тяжелым в реализации. Обеспечение устойчивости финансовой системы невозможно, пока граждане нашей страны ежедневно теряют свои сбережения из-за мошенников. По статистике Банк России за 2025 год мошенникам удалось отобрать у россиян почти 30 млрд рублей (учтены только переводы из банковских приложений) [2]. Вернуть пострадавшим удалось лишь 1,7 млрд рублей, что составляет всего 5,9% от общего объёма украденных средств. Решение данной проблемы Банк России видит в расширении контрольных функций. Механизмы, которые он применяет, лежат в сфере нормотворчества. Разберем их подробнее.

Первым и наиболее значимым инструментом является перечень признаков мошеннических операций (в действующей редакции с 1 января 2026 года перечень насчитывает двенадцать пунктов). Он содержит в себе определенные «маркеры», выявление которых с высокой долей вероятности указывает на попытку несанкционированного перевода или вывода похищенных средств. А значит, требует от банка немедленного вмешательства, вплоть до приостановки перевода. К таким маркерам относятся, например, аномально высокая частота операций (когда человек делает десятки переводов за короткое время), переводы на счета, уже попавшие в базу подозрительных (так называемый «чёрный список») и использование новых, ранее не зарегистрированных телефонов или компьютеров, и др. [4]. Предложенный Банком России подход представляется логичным, однако содержит в себе существенные недостатки, которые создают массу проблем добросовестным гражданам. Все чаще встречаются случаи, когда безобидный перевод денег оборачивается блокировкой карты. Перечень

признаков применяется формально, без разбора в истинной природе операции. Банки считают, что лучше перестраховаться и совершить ошибку в сторону блокировки, нежели потом разбираться с последствиями пропущенных мошеннических действий. А последствия такие достаточно строги, и включают не только претензии клиента, но и штрафы от Банка России.

Перечисленные мной обстоятельства являются прямым следствием, вытекающим из второго по значимости механизма противодействия современным способам мошенничества – Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее —115-ФЗ). Под контроль 115-ФЗ подпадают две категории операций: подлежащие обязательному контролю (обычно крупные деньги или сделки с активами, которые считаются рискованными) и так называемые подозрительные операции, которые банк может определить по внутренним критериям. Система финансового мониторинга, субъектами которой являются Росфинмониторинг, Банк России и сами кредитные организации, обязана отслеживать подобные операции, а банки, в свою очередь, докладывать в уполномоченный орган о найденном и приостанавливать такие переводы. На практике реализация данного механизма сопряжена с существенными трудностями.

В 2025 году Банк России зафиксировал 235,2 тысячи жалоб на кредитные организации [2]. Это почти на 15% больше, чем годом ранее. И большая часть этих жалоб — именно на отказы в операциях и заморозку карт. Примерно каждая седьмая-восьмая из необоснованных блокировок после обжалования отменяется, однако процесс этот длится неделями или месяцами, а пользователь на все это время теряет доступ к собственным средствам. Разумеется, банк на стороне закона. Ведь на месте обманутого мошенниками человека спокойно мог оказаться и тот самый клиент, совершивший необычный для себя и банка, но тем не менее законный бытовой перевод. Но процедурная проблема очевидна. Почему человек ничего не нарушивший должен подвергаться неудобствам в

виде блокировок и заморозки счета? Проблема закона таится не только в процедуре, но и в самой сущности. Финансово-правовые нормы, заложенные в 115-ФЗ, изначально проектировались для борьбы с отмыванием доходов, полученных организованными преступными группами, то есть с крупными и проработанными схемами. Однако сегодня этот закон стал основным инструментом для борьбы с массовым дистанционным мошенничеством, где суммы зачастую невелики, а страдают в результате обычные люди, которых закон призван защищать.

Два следующих механизма финансово-правового реагирования были приняты в 2025 и 2026 годах. Ряд новых мер являются попыткой создания превентивных ограничений, обрекающих преступную схему на неизбежный провал, даже если злоумышленнику удалось получить доступ к личным данным граждан. Как отмечается в учебнике «Финансовая грамотность», подготовленном экономическим факультетом МГУ по заказу Банка России, мошенничество на финансовом рынке включает в себя такие распространённые схемы, как финансовые пирамиды, «черные» кредиторы, мошенничество с платёжными картами, кибермошенничество (включая фишинг, скимминг и взлом аккаунтов), а также психологические схемы, основанные на методах социальной инженерии. Последние предполагают прямое воздействие на поведение жертвы с помощью мошеннических схем, эксплуатирующих страх, чувство долга, одиночество, скуку, невнимательность, желание быстро обогатиться или, наоборот, помочь близким [5, с. 538]. Именно эта категория мошенничества представляет наибольшую сложность для правоприменения. Хотя формально перевод выглядит как добровольное действие, оно совершается под влиянием обмана. Законодательство, регулирующее платёжные системы (например, ФЗ "О национальной платёжной системе"), не относит подобные переводы к несанкционированным. Это означает, что если гражданин стал жертвой телефонного мошенничества и самостоятельно ввел код из СМС или подтвердил операцию в приложении, банк снимает с себя ответственность и не

обязан возмещать понесенные убытки. Такая ситуация ставит пострадавшего в уязвимое положение, несмотря на то, что действия мошенников являются очевидным преступлением. Эта правовая конструкция позволяет злоумышленникам продолжать беспрепятственно выводить средства, поскольку они осознают, что если деньги были переведены добровольно под воздействием обмана, банк их не вернет, а установить личность реального получателя практически невозможно, так как счета часто оформлены на подставных лиц – дропов. Новые механизмы финансово-правового реагирования были разработаны как раз после осознания растущей угрозы финансовых махинаций.

С 1 марта 2025 года начал действовать важный инструмент защиты от мошенничества – институт самозапрета на получение кредитов. Граждане могут добровольно ограничить возможность заключения с ними кредитных договоров, подав заявление через "Госуслуги" или МФЦ. С точки зрения финансового права, это новаторский шаг, позволяющий людям осознанно сузить свою правоспособность в области кредитования. Если в базе данных есть отметка о самозапрете, ни один кредитор не сможет выдать займ, даже если мошенники попытаются оформить его на чужое имя, используя украденные данные. Первые месяцы работы показали высокую эффективность. Миллионы россиян воспользовались этой опцией, а число попыток мошеннического кредитования снизилось, согласно данным бюро кредитных историй. Ключевым ограничением самозапрета на кредиты является отсутствие возможности оперативного доступа к заемным средствам, поскольку процедура снятия данного ограничения требует временных затрат. Более того, данный механизм не обеспечивает защиту от мошеннических действий, основанных на использовании фальсифицированных документов, и предполагает необходимость активного администрирования, при этом сохраняется вероятность совершения ошибки при настройке (например, установка частичного запрета вместо полного).

Вторым нововведением стал "период охлаждения", призванный защитить граждан от мошенничества. При оформлении кредита на сумму от 50 до 200

тысяч рублей выдача средств задерживается на четыре часа. Если же заемщик запрашивает более 200 тысяч рублей, эта пауза увеличивается до 48 часов [3]. Цель такого механизма – предоставить человеку возможность обдумать свои действия, проконсультироваться с банком и осознать возможное давление со стороны мошенников. С точки зрения права, это прямое и обязательное ограничение договорной свободы, которое оправдано высокой общественной опасностью мошенничества в сфере кредитования.

Еще один механизм был введен в феврале 2026 года. Государственная Дума одобрила во втором чтении пакет мер, направленных на борьбу с мошенничеством (второй антифрод-пакет) [1]. Он устанавливает лимиты на количество банковских карт (не более 20 на человека, из них 5 в одном банке) и сим-карт (не более 10). Планируется также создание единой базы банковских карт под управлением Банка России. Эти меры призваны пресечь схему "дропперства", когда мошенники используют подставных лиц для оформления большого количества карт и сим-карт, которые затем сдаются в аренду преступникам. Хотя ограничение количества карт для обычного человека кажется логичным, существуют и недостатки. Эксперты банковской сферы отмечают, что мошенники могут обойти эти ограничения, используя паспорта умерших или создавая фирмы-однодневки, которые оперируют через корпоративные счета. Кроме того, такие меры могут создать трудности для добросовестных предпринимателей, которым для ведения бизнеса объективно требуется несколько карт для различных операций.

Подводя итог, можно сказать, что финансовое право сегодня закладывает основу для противодействия мошенничеству, предоставляя регулятора, механизмы мониторинга и средства самозащиты. Однако оценка эффективности этой системы неоднозначна. С одной стороны, статистика МВД показывает рост дистанционных мошенничеств, что свидетельствует о неполноте существующих финансово-правовых барьеров. С другой стороны, без них граждане понесли бы еще более значительные убытки. Наиболее острой проблемой, требующей

немедленного решения, является массовое необоснованное блокирование счетов добросовестных клиентов автоматизированными банковскими системами. Человек, соблюдающий закон, может столкнуться с двух-трехнедельной потерей доступа к своим средствам, при этом закон не предоставляет ему действенного механизма для оперативного восстановления своих прав. Практика показала, что положения 115-ФЗ нуждаются в уточнении. Вместо простого перечисления формальных признаков подозрительности, необходимо обязать банки проводить дифференцированную оценку, принимая во внимание поведенческие факторы и историю взаимоотношений с клиентом. В противном случае, мы рискуем превратить борьбу с мошенничеством в борьбу с собственными законопослушными клиентами. Неясным остается распределение ответственности между банками и клиентами в случаях, когда перевод осуществляется по воле клиента, но в результате обмана. Для единообразия судебной практики необходимы разъяснения высших инстанций, имеющие обязательную силу. Предлагается рассмотреть возможность введения в законодательство понятия "операция, совершенная под влиянием обмана", с установлением особого порядка возмещения. В настоящее время банки часто используют формальный подход, отказывая в возврате средств, поскольку клиент сам инициировал перевод, несмотря на обман. Это создает несправедливую ситуацию, когда банки не заинтересованы в улучшении защиты клиентов, перекладывая риски на пострадавших.

Таким образом, финансово-правовые инструменты противодействия мошенничеству в России находятся в стадии становления. Они уже показали свою эффективность, предотвратив гораздо большие потери граждан благодаря таким мерам, как самозапрет, антифрод-системы и периоды охлаждения. Однако эти же меры привели к новым правовым коллизиям, связанным с излишней свободой действий банков и недостаточной защитой добросовестных клиентов. Дальнейшее развитие финансового права должно быть направлено на достижение баланса: с одной стороны, сохранять эффективность борьбы с

мошенничеством, с другой – не создавать чрезмерных препятствий для обычных финансовых операций. Целесообразно внедрить обязательный досудебный порядок обжалования блокировок с короткими сроками рассмотрения, например, через создание при Банке России административных палат для оперативного решения таких вопросов. Только путем совершенствования правовых норм, а не их простого ужесточения, можно обеспечить надежную защиту граждан от финансового мошенничества в условиях цифровой экономики.

Библиографический список использованных источников

1. Вот новый антифрод: Госдума одобрила второй пакет мер по борьбе с мошенниками // Эксперт. 2026. 10 февраля. URL: <https://expert.ru>
2. Доклад Банка России о противодействии мошенническим операциям за 2025 год // Официальный сайт Банка России. 2026. URL: www.cbr.ru
3. Новые способы защиты от мошенничества: как сохранить деньги и личные данные // Право.ru. 2025. 15 сентября. URL: <https://pravo.ru>
4. Приказ Банка России от 5 ноября 2025 г. № ОД-2506 «Об установлении признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента и отмене приказа Банка России от 27 июня 2024 года № ОД-1027». URL: <https://www.cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/10123>
5. Финансовая грамотность : учебник для вузов / науч. ред. Р.А. Кокорев. — Москва: Издательство Московского университета, 2021. — 568 с. — (Глава 11 «Права потребителей финансовых услуг и их защита», раздел 11.3 «Мошенничество на финансовом рынке», с. 526–539).

Сфера науки. 2026. Том 1. №5.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №5

Май 2026 г.

В авторской редакции

Научный электронный журнал «Сфера науки»,
350000, г. Краснодар, ул. Володи Головатого, 313,
e-mail – sfera_nauki@mail.ru

Краснодар, 2026